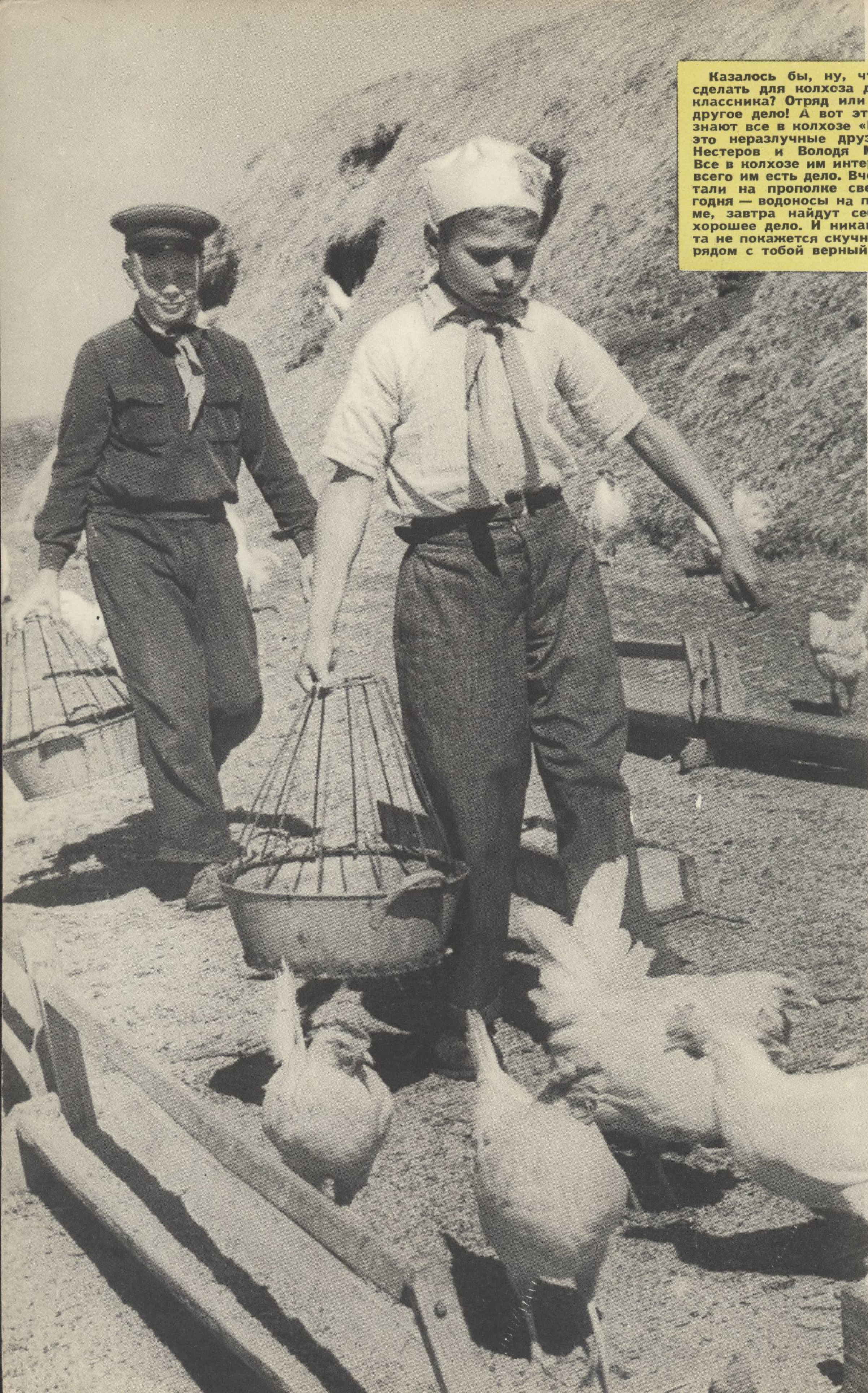
ПИОНЕР

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1961 г.

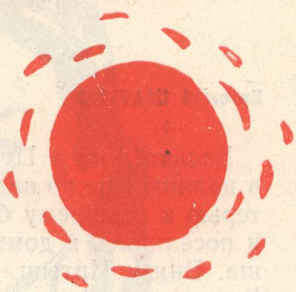
7

Казалось бы, ну, что могут сделать для колхоза два пятиклассника? Отряд или звено — другое дело! А вот этих ребят знают все в колхозе «Рассвет»: это неразлучные друзья Леня Нестеров и Володя Мезенцев. Все в колхозе им интересно, до всего им есть дело. Вчера работали на прополке свеклы, сегодня — водоносы на птицеферме, завтра найдут себе новое хорошее дело. И никакая работа не покажется скучной, когда рядом с тобой верный друг.

СЛУШАЙ, ПИОНЕР!

Походное лето в разгаре.

Быть может, этот номер журнала ты получишь в последнюю минуту перед уходом из дому, когда рюкзак будет уложен, ноги обуты в удобные кеды и непродуваемая, непромокаемая, верная походная куртка перекинута через плечо...

Счастливого пути!

Желаем тебе хорошо отдохнуть в экспедиции, вернуться домой с богатыми трофеями.

Что принесет из похода твой экспедиционный отряд?

Материалы, документы, записи по истории пионерских отрядов для пионерской летописи к сорокалетию нашей организации...

Карту, на которой будут нанесены новые, никому не известные залежи строительных материалов, а может, и редких, ценных полезных ископаемых, если ваш отряд хорошо подготовлен к экспедиции.

Отчет о том, что вы проделали в экспедиции, где поработали, как помогали охранять природу и исторические памятники.

Надеемся, что, готовясь в путь, ты и твои товарищи не забыли зайти в районный совет пионерской организации или на детскую экскурсионно-туристическую станцию и получить задание и удостоверение для вашего экспедиционного отряда.

19 мая 1962 года, в день сорокалетия пионерской организации, будут подведены итоги третьей Всесоюзной пионерской экспедиции.

ЖЕЛАЕМ ТВОЕМУ ОТРЯДУ БОЛЬШИХ, ИНТЕРЕСНЫХ ОТКРЫТИЙ!

ИЮЛЬ
№7 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"

Всегда готов!
Год издания 38-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

В СТЕПИ

Евгений ШАТЬКО

Рисунки автора.

Васька жил в Целинном крае почти год, а целины еще не видал. Приехали они с матерью к старшему брату в город Павлодар и поселились в домике над обрывом Иртыша. Внизу Иртыш — такой широкий, шире Волги, а за Иртышом синяя степь. Вот там и была целина. Васька приехал из горьковских лесов. Говорил на «о», скороговоркой, и когда первый раз с ребятами попал в степь, за город, то сказал удивленно:

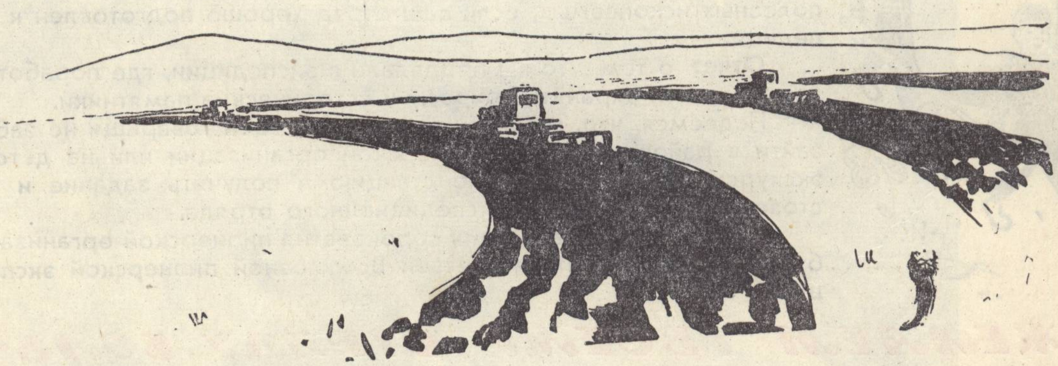
— Уж больно ровно, однако!

Ночами снились Ваське голубые громадные ели, которые стояли прямо над избой в огороде...

Наступила весна. На берегу Иртыша вылезли из-под снега черные лодки, тронулся лед. Васька готовил уроки всегда на столе перед окном, за которым виднелась синяя степь. Уроки готовить не хотелось, а хотелось смотреть в окно. Смотрел, смотрел Васька да вдруг и сочинил стихи:

Нас долго звали
Голубые дали.

Подумал Васька, что бы еще прибавить к

этим строчкам,— ничего не прибавляется. А на раскрытой странице «Зоологии» — надоевшая фотография газелей, и приписал Васька тогда:

А две газели
На нас глазели.

Надо сказать, что в этот день с утра у Васьки была трудная жизнь.

Сегодня он должен был выполнять все приказы Петьки.

Дело в том, что Петька здорово играл в шашки и поэтому придумал такое правило: кто проиграет ему десять раз, тот полностью подчиняется ему, Петьке, на целый день, становится прямо Петькиной марионеткой. Вот Васька и должен был сегодня после обеда идти к Петьке кормить его кроликов и возиться с его крикливой сестренкой.

К обеду пришел старший брат Васьки. Брат работал зоотехником и часто выезжал в степь. Он весело сказал:

— После обеда еду в срочную командировку в целинный совхоз. Между прочим, через Иртыш — первым пароходом. Могу тебя взять, Василий.

Не успел Васька обрадоваться, как появился Петька и сказал:

— Ну, пойдем кроликов кормить, марионетка!

— Я еду в командировку,— сказал Васька.— На целину.

— А ну-ка, выйди-ка, поговорим,—сказал тогда Петька зловеще.

Вышел Васька следом за Петькой во двор, готовый к чему угодно, даже по шее получить. Петька округлил свои зеленые глаза, схватил за плечо и заявил решительно:

— Слушай, если орленка оттуда не привезешь,— лучше не приезжай...

А потом крепко пожал руку и сказал великодушно:

— Поезжай давай: я разрешаю!

* * *

Пароход был такой свежепокрашенный, что, если крепко и долго держаться за металлические прутья ограды, ладони прилипали. На палубе было много людей, которые спешили за Иртыш, на целину: ведь начиналась пахота, строительство. Большинство этих людей были одеты в плащи или ватники, разговаривали о земле, семенах, о плохих дорогах, курили и нетерпеливо поглядывали на большую воду, на далекий берег, который медленно плыл навстречу. Ветер нес из степи запах земли, а от реки пахло снегом и свежим лозняком. Иногда проплывали льдины. Брат Васьки Игорь, как человек деловой и очень занятый, не терял зря времени; он поговорил немного с соседом да и вздремнул на скамеечке, приподняв воротник, только выставил наружу облупленный, опаленный уже апрелем нос да желтые брови...

Васька пошел бродить по палубе, и вдруг все зашумели, бросились к левому борту, и кто-то крикнул:

— Волк, волк!

Васька подбежал к борту и увидел, что сверху по течению плывет к пароходу большая зеленоватая льдина, а по ней бегает мокрый, отощавший, грязный волк, перепрыгивая через лужи. Бегает, по-собачьи поджав хвост, и со страхом смотрит на пароход. А льдину подносило все ближе и ближе к пароходу.

— У меня ведь ружье, братцы! — спохватился один дядька в милицейской фуражке и побежал вниз, в третий класс.

А волк прижал уши, отскочил к дальнему краю льдины и, когда льдину проносило мимо парохода, прыгнул в воду и поплыл в сторону. Только водой его потащило вниз, и там он снова вылез на льдину.

Все отошли от борта, осталась только одна девочка-казашка в малиновой тюбетейке, в черной бархатной безрукавке и белой юбке.

— А может, это собака, а никакой не волк? — сказал Васька девочке.

— Нет, это волк. Я волков видела,— ответила девочка.

— В зоопарке, поди, ты их видела,— сказал Васька насмешливо.— А я-то этих волков перевидал, как воробьев. Они у нас через огород бегали. А один даже на поветь забрался.

Насчет повети Васька, конечно, приврал, потому что на сеновал волк забрался в соседней деревне, да и произошло это так давно, когда Васьки еще на свете не было.

— А вы куда едете? — спросила девочка.

— На целину. Туда! — Васька неопределенно махнул рукой в сторону затопленного берега.— Я за орленком еду.

— А ведь очень трудно поймать орленка!

— Ничего... уж как-нибудь,— голосом бывалого человека пообещал Васька, а потом достал из кармана компас и отпустил стрелку. Стрелка заволновалась, заметалась и уставилась красным концом вниз по течению: там был север.

— А вы где живете? — спросил Васька.

— Вон туда,— сказала девочка и показала рукой в сторону, вверх по течению.

— Юго-восток тридцать градусов,— определил Васька.— Запомним.

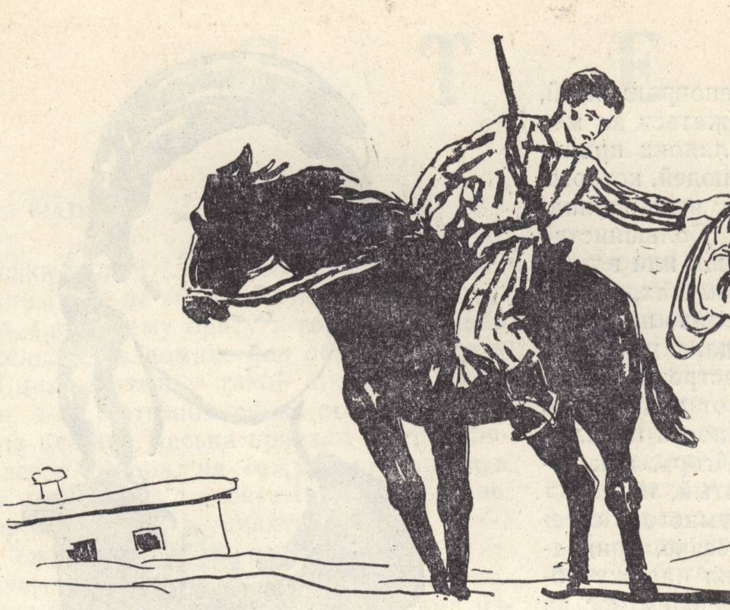
Показалась пристань, девочка попрощалась и убежала.

Васька нашел Игоря, когда все разом завозились, поднялись и, подталкивая друг друга, затеснились у одного борта.

Когда Васька шел по сходням вниз, впереди мелькнуло малиновое пятно тюбетейки рядом с синим халатом, но толпа заслонила их.

* * *

Дальше ехали в «газике» с брезентовым верхом. Брат всю дорогу разговаривал с толстым человеком в скрипучем черном пла-

ще. Человек этот высоким голосом сообщал брату какие-то цифры, говорил о травах и, время от времени вздыхая, сокрушался:

— Волки еще, Игорь Данилыч, покоя не дают.

Васька сидел рядом с шофером. Навстречу бежала пепельная, высыхающая степь. В солнечном свете дрожал теплый воздух над солончаковыми взгорьями. Ползли прозрачные лиловые тени от облаков. Суслики со всех ног бросались прочь от дороги в обе стороны. Иногда встречались у дороги каменные ограды вокруг могилы чабана, с бараньим черепом на вершине.

Под вечер откуда-то из-за холмов потянуло дымом. Когда совсем стемнело, холмы выросли, над ними сполохами заалело небо, и оттуда, где горели неведомые пожары, доносился напряженный вибрирующий рокот...

— Там вовсю работают...— сказал Игорь, кивая головой в сторону красного неба.

— Десять тысяч поднимают, шутка ли! — ответил человек в плаще.

Под этот гул Васька заснул и плохо помнил, как подъехали к глинобитным домикам, как вывели его из машины и кудлатые собаки дружелюбно обнюхивали ему руки и как держал его под руку молодой чабан в ковбойке, помогая пройти в низкие двери. В беленой комнате он был уложен на красное ватное одеяло, и сморщенные руки матери чабана накрыли его мягкой шубой, которая остро пахла овцами и молоком.

* * *

Ваське снилось багровое гудящее небо и волк, прыгающий со льдины в алую воду.

Когда Васька открыл глаза, он увидел вчерашнюю знакомую девочку. Она стояла в дверях с пиалой в руке, только на голове у нее была другая тюбетейка. Васька обрадовался и сел.

— Здравствуйте,— сказала девочка и отступила за дверь.

— Здравствуйте, а как вас зовут? — сказал Васька.

— Нагима,— тихо ответила девочка, отступая еще дальше, в соседнюю комнату.

— А меня Васькой. А где же Игорь? Где все?

— Все в поле. Сегодня плохой день...

За окном выл ветер и громыхало что-то жестяное.

— Сегодня ветер, и волки ночью ходили вокруг. Нехорошо,— повторила Нагима.

Васька вышел на улицу вслед за Нагимой. За дверью на них сразу набросился ветер. Васька оглянулся и не узнал степь: куда делась ровная, тающая в разбеге плоскость? С одной стороны высились седые горы, с другой — мягкие, уходящие в ровное холмы. Ветер зарождался в горах и с плеском мчал в степь. В этом плещущем ветре около глиняного подслеповатого домика седлал лошадь парень в ковбойке и в халате. Ветер развевал полы халата, гриву. Лошадь приплясывала, и похожие на дым-

ки выстрелов рвались из-под копыт комья земли. Пробежала, подгоняемая ветром курица с перьями, завернутыми к голове... Парень поднялся в седло, подъехал — горбоносое тонкое лицо, брови вразлет — и крикнул Нагиме по-казахски несколько слов. Она бросилась в дом и вернулась с мотком веревки и ружьем. Горбоносый парень взял веревку, закинул ружье за плечо и поскакал в степь наперерез ветру, так что хвост лошади горизонтально относило в сторону.

Из дома вышла старая казашка, мать Нагимы, поглядела вслед всаднику и покачала головой:

— Джаман, джаман...

— Что она говорит? — спросил Васька у Нагимы.

— Плохо получается... Там один чабан с отарой... Брат, Барекеле, поехал помочь...

Из-за гор ползли тучи и громоздились наверх, похожие на новые горы. Молния ударила в глухую синеву туч и фиолетовым светом отделила горы от туч, а потом стало еще сумрачнее.

Мать что-то сказала Нагиме и показала высохшей ладонью в степь.

— Я тоже еду туда,— сказала Нагима Ваське.

— И я поеду! — вдруг заявил Васька.

— Идемте! — сказала Нагима и пошла к низкому навесу за домом. Она шла впереди, тоненькая, охваченная ветром, и косы дугой выгибало в сторону.

Нагима, оказывается, умела быстро заседлать лошадь. Лошади будто подчинились напору ветра и взяли с места в галоп. Васька ездил верхом в ночное, лошади были тихие, рабочие. А эти понесли так, что грива поднялась к лицу. Нагима и Васька мчались по степи, закрытой тенью туч. Только далеко впереди горела на солнце земля: казалось, они рвались догнать убегающий за горизонт солнечный свет.

Нагима шла впереди, и Васька из последних сил старался хоть не отстать от нее. Степь летела в глаза спинами холмов, и когда Васька взлетал на вершину холма, степь распахивалась новой ширью, бросала под ноги петли речек, россыпи камней на древних могилах, черные полосы пахоты. Промчались и через небольшой аул в несколько домиков. Ветер рвал все сильнее, в спину ударили первые тяжелые капли... От такой скачки Ваське скоро стало не по себе: ноги враз одеревенели, в спине появился какой-то гвоздик.

Наконец впереди показалась отара. Вытянувшись серой живой лентой, она ползла вверх по угору, а внизу около угольно-черной полосы пашни, сбившись в кучу, прыгали и крутились собаки. Барекеле, привстав в стременах, рвал из-за спины ружье. Вдруг из круга собак выпрыгнул большой серый комок — волк — и прыжками пошел через черноту пахотной земли... Собаки клубком пошли следом и на том краю пахоты опять закрыли волка. Все резче слышался утробный и визгливо-заливистый лай собак.

— Барекеле хочет взять его живьем! — крикнула Нагима.

Собаки, взрывая ногами мягкую, сырую пахотную землю, кружились и прыгали вокруг волка.

Прижав уши и оскалившись, он сидел в середине прыгающего кольца собак и, вздыбливая шерсть на спине, поворачивал

то в одну, то в другую сторону оскаленную морду. Поворачивался он с трудом, подволакивая заднюю ногу. Барекеле, который крутился на лошади между собак, вдруг выпрыгнул из седла и ринулся в серый клубок. Взлетел и опустился приклад ружья...

Когда Васька и Нагима спрыгнули с лошадей и подбежали, волк лежал уже на боку со связанными лапами, деревянная рогатка была вставлена в пасть и закреплена ремнем вокруг шеи. Барекеле отгонял

взъерошенных, охрипших собак, которые, рыча, стояли над волком.

Скоро подошел второй чабан, русский парень с разлохмаченной беловолосой головой, и старик в синем халате — отец Нагимы и Барекеле, старший чабан. Старик сердито стал говорить, обращаясь то к сыну, то к беловолосому парню. Они слушали его, опустив головы. Беловолосый стал закуривать, и папироса прыгала в его пальцах.

— Отец ругает их за то, что выгнали отару в поле в такую плохую погоду,— объяснила Нагима Ваське.

Отец Барекеле повернулся и пошел к отаре, вверх по склону, заложив руки за спину. Собаки тяжело побежали следом за ним.

Барекеле и второй чабан подняли волка и привязали его к седлу. Барекеле сел на вторую лошадь и разобрал поводья. Васька тоже сел на своего серого и подъехал поближе, разглядывая волка,— вот уж будет о чем рассказать ребятам в Павлодаре! Накрапывал дождь. Отара волновалась и сползала с холма, над ней возвышалась одинокая фигура старшего чабана.

— Плохо дело,— сказал Барекеле Нагиме.— Пойдет дождь, разольются реки. Надо скорее гнать отару обратно, придется, видно, через дальний мост. Иди, Нагима, помогай отцу! Я поеду ко второй отаре. Старик шибко сердится. Иди, Нагима, помогай ему.

Нагима не двинулась с места и посмотрела на Ваську. Ей хотелось, чтобы он поехал с нею помогать отцу. Но Васька смотрел на волка. Ваське уже не хотелось ехать к отаре. Ваське хотелось сейчас же проехать через аул вместе с Барекеле. Они верхом будут ехать по обе стороны этой лошади, к седлу которой приторочен почти живой волк. Мальчишки и старики с белыми бородами окружат их и будут удивляться.

Нагима и Барекеле выжидающе смотрели на Ваську.

— Ты не хочешь посмотреть на ягнят? — спросила Нагима робко, едва слышно; может быть, Васька и не расслышал.

Вид у Нагимы был смешной: косички прилипли к плечам, голова блестела, как у грачонка.

— Не-е...— возразил Васька.— Я поеду. А ты возьми мою шапку,— сказал Васька великодушно, снял шапку и протянул Нагиме.

Нагима отвернулась и побежала вверх по долине, к отаре. Барекеле вздохнул и тронул свою лошадь. Васька поехал следом за ним. Дождь приударил сильнее. Барекеле подхлестнул свою лошадь, и они поехали быстрее. Но все оказалось не так, как предполагал Васька. Они провезли волка через кишлак под дождем, никого не было, да и Барекеле торопился, ехал рядом молчаливый и мрачный. Когда приехали, Барекеле сказал Ваське:

— Оставайся здесь.

А сам умчался в дождливую мглу, ко второй отаре.

Мать Барекеле провела Ваську в темную комнату, налила ему чаю и, улыбаясь, что-то спросила по-казахски. Васька не знал, что ответить. Тогда мать спросила коротко:

— Нагима?

— Там,— ответил Васька, и показал рукой в степь, и почувствовал себя вдруг одиноко и пусто.

Мать налила ему еще чаю и вышла. После чая начал Ваську смаривать сон, и прилег он на красную подушку, и только потянуло веки вниз, как увидел опять Васька мокрые косички Нагимы и как ноги ее разъезжались по грязи, когда она пошла к отаре. Васька вскочил и вышел на улицу. Дождь слабел, небо светилось холодными просветами. Васька пошел под навес, но лошадей там не было, только стоял черный теленок и тряс головой, стряхивая капли, которые падали с навеса. Тогда Васька нахлобучил шапку, поднял воротник пиджака и быстро зашагал в степь. Васька думал, что заблудиться можно только в лесу. И ему показалось очень странным, что он долго не может найти отару в степи. Не найти в открытом месте тысячу овец! Васька поднимался на холм и видел новый холм, точно такой же, и между холмами обязательно протекал ручей. Земля на берегу такого ручья была пружинистая, как матрац, и покрыта тонким порошком соли. Васька спускался с холма и переходил ручей. Сапоги уже давно хлюпали, как водосточные трубы. Дождь кончился, солнце прорвалось сквозь облака и расстелило на синих горах полотнища мокрого янтарного света.

Ваську продувало свежим ветерком, и он дрожал все сильнее от холода, голода и еще больше от лихорадочного чувства одиночества. Холмы сменялись холмами, звенели ручьи, исходила паром высыхающая земля, а отара не появлялась. Суслики весело пересвистывались с пригорков, наверно, смеялись над Васькой. Проплыл орел совсем близко, треща перьями. Солнечный пар

помчался от гор по степи, и ртутным блеском вспыхнули мокрые травы... Где же Нагима? И Васька закричал:

— Нагима!

И вдруг Васька увидел лису: она стояла на взгорке и, глядя куда-то вниз перед собой, то приседала, то вытягивалась вверх и поднимала то одну, то другую переднюю лапу от нетерпения. Васька стал подкрадываться к лисе, но сапоги так захлюпали, что лиса оглянулась, презрительно тявкнула на него, и только рябиновой гроздью мелькнул хвост между камнями. Васька поднялся на холм и увидел отару. Овцы медленно текли по распадку. Нагима брела тихо, держа что-то в руках. Васька закричал и побежал к Нагиме. Девочка держала на руках двух ягнят: белого и рыжего. Мокрые, с прилипшей шерстью, они, казалось, состояли из одних только ног да головок с длинными подрагивающими ушами. Две овцы-матери суетливо топтались около Нагимы.

— Я вас долго искал,— объявил Васька.— Я вас долго искал...

Нагима пожала плечами. Глаза ее были сурово-холодны и точно напоены дождем, глаза не видели Ваську.

— А я видел лису,— сообщил Васька.

Нагима поудобнее уложила ягнят на руках.

— Дайте мне одного, я понесу,— попросил Васька.

— Возьмите вот этого,— сказала Нагима и вошла в отару. Остановилась она около большой испуганной овцы, к ее боку жался дрожащий грязный ягненок.

— Возьмите его, а то он скоро упадет,— попросила Нагима.— У нас уже погибло три ягненка сегодня.

Васька взял теплый комочек на руки. Ягненок ткнулся ему в грудь и сразу заснул.

А большая овца бежала рядом, и все смотрела вверх на своего ягненка несчастными глазами, и, спотыкаясь, блеяла, точно просила Ваську быть поосторожнее.

* * *

Вечером отметили поимку волка. Развели костер. В большом казане сварили барана. Волк, очнувшийся к вечеру, испуганный огнем, смотрел из деревянной клетки, и красные отсветы костра освещали его оскаленную морду.

Нагима прошла мимо с охапкой кизяка для костра и не заметила Ваську. Она присела на корточки у огня и подкладывала кизяк, а Васька подошел ближе. Она его не видела. Васька присел на корточки почти рядом и протянул Нагиме щепку. Нагима не заметила щепку.

Потом барана достали из казана, продели сквозь него палку и понесли в дом. От барана валил такой густой и вкусный пар, что волк заерзал в своей клетке.

Потом сидели за столом, и ели мясо, и пили горячий бараний жир. Нагима помогала матери подавать на стол и несколько раз наполняла Васькину пиалу, но ни разу она не взглянула на него.

Когда гости стали пить чай, отец велел Нагиме взять домбру. Нагима взяла домбру и играла на ней, а Барекеле пел. Пел он и в знак почета обращался к гостям, к Ваське и его старшему брату, который был так утомлен за день, что у него лепешка вы-

падала из рук. В песне Барекеле были слова:

Хорошо подарить
цветы,
Хорошо подарить бусы
из голубых камней.
Хорошо подарить песню.
Но лучше всего — дарите
друг другу дружбу.

* * *

На другое утро было сухо, солнечно и скучновато во дворе. Когда Васька вышел наружу, отары и чабаны были уже в поле. Только в загоне овцы и выздоравливающие ягнята грелись на солнце. Васька послонялся без дела. Клетку с волком увезли уже. Появилась Нагима. Она прошла под навес и стала кормить лошадь. Васька заскучал, и сразу захотелось домой. Побрел тогда Васька по дороге в степь. Слышит — сзади топот, стук колес. Догоняет его Нагима на лошади, запряженной в двухколесный ходок. Остановила Нагима лошадь и сказала:

— Я еду на пахоту, могу подвезти.

Васька сел в ходок рядом с ней. Поехали. Оба молчали.

Скоро впереди открылась долина, наполненная дымом и грохотом. На громадном пространстве жгли прошлогоднюю траву, и через огонь и дым шли тракторы — здесь подымали целину. Нагима уверенно направила лошадь в дым, и скоро выехали к работающему трактору. Трактор остановился, из него выпрыгнула девушка в комбинезоне и в шапке.

— Здравствуй, Таня!—сказала Нагима.— Я приехала пригласить тебя на собрание в нашу школу. Наши восьмиклассники решили изучать трактор и хотят, чтобы ты рассказала, как ты начала работать.

Нагима еще что-то говорила с трактористкой, а Васька обиделся, что Нагима не захотела вовлечь его в разговор, и пошел тихонько к трактору. Трактор весь дрожал от работы мотора, и от него веяло масляным

плотным теплом. Васька залез в кабину, уселся поудобнее на дрожащее продавленное сиденье. Потрогал ногой педали, потом взялся за какой-то рычаг и дернул. Рычаг подался, а трактор дрогнул, дернулся и пошел вперед. Да и пошел довольно быстро, прямиком вдоль борозды. Васька растерялся, выглянул из кабины: выпрыгнуть — страшно. Сел Васька на сиденье и решил: «Буду ехать, пока бензин не кончится!» Грохотали стекла, ползла навстречу дикая, нетронутая земля, и вдруг восторг охватил Ваську. А сбоку, около дверцы, показалась трактористка Таня. Лицо недоумевающее, сердитое, показывает Ваське: стой, глуши! Как будто Васька знает, как остановиться. Тогда Таня ловко сзади прыгнула на прицепную раму, выбралась к кабине и села рядом с Васькой. Отвела рычаг на место — трактор остановился. Таня поглядела на растерянное и восторженное Васькино лицо и засмеялась. Васька обиделся и вылез из трактора. А на пашне стояла Нагима и тоже хохотала. Тогда Васька и сам засмеялся.

* * *

А на третий день, когда уже пора было домой собираться, Васька попросил Нагиму пойти с ним в горы — орленка там ловить.

И они пошли.

Но далеко еще не дошли они до гор, когда встретился им старик казах и спросил, куда они идут. Нагима объяснила, что идут они за орленком. Старик покачал головой и велел идти с ним. Привел он их в юрту около ключа. В юрте они увидели мальчика — внука старика.

— Это наш гость,— сказал старик и показал на Ваську.— Подари ему, Тлеухан, своего орленка.

Тлеухан, маленький мальчик в войлочной шляпе, сначала поздоровался с гостями за руку, потом снял со стены клетку. В клетке сидел нахохленный орленок с перебитым крылом. Орленок недоверчиво посмотрел на Ваську и постучал клювом о прутья клетки.

— Это он сердится,— сказал Тлеухан.— Но ничего, он привыкнет. Его можно кормить мясом и хлебом.

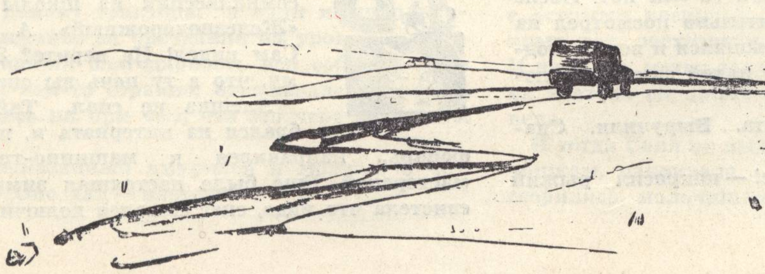
Васька очень обрадовался, когда увидел орленка, но не хотел брать такой дорогой подарок.

— Возьми, а то нас обидишь,— сказал старик.

Когда Васька и Нагима пошли обратно, Тлеухан проводил их до речки.

А вечером приехал Васькин брат и удивился тому, как здорово Васька загорел за эти три дня.

Вечером чабаны провожали гостей. Снова в честь гостей играла на домбре Нагима и Барекеле пел им песню.

ПРО ВЕСНУ, ЦЕЛИНУ И ЦЕЛИННЫХ РЕБЯТ

В. ГРИНБЕРГ,
В. МАТВЕЕВ

Рисунки В. Константинова.

Недавно мы побывали на целине. Встречались с целинниками, взрослыми и маленькими. Слушали рассказы об их жизни. Вот некоторые из этих рассказов.

ОДИН РЫЖИЙ, ДВОЕ БЕЛОБРЫСЫХ

Было знойно и сухо. Выцветшим степным травам снились влажные ночные туманы и прохладные бусинки росы.

А тракторист в раскаленной солнцем кабине горевал о тех нескольких каплях желтоватой, невкусной воды, что случайно выплеснулись на сиденье. Они были последними. Пустая фляга... Яростней печет солнце. Сильнее усталость. Но что делать? Раньше вечера до стана не добраться. А в степи разве сыщешь воду? Чудес не бывает!

Но вот где-то далеко, у самого горизонта, там, где сомкнулись синева неба и блеклые степные травы, вдруг показалось мутное облако пыли.

Чудо — толстая бочка с водой — ехало на обычном грузовике в сопровождении трех мальчишек: одного рыжего и двух просто белобрысых.

После первой кружки тракторист попросил: «Еще!» После второй смахнул со лба пот. После третьей хитровато и презрительно посмотрел на солнце. После четвертой отдышался и весело подмигнул мальчишкам. После пятой замотал головой:

— Хватит! Напоили, ребята. Выручили. Спасибо!

— Дядь Федь, присядьте! — попросил рыжий парнишка.— Дело есть.

— Дело? Какое?

Ребята вытянулись, как на линейке. Рыжий вышел вперед, протянул красный флажок и отчеканил четко и ясно, будто по бумажке:

— По поручению Шортандинского райкома комсомола вручаем вам, как передовику соревнования, вымпел...— На последнем слове споткнулся, закашлялся и закончил просто: — Ну вот, флажок этот вам на трактор. Прикрепите кудa-нибудь. Ладно?

...Вечером забрел в степь ветерок. Взлохматил травы, распугал воробьев.

Тракторист остановил машину, спрыгнул на землю и медленно зашагал к вагончику. Потом вернулся, вытащил из кабины кусок проволоки и покрепче прикрепил трепыхавшийся на радиаторе алый флажок, чтоб ветер не сорвал.

ТАЙНЫЙ РЕМОНТ

Весна приходит ночью.

Так считает Алешка Рябичев, семиклассник из школы совхоза «Железнодорожный». А как же? Сам видел! Не верите? Это потому, что в ту ночь вы спали...

Алешка не спал. Тайком выбрался из интерната и, прихватив фонарь, направился к машинно-тракторной мастерской. Еще была настоящая зима: метель свистела что надо, снег сыпался колючий, холод-

ный. Может быть, именно поэтому сторож не заметил, как приоткрылась дверь и кто-то неслышно нырнул в темноту мастерской.

Алешка осторожно пробрался в угол, туда, где стоял зеленый тупоносый «ДТ-54», тот самый, возле которого вертелся он целый день. Но тогда тракторист сердито фыркал, когда Лешка пытался притронуться к трактору: «Не лезь. Поломаешь!»

Это Лешка-то поломает! Он, который еще в четвертом классе выучился водить машину!

Лешка внимательно глядел на руки тракториста, стараясь угадать, что именно он будет делать сейчас. И мысленно радовался: «Ага! Угадал!» Лешка давно уже понял, в чем загвоздка: не отрегулирован маслоподатчик. Год назад он вместе с отцом возился с поломанным трактором, и отец тогда тоже долго налаживал этот маслоподатчик. Лешка думал, что если бы отец не заболел и не перешел на другую работу, он дал бы Лешке самому все исправить.

И вот ночь. Лешка один в большой холодной мастерской. На крыше шуршит и хлопает кусок железа. Вот хорошо! Задремавший сторож не услышал, когда ведро с громом покатилось по цементному полу, потом, звякнув, упал ключ. И чего это все валится?! Наверное, потому, что ночь. И еще потому, что Лешка торопится.

Всю ночь в пустой мастерской Лешка воевал с поломанным трактором. А на рассвете с крутых склонов Ала-Тау сорвался подобревший ветер, раскидал тучи и весело подмигнул звездам: светите! Подхватил пару утиных косяков и помчал их на север. По дороге из мастерской Лешка услышал: воробьи раскричались. С чего бы? Оглянулся и увидел: небо чуточку посветлело, а снег потемнел. И что-то хрустнуло под ногами, и что-то звякнуло под крышей.

И тогда Лешка понял: весна.

Добравшись до интерната, Лешка крепко уснул. Тщетно утром Витька Коршунов, сосед по койке, пытался поднять приятеля старым, испытанным способом: щекотал ему пятки.

* * *

В совхозе «Железнодорожный» приход весны был отмечен по административной линии: один из трактористов получил благодарность за досрочный ремонт трактора, а один из школьников — взыскание за опоздание на уроки.

Заслуживший благодарность вел себя, по мнению всех, как-то странно: отказывался, говорил, что он здесь ни при чем, что это черт знает что, чудеса...

Ну, а наказанный хмурился и молчал: о чем говорить? Опоздал — влетело!

ПИРОГ С КАПУСТОЙ

Сегодня вечером мальчишки уселись особняком, у своего мужского костра. Они были обижены и злы. Злы на девчонок, злы на самих себя. Стоило ли связываться? Но особенно сердиты на эту, новенькую.

— Придирается! — бросает Сашка Камнев.

— Похоже,— соглашается Володя Сарнавский.

— Зануда,— мрачно поддакивает Валерка Крайдаков.

Новенькая в этой компании мальчишек и девчонок из Ново-Кубанского детдома, вот уже третий день собиравших колхозную картошку, только одна: Соня Хисанзянова, пионервожатая.

Она лежит у костра, отвернувшись от всех.

Сквозь звон и стрекот в траве до нее долетает:

— И откуда взялась!.. Пирог с капустой!

И вправду, дома, в Ивановской области, Соня работала шеф-поваром в столовой. Она рассказывала об этом ребятам в день своего знакомства с ними перед самым отъездом в колхоз. Соня даже обещала — на свою голову — научить ребят готовить пирог с капустой.

И дернуло же ее согласиться стать вожатой! Ехала на целину. Даже по своей основной специальности — поваром — не хотела работать. Только трактористом!

В райкоме комсомола сказали: «Трактористов сейчас хватает. Повара нужны, но обойдемся. Позарез нужны воспитатели и вожатые. Выручайте! У вас десятилетка, техникум».

Согласилась. И вот третий день разглядывают ее настороженные ребячьи глаза.

Днем кто-то придумал печь в костре картошку. Костер долго дымил, фыркал, не хотел разгораться, картошка никак не пеклась. Ждать надоело. Стали вытаскивать недопеченную. Пробовали, морщились: жесткая. И тогда-то началось. Валерка Крайдаков первый запустил картофелиной в девчонок. И пошла перестрелка.

Попросила прекратить. Отмахнулись: дескать, не видишь, стреляем...

Шум, визг, победные крики мальчишек. И вдруг рев... Пятиклассница Люда, худенькая девчонка с острыми косицами, сидела в сторонке и, раскрыв рот, восхищенно следила за перестрелкой. И надо же, метко запущенная кем-то картофелина влетела ей прямо в рот. Люда упала и заревела.

И тогда Соня не выдержала: подбежала к мальчишкам, накричала... Так они окончательно поссорились, мальчишки и их новая вожатая.

Утром мальчишки долго совещались: как быть? Уйти совсем, пусть тут одна попробует с девчонками! Или пойти только за озеро и работать там отдельно от всех?

Решили идти за озеро. Работать самостоятельно. Сашка Камнев, круглолицый, коренастый паренек, вразвалочку подошел к вожатой и доложил:

— Отделяемся. Вы тут, мы там.

Все утро на поле было тихо.

Девчонки молча выбирали картошку из перевернутых плугом комьев земли.

Соня думала:

«Справимся с уборкой, сразу в райком. Освобождайте. Не гожусь...»

Занятая грустными мыслями, расстроенная, уставшая, обозленная, она не слышала, как девчонки тревожно переговаривались, поглядывая на небо. А когда увидела, тучка ползет, даже обрадовалась: может, дождь, прохлада, а то жара надоела.

Но вдруг стало не прохладно, а по-настоящему холодно. Стеганул ветер. С криком рванулись птицы. Степь загудела и задохнулась в серых облаках пыли. А когда пыль рассеялась, ветер швырнул на землю пригоршню ледяных горошин...

Примчалась машина. Бригадир кричал: «Скорей, скорей!» Девчонки суетились, никак не могли собрать свои нехитрые пожитки.

— Чего копаетесь? — нервничал бригадир.— Не видите, буря! Наша, целинная, черт бы ее драл! Ох, и будет!..

Уже вовсю шел холодный, со снегом дождь. Степь быстро, как масло на горячей сковородке, раскисла, расплылась.

Соня бросилась к кабине.

— Давай к озеру, там мальчишки одни.

— Ух, черт! — выдохнул бригадир.— И понесло же их! Не проскочим. На этой кляче сядем, как пить дать. Вода там. Выбраться бы хоть отсюда. Дотянем до бригады, вездеход за ними пошлем. Эй, стой! Куда-а-а? Стой, пропадешь!..

Последних слов Соня уже не слышала. Сбросив тапочки — так легче бежать,— потеряв косынку, неслась она к краю поля.

Сколько пробежала тогда, не помнит. Помнит, что, когда бежать уже не было сил, увидела ребят. Они шли, сбившись в кучку, посиневшие, замерзшие, приплясывая и подталкивая друг друга, чтобы согреться. И впереди шел Сашка Камнев, как всегда, засунув руки в карманы курточки.

Все вместе добрались до стоявшего одиноко в степи трактора и там, поочередно залезая в кабину, дождались вездехода...

* * *

В райком Соня не пошла. Печальный эпизод с картошкой вскоре забылся. И вспомнился лишь под Новый год, в праздничном зале, когда Саша Камнев, Володя Сарнавский и Валерка Крайдаков, ее первые помощники, торжественно внесли собственноручно изготовленный большущий пирог с капустой.

С ВЕНИКОМ ПО ДОРОГАМ

Все дырки в заборе заняли мальчишки.

— Уй ты! — кричали они друг дружке.— Смотри, смотри, смотри!

А Саше дырки не досталось. Она только ходила кругом и ничегошеньки не видела. А ей, небось, тоже интересно, что там за забором делается!

Один Витька сжалился:

— Иди уж, посмотри. Здесь все видно.

Не успела Саша положить кирпич к забору, чтобы заглянуть в щель, как вдруг какой-то дяденька говорит:

— Ну-ка, давай твою руку. Сейчас мы с тобой все вблизи рассмотрим.— И повел Сашу прямо через проходную во двор элеватора.

На элеваторе и впрямь было здорово интересно. Машины с зерном въезжали по очереди на какую-то площадку. Она приподнималась с одной стороны, и машина задирала нос, а зерно из кузова с шумом ссыпалось в яму. Потом площадка возвращалась на место, и машина съезжала.

Вот на что, конечно, глазели мальчишки.

Дяденька, которого все называли Михаилом Васильевичем, подвел Сашу к самой площадке и показал, как специальные упоры крепко держат колеса машин, чтобы не съезжали.

А потом он подвел ее к небольшому синему рычажку и сказал:

— Поверни-ка вниз.

Саша повернула и увидела, как площадка, на которой стояла машина, стала поворачиваться, поворачиваться... Зерно потекло в бункер, а когда все высыпалось, Саша повернула рычаг обратно.

— Уй ты! Смотри, смотри, смотри! — услышала

она за забором и сразу вспомнила, зачем ребята пришли сюда, на элеватор.

А пришли они затем, чтобы спросить: сгодится ли элеватору зерно, которое валяется на дорогах?

Днем и ночью по степным дорогам мчатся машины, доверху нагруженные зерном. Торопятся поскорее сдать его на элеватор. На грейдере целый час у обочины простоишь, прежде чем на другую сторону, к школе, переберешься. И видно ребятам: тряхнет машину у поворота или вдруг сильный ветер задует, закружит над кузовом, и упадет на землю немножко зерна. С одной машины немножко, с другой немножко, а со всех получается много. Подумали ребята: почему же столько добра должно пропадать, наверное же, сгодится куда-нибудь! И послали на элеватор узнать все поточнее.

Как услышал обо всем этом Михаил Васильевич, Сашин провожатый, так сразу велел всех ребят из-за забора позвать. Всем позволил повертеть рычаги у площадок, каждому дал разгрузить по две машины. И сказал, что зерно с дорог очень даже сгодится. Пусть ребята смело собирают. Михаил Васильевич оказался директором элеватора. Ему-то это как-никак известно.

В воскресенье четыре пионерские трехтонки разъехались от школы во все четыре стороны. В каждой по десятку ребят с вениками, совками и ведрами. Все десятки взялись соревноваться — бригада на бригаду, кто больше зерна соберет.

Сашиной машине сразу повезло. Только отъехали от школы — глядь, на дороге кучка зерна, рядышком вторая, подальше третья. Все схватились за веники и совки, а одному из ребят дали флажок: «Стой, машинам объезд показывай, чтобы видели, что не балуются ребята на дороге — дело делают». Шоферы и так видят. Кто ни проедет, остановится и что-нибудь хорошее скажет. А кому останавливаться некогда, просто улыбнется или рукой помашет: «Молодцы, ребята, ишь, что придумали!»

Когда возвращались обратно, повстречали машину, в которой ехал Витька со своими ребятами из пятого «Б». Остановились.

Сашина бригада сидит в кузове, закопавшись в зерно, и веселые песни поет, а Виткина угрюмо молчит. В Сашиной машине зерна полным-полно, а в Виткиной совсем пусто.

Четвертый класс хотел было повеселиться по этому поводу, но Саша сказала:

— Чего ж тут смешного! Давайте лучше расскажем, куда им ехать.

И ребята согласились. Правда, что смешного? Лучше рассказать. Сегодня мы им расскажем, завтра они нам. И посоветовали пятому «Б» ехать на стан второй бригады.

Обрадованные ребята полезли в свою машину, а Витька подошел и сказал Саше: «Спасибо».

ВЕНЬКИНА ДЕПЕША

Долго не было почты: распутица...

Ждать надоело, и тогда на центральную усадьбу отправился Венька Тарасов. Тот самый Венька, что грозился на своем «ДТ» догнать директорскую «Волгу». Тот Венька, которому участковый механик каждый раз говорил: «Трактор не ракета, не гоночный автомобиль, на нем того, потише надо...»

Раскисшая степь сжевала все дороги. Не разберешь, где земля, а где скрывшиеся подо льдом озера. Дважды под гусеницами Венькиного «ДТ» коварно хрустел лед и в кабину под самое сиденье забиралась вода. Венька ехал и горевал, что нельзя вести трактор, сидя на крыше кабины.

С каждым километром теплело. Небо потихоньку сбрасывало сотканную из серых, пасмурных туч одежду. Весна шла навстречу и дарила продрогшему Веньке веселую с белыми крапинками облаков голубизну, воробьиный галдеж и темные утиные косяки.

Вернулся Венька на следующее утро. С мокрого ватника тяжело падали капли. Шапки на Веньке не было, и ветер закручивал и раскручивал его волосы.

Венька разбудил весь поселок.

— Публика, кто от тоски сохнет,— торопись! Полтонны целительного доставил. Раздаю всем, добрый сегодня!

Мигом собралась толпа. Но Венька не торопился раздавать письма и посылки. Сидел на крыше кабины и ораторствовал:

— Я вам их вез? Вез! Доставил? В полном порядке, даже не промочил! Ну, погоди, не лезь. Выслушай главное. Значит, так договариваемся: за каждую депешу с получившего причитается. За неимением в настоящее время в нашей точке ничего актуального засчитываю в долг. Итак, Кутный! Три письма, одна посылка. За посылку, сам понимаешь, больше...

Титов! Ну, брат, разоришься: шесть посланий. И кто только такому пишет... Фефелов! На тебе не разживешься: одна открытка, бог с тобой, дай закурить — и в расчете...

— А с тебя самого сколько?

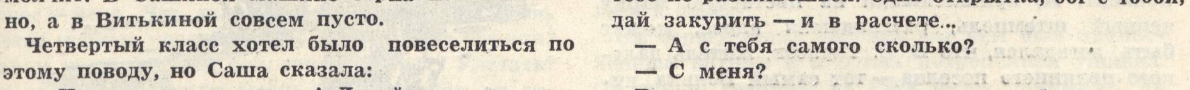
— С меня?

Венька прищурился и полез в кабину.

— У меня особая депеша. Не чета вашим. Во, смотри!..

Венька вытащил свою видавшую виды замасленную ушанку, и все увидели, что в ней пять золотистых комочков. Комочки шевелились и тоненько попискивали.

— Цыплят, что ль, где подхватил?

Венька поморщился.

— С курицами дела не имею. Вашему вниманию — утки. Дикие притом.

— Кто ж тебе их пожаловал?

— Как кто? Весна... В знак нашей встречи. За мой характер веселый...

— А больше-то ничего не пожаловала? Письма? Ждал же.

— Больше ничего,— нахмурился Венька.

Утят поселили в общежитии, в Венькином чемодане. Венька выдул чуть ли не полбака кипятку, стянул со всех коек одеяла, навалил на себя и, отвернувшись к стенке, предупредил:

— Буду храпеть — толкните. А то еще утки испугаются, с испуга жизни лишатся...

У Венькиного чемодана перебывали все. Даже участковый механик заглянул.

— Так, Тарасов, стало быть, хозяйством обзаводишься? Полезно. Может быть, перестанешь по степи летать, как на скачках...

Венька ворчал: «Спать не даете»,— но спать ему почему-то совсем не хотелось. Венька соврал, когда сказал, что писем ему нет. Было и ему письмо. Вот оно, в кармане промокшей куртки! Маленький конверт. Цветастая марка перечеркнута штемпелем. На штемпеле надпись: «Баяновичи Калужской». Смятый тетрадный листок. Косые каракули, жирные кляксы. Сестренка пишет...

Венька долго не распечатывал это письмо, мял в руках и думал, что всего лишь какие-нибудь две недели назад сестренка бросила его в тот старый, заржавевший ящик, что висит у бревенчатого здания клуба, на том же месте, где висел много лет назад, когда Венька еще никак не мог самостоятельно дотянуться до прорези. Знакомый ящик. Однажды завпочтой извлек из него странное письмо. С маркой, но без всякого адреса. Написано было: «Любе Беловой»,— и все.

Завпочтой, местный житель, правда, быстро смекнул, что адресат этого послания проживает всего в двадцати шагах от почты, в доме, спрятанном за листвой ракит, а автор, вероятно, в соседнем доме. Подивился завпочтой, но корреспонденцию, как положено, проштемпелевал и доставил по назначению.

Тот же самый завпочтой держал в руках и этот конверт. И, пришлепывая на цветастую марку черный штемпель, разглядывая адрес, может быть, догадался, что В. Я. Тарасов, житель далекого целинного поселка,— тот самый Венька, который...

Потом письмо везли по желтой лесной просеке на станцию. Машина задевала ветки сосен. Светлые росяные капли и зеленые иголки сыпались на стекла. Если бы вместе с тетрадным листком можно было вложить в конверт несколько росяных капель да горстку сосновых иголок и провезти через тысячи километров смолистый запах и неугомонный шум калужского леса!..

Сестра сообщала:

«Пишу я тебе на подоконнике. Стол у нас взяли и стулья взяли. У соседей Беловых свадьба, одолжили. Мама стол дала, стулья дала, а на свадьбу не пошла почему-то. Плакала и говорила, что ты непутевый, уехал куда-то, а невесту такую прозевал...»

Венька сунул конверт в карман куртки. Куртка промокла. Косые каракули и жирные кляксы расплылись в одну большую кляксу. Ничего и не разберешь...

В чемодане шуршало и попискивало. Утята разевали клювики, просили пить. Венька принес из бака тепловатую воду, сунул в чемодан:

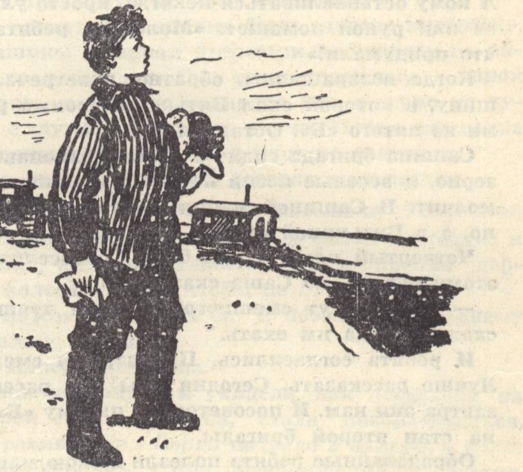
— Жмите, рыжие! Ничего, выживем...

Рыжие выжили. А когда потеплело, вместе с трактористами переехали на полевой стан и переселились из Венькиного чемодана на маленькое степное озерцо.

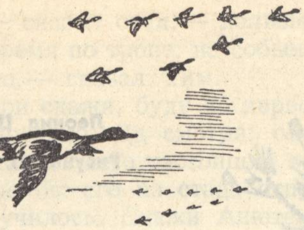
Каждое утро над озером стелился синий тракторный дым: машины уходили в степь, оставляя запах солярки. Утки выползали на берег и по знакомой дорожке шагали к вагончику. Там — знали точно — приготовлен завтрак: насыпано зерно, клюй на здоровье.

К концу посевной чахлые комочки превратились в черно-белых красавиц. И только Венька по-прежнему называл их «рыжими». Но они не обижались. Завидев на берегу коренастую фигуру в потрепанном комбинезоне, запачканном мазутом, начинали весело кувыркаться.

Иногда Венька приходил к озеру с ружьем, палил в воздух или в других уток, садившихся на озере. «Рыжие» не пугались. Спокойно плавали и кувыркались.

Но стоило скинуть с плеч замасленный комбинезон, натянуть чистую рубаху,— утки испуганно ныряли в воду и торопились к далекому берегу.

Утиного ума не хватало понять, что человек в чистой рубашке и парень в замасленном комбинезоне — тот же Венька. Они понимали и знали одно: от человека, подобравшего их в раскисшей весенней степи, пахло соляркой и маслом. Соляркой и маслом пахло в кабине, в которой они ехали, в шапке, даже и в чемодане; соляркой и маслом пахло от машин, каждое утро уползающих в степь, от ребят, насыпавших им зерно, а вечерами приходивших полюбоваться их пляской.

Все, что пахло маслом и соляркой, было свое. Люди в замасленных комбинезонах и ватных куртках — тоже свои. А чистые рубашки, кто их знает!

Случилась беда: июньским полднем, когда все трактористы были в степи, налетел коршун. Из пятерых «рыжих» осталась одна.

Говорят, что тем летом в Кокчетавской области почти не осталось коршунов. Рассказывают, что, завидев над степью синий дым тракторов, хищники спешили убраться подальше: из синего дыма вылетали красные точки. А красные точки — смекнули коршуны — смерть!

Двадцать пять трактористов жило на стане. Двадцать шесть коршунов валялось у озера. Каждый подстрелил по одному, а Венька — двух...

— Живи, рыжая! Не дадим в обиду!

«Рыжая» стала совсем большой сильной птицей. Прожила на озере всю посевную, встретила осень.

Однажды утром упали на озеро белые капли. Клюнула — непривычно, холодно. Выползла на берег — бело. Что такое? Посмотрела на небо. Летят черные косяки, один, другой. Куда это они? Зачем кружатся над ней, зачем кричат? Улетать? От золотистой горки зерна у вагончиков, от синего дыма в степи, от ребят, пропахших мазутом и бензином? Зачем? С ними так хорошо! Но капли, холодные, белые капли...

Вечером Венька, как и всегда, заглянул на озеро, но увидел лишь белую корку льда у берега, темную воду и поникший тростник.

— Улетела рыжая! Эх ты!

Венька зачем-то стянул с головы шапку, ту самую шапку, в которой привез пять рыжих комочков. Что-то защемило в груди, словно еще раз пришлось перечитать написанный каракулями сестренки тетрадный листок. И почему-то вспомнилась чистая лесная просека. Машина, задевающая ветки. Светлая роса и зеленые иголки. Если бы их в конверт, если бы их сюда...

Через три дня кончилась уборочная. А через две недели Венька уже ехал домой, трясся в машине по знакомой калужской просеке. Только она уже была белой, на стекла сыпалась не роса, а снег, и сосны тоже были белые. Не выспавшийся в дороге Венька подремывал в кабине и устало думал, что сестренке больше не придется бегать к почтовому ящику и бросать в узкую прорезь конверты с цветастыми марками. И почему-то именно эта мысль омрачала радость встречи с родными краями.

* * *

Над степным озером бунтовала зима. Снегом засыпало целинные вагончики. Гудели ветры. Отплясывали бураны. Небо надело сотканную из серых пасмурных туч одежду.

В машинно-тракторной мастерской какой-то парнишка-новичок колдовал над тупоносым «ДТ», на кабине которого было выцарапано «В. Т.». Копался в моторе и думал: говорят, лихой был тракторист.

Весной видавший виды трактор снова прочно встал на гусеницы. И парнишка, выехавший на нем в степь, увидел посветлевшее небо и черные утиные косяки...

Снег стал ручейками. Ручейки сбежали в озеро и, казалось, одну за другой заглатывали льдинки. Стая уток опустилась на темноватую, холодную воду, и одна утка — черная, с белой полоской — выбралась на берег и пошла к вагончику. Потопталась, крякнула и недовольно вперевалочку зашагала обратно к озеру.

Два дня утка тревожно носилась над озером, клевала невкусные, холодные льдинки, а на третий вдруг весело захлопала крыльями и помчалась к берегу.

На берегу стоял человек. На нем был промасленный ватник и в руках потрепанная ушанка. Он что-то говорил, но утка разве понимала! Да и в этом ли дело! От промасленного ватника и потрепанной ушанки пахло соляркой. Она узнала этого человека.

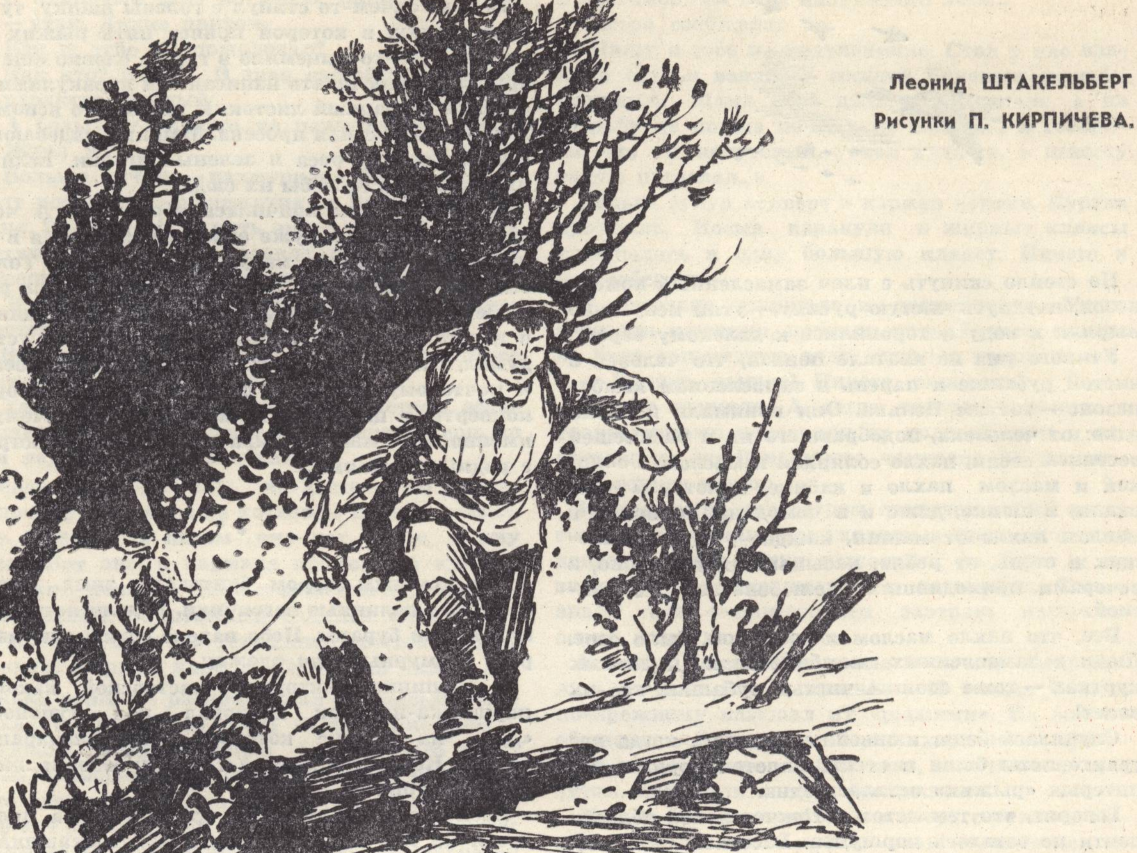
И он узнал.

— Здравствуй,— сказал,— и ты вернулась, рыжая!

Леонид ШТАКЕЛЬБЕРГ

Рисунки П. КИРПИЧЕВА.

ТИМ ИДЕТ ДОМОЙ

Рассказ

Тим поднялся на сопку и с ее вершины увидел излучину реки, блестевшую в вечернем солнце, зеленую гущу ольшаника у самой воды, а немного подальше — избушку, в которой ему предстояло переночевать.

Эту избушку построили давно, специально для прохожих людей. Здесь останавливались на ночевку охотники, которые шли на промысел в горы, и оленеводы, гнавшие стада на дальние пастбища.

Для всех было одно правило: позаботься о следующем. Уходя, путник клал на плиту коробку спичек, соль, готовил дрова. Другое правило говорило: если можешь, поделись продуктами. И люди оставляли кто что мог: балык, мешочек муки, пачку чая. Никто не знал, кто придет сюда после него, но все понимали: это справедливо. Это мудрый закон тундры.

Тим шел к сторожке уже три дня. Первые два — с отцом, по болотам и голым, безжизненным сопкам, в обход зарослей кедрача, через глубокие распадки, все время на запад, туда, где за грядой сопок сверкала вершина Ирвинея.

У подножия горы отец нашел тропу. Другой ее конец был на берегу моря, в семидесяти пяти километрах к северо-западу. Там жили Тимовы сестры и мать. Тим провел каникулы с отцом в тундре, а теперь возвращался домой, чтобы пожить там последнюю неделю перед отъездом в интернат.

— Ну, — сказал отец, — дальше пойдешь один. Все время по тропе, не собьешься.

— Ладно, — сказал Тим.

— Матери скажи, буду по первому снегу. Учись хорошенько. Да смотри: олененок на твоей совести. Из него настоящий вожак выйдет. Не надо бы его из стада отпускать, да уж так получилось. Скажи Анюте, пусть не закармливает.

— Будет в порядке, — сказал Тим.

— Ладно. Иди. — Отец похлопал его по плечу. — Счастливо!

После бездорожья шагать по тропе было легко. Тим мог прийти к избушке часа в три, но мешал олененок. Он все время норовил уйти в сторону, пощипать мох. Тим тащил его за веревку — олененок упирался, Тим доставал из кармана щепотку соли — олененок шел за ним метров двести. Потом все начиналось сначала.

Теперь трудности были позади. И ночевать Тим будет под крышей. Он привязал олененка к кусту кедрача и вошел в избушку.

Сквозь окно прямо в лицо светило яркое, закатное солнце. Тим шагнул вперед. В темном углу, на нарах, спал лицом вниз одетый человек. Грязные резиновые сапоги, защитного цвета куртка и брюки, старая городская шляпа с черной тряпкой накомарника.

«Геолог, — подумал Тим. — Как вошел, сразу лег, даже сумку не снял».

Он стоял, не зная, что делать. Будить спящего не полагается. После дороги человек должен отдохнуть. Но что-то в позе геолога заставило Тима почувствовать тревогу. Что-то здесь было не так.

Половица под Тимом скрипнула. Человек быстро перевернулся, сел, резко наклонился вперед и сказал:

— А? Что такое?

Потом увидел Тима. Глаза его приобрели спокойное выражение. Человек откинулся назад, прислонился спиной к стене.

— Ты откуда? — спросил он.

— С пастбища.

— Пастух?

— Нет еще, — сказал Тим. — Я в школе учусь, в шестом классе.

— Стадо близко?

— Далеко.

— А, черт! — сказал человек. — Ты один?

— С олененком.

— С олененком?

— Ага.

— На лошади?

— Пешком.

— А, черт! — повторил человек.

Он полез в карман, достал сигарету, закурил. Потом вытащил из планшета карту и разложил ее на коленях.

— Понимаешь?

— Понимаю.

— Ну-ка, посмотри, где мы?

Тим повернул немного карту и ткнул пальцем в черный прямоугольник с надписью «Сар».

— Вот, — сказал он.

— Правильно, сарай. — Человек повел пальцем по линии тропы, дошел до побережья. — Здесь что?

— Маяк, — сказал Тим. — Здесь мой дом.

— Врач есть?

— Нет. Врач в поселке, здесь.

— Тим показал на самый низ карты.

— Эх, — сказал геолог. — Что же делать?

— А кто болен, дядя?

— Дрянь дело, парень, — сказал геолог. — До поселка идти четыре дня. Я вот пошел, а сам все думаю, как они... И продукты кончились...

— Где?

— Здесь. — Геолог показал на карте место, отмеченное крестиком. — На водоразделе.

Они помолчали. Тим смотрел на карту. Чтобы дойти до поселка, надо было спуститься вдоль реки к морю, а потом берегом обойти здоровенный выступ болотистого полуострова Чаечного. Никак не меньше четырех дней.

— Можно бы за два, — сказал геолог. — Только не теперь.

— Через болото?

— Да. Только не осенью. Были дожди. Сейчас там не пройдешь.

— Вы тяжелый, не пройдете, а я пройду.

— Не выдумывай, — сказал геолог. — Я на это не соглашусь.

— А как же люди?

Геолог не ответил.

Стараясь сохранить ясность мыслей, Бобров думал сейчас, как же быть.

Еще вчера Бобров почувствовал первые признаки надвигавшейся болезни и со страхом понял, что идти не сможет. Нет, он не боялся, что заболеет, станет инвалидом или даже умрет. Он боялся, что не дойдет до людей и никто не узнает о двух его товарищах, попавших в беду на хребте.

Когда сегодня в полдень Бобров пришел в избушку, последняя надежда застать здесь кого-нибудь рухнула. Он свалился на нары и уснул. Бобров рассчитывал, что ему полегчает и можно будет идти дальше. Действительно, ему стало легче, но чувствовалось, ненадолго. И тут пришел мальчишка.

То, что есть олененок, меняет дело. Теперь

надо вернуться. Люди не ели несколько дней. Надо объяснить это мальчишке. Но главное не это. Можно ли посылать его на риск? Будь он лет на пять старше, все было бы просто...

Бобров понимал, что другого выхода у него нет, что сам он не дойдет, но сказать это прямо не мог. Даже себе.

— Послезавтра я буду в поселке, — перебил его мысли Тим. — На третий день ждите вертолет.

— Уж больно гладко у тебя все выходит, — сказал Бобров. — Ты хоть раз там ходил?

— Ходил, — соврал Тим.

Он отошел к плите и стал собирать ужин.

После еды Бобров сразу уснул. Тим пошел к олененку. Тот стоял за кустами кедрача, мордой к ветру, чтобы не кусала мошка. Тим перевязал его на новое место — здесь олененок уже выщипал весь мох.

Весной, когда ему было всего несколько дней, олененок вывихнул ногу. Стадо шло на новые места, и его решили зарезать. Тим вступился, упросил отца и больше недели таскал олененка на плечах. Потом олененок оправился, стал ходить сам, а к Тиму привязался больше, чем к матери. Тим знал, что у него есть права на олененка, да никто из пастухов и не отрицал этого. Когда Тим завел разговор, что хорошо бы отвести олененка домой, к младшей сестре Анюте, все согласились. Позже отец спохватился, но слово есть слово.

Тим очень любил свою сестру. Они редко виделись, а потому любовь эта была немного грустной. Когда Тим попадал домой, он все старался сделать для Анюты. В прошлом году он завел дома целый зверинец. Там были два щенка, заяц и маленький нерпенок, которого держали в корыте. Значит, олененка там не будет... И еще год Тим не увидит ни Анюту, ни мать, ни старшую сестру Валю. Торбаза, которые он сшил для Анюты, через год будут ей малы...

Тим достал из кармана остатки соли и стал кормить олененка прямо с руки. Олененка было очень жаль, но Тим уже решил, что отдаст его Боброву. Так нужно. Главное — люди. Соль кончилась, но олененок еще долго лизал ладонь. Тим постоял немного и пошел в дом.

Ночью Бобров бредил, говорил непонятные слова, а утром, когда Тим варил кашу, сказал:

— Тебя как зовут?

— Тим.

— Тимофей, что ли?

— Ага.

— Такое дело, Тимофей, в поселок идти придется тебе. Я совсем сломался. Хорошо, если к ребятам обратно доберусь. Ты дойдешь до болота и, если увидишь, что не пройти, поворачивай на запад, к морю. Пойдешь по побережью. Это дней пять. В поселке скажешь: Бобров просит помощи. Возьми карту, объяснишь, где мы. Дойдешь?

— Через три дня будет вертолет, — сказал Тим.

— Ты, парень, помни, зря не зарывайся. Сам погибнешь и нам не поможешь.

Они вышли из дома, и оба посмотрели на восток. За хребтом вставало солнце. Ночью ударил заморозок; тундра покрылась белым налетом инея. На нем резко выделялась тропа. Тим увидел олененка и отвернулся.

— Ну, — сказал он, — я пошел.

— Давай, — сказал Бобров. — Помни, Тима, что я говорил.

С вершины сопки Тим оглянулся. В низине, уже далеко, виднелись две точки. Они удалялись в другую сторону.

Часа через три, когда солнце начало припекать, Тим подошел к болоту. Оно протянулось по долине на много километров. Здесь было самое узкое место.

Тропа спускалась с сопки и сразу же исчезала в яркой зелени травы. Дальше виднелись желтые и бурые пятна, а местами блестела вода.

Тим сел на кочку и достал карту. Сориентировал ее по компасу. Тропа на карте была обозначена пунктиром. Сбоку стояла надпись: «Проходимо с двадцатого июня по первое августа». Сегодня было двадцать третье августа, и всю прошлую неделю шли дожди. Пунктир вел очень прямо — к подножию сопки с цифрой 773. Рядом были сопки поменьше — 550 и 532. Сопка 773 была хорошо видна отсюда. «Надо держать на нее», — подумал Тим. Он еще раз посмотрел на карту. Ширина болота в этом месте была восемь километров.

Тим встал и тут увидел шест, вертикально воткнутый в землю. Кто-то переходил болото и оставил его так, чтобы следующий мог сразу увидеть и взять себе. Тим почувствовал, будто рядом встал сильный человек.

Тогда он пошел.

Зоркими, привычными глазами он сразу заметил, что трава не везде одинаковая. Едва заметная полоса указывала место, по которому ходили люди. Метров через триста Тиму попался прут, воткнутый так же, как шест. Он посмотрел вперед и увидел еще один, подальше. Тропа была помечена вешками. Километра три он шел по этим вешкам, а потом они оборвались. Тим понял, что у того, кто

оставлял их, кончились прутья, и пошел прямо на острую вершину сопки 773.

Он шел и думал, что в следующий раз надо будет захватить с собой прутья и пометить пустую часть тропы, чтобы люди, которые пойдут потом, знали дорогу.

Примерно через километр Тим провалился первый раз.

Он провалился одной ногой и сразу же упал на живот. Медленно вытащил ногу. Встал, осмотрелся и пошел вперед, проверяя путь шестом.

Метров через пятьдесят он провалился по пояс. Уперся в шест обеими руками, напрягая мышцы, выкарабкался вверх. На четвереньках отполз в сторону и встал.

Здесь была самая середина болота. От каждого шага зыбун ходил ходуном. Тим сделал еще несколько шагов и провалился снова. Теперь очень глубоко.

Он попробовал подтянуться и не смог: болото держало крепко. И тут, чувствуя, как ледяная вода замораживает тело, Тим понял, что ему никогда не добраться до другого берега. Он вцепился руками в шест, а болото медленно тащило вниз.

Тим поднял голову, увидел гряду сопок, пятна кедрача, далекое, голубое небо. Вспомнил: «Если ты не дойдешь, мы погибнем».

У Тима шевельнулось чувство неприязни к Боброву. Наверное, он плохой начальник, если дал людям остаться без продуктов...

Что-то под Тимом осело, и он ушел в болото еще глубже. Тогда в ярости, злой на трясину, Боброва и самого себя, Тим стал бороться. Подтягиваясь на шесте, он медленно карабкался из трясины, стараясь не делать резких движений. Никогда потом он не мог вспомнить, сколько это продолжалось. В памяти остался только контур пятна на далеком склоне сопки, на которое Тим смотрел все время, смотрел так, будто от этого зависело — выберется он или нет. Все остальное отошло, было только это пятно, теплое, светящееся на солнце, тянущее к себе, как одинокий свет в ночи. Тим боялся, что тень облака закроет пятно, и тогда ему не выбраться. Тень была близко, но он все же успел. И когда пришел в себя, — сердце больше не рвалось где-то в горле, только дрожали руки, — перевернулся на спину и долго лежал так, глядя, как в глубине неба плывут тучи. Они уходили на север, и где-то там шел Бобров с олененком...

Над самым лицом прыгал вверх-вниз столбик мошки.

Уже две недели по ночам бьют заморозки, а эта дрянь все не исчезает. Почему на Камчатке нет лягушек? Враз бы всех съели. Отец говорил, лягушки здесь замерзнут. Надо бы попросить привезти с запада несколько штук. Попробую развести. Может, приживутся?

И гроз здесь, на Камчатке, не бывает.

Вон туча идет. Интересно, как это — молния? На материке все по-другому... Бобров и геологи оттуда, кажется, ленинградские. Далеко их дом... Вовсе он не виноват. В тундре всякое бывает. Зря Тим о нем так... И еще не известно, чем все кончится.

Вдруг Тим понял, что уже давно лежит на одном месте. Он перевернулся, нашел глазами сопку и пополз.

Полз долго, постепенно согреваясь, так, что наконец стало жарко и пот заливал глаза; отдыхал, уткнувшись лицом в холодный, пахнувший прелью мох, а потом снова полз.

Стало суше. Тим почувствовал небольшой подъем. Болото осталось позади.

Хотелось лечь в траву и уснуть, но надо было идти дальше. Тим заставил себя встать, поднял шест и пошел вдоль края болота отыскивать тропу. Очень скоро он заметил вешку. Тропа уходила от нее в обход сопки. Тим воткнул шест у края тропы и пошел по ней на юг.

Часа через два стало смеркаться. Тим попробовал определить свое место по карте, но решил, что сделает это утром. Он торопливо развел костер и заварил чай. Поел холодного мяса, наломал веток кедрача и сделал себе постель. Потом достал из мешка плащ-палатку, завернулся в нее и лег спать.

Он спал крепко и проснулся от холода. Начинался рассвет. Склоны сопок закрывал плотный туман. Тим доел мясо и попил воды из ручья. На карте в этой долине была река — наверное, вот этот ручей, — и три сопки выше семисот метров. За туманом вершин не было видно. Тим решил идти дальше, а когда посветлеет, сориентироваться. Он проверил направление по компасу и пошел вдоль ручья по тропе, все время немного вниз.

День начинался пасмурный, тихий. Тим шел уже давно, а туман все не расходился. Тропа вдруг свернула на запад. Долина в этом месте стала шире. Впереди виднелся лес — белые стволы каменной березы. Тим посмотрел по карте. Поворот тропы был, леса не было.

«Может, он небольшой? — подумал Тим. — Тропа все равно одна».

Он прошел через лес, светлый и чистый, как парк, уже немного желтый от заморозков. Тропа шла на запад. По карте она сворачивала на юг.

Еще не веря в случившееся, Тим разложил карту на земле и подогнал стороны света по компасу. Отложил в сторону рюкзак с топориком, подумав, снял на всякий случай ремень с флотской латунной бляхой. Стрелка не шевелилась. Он еще раз посмотрел вперед, надеясь увидеть там поворот. Но долина шла на запад — прямая, широкая. Наверное, до самого моря.

Тогда Тим сел и долго обдумывал, что делать. Вспомнил поговорку отца: «Прямая в пути длиннее кривой». Встал и пошел к морю. Сколько до него, Тим не знал. Может, десять, может, двадцать пять километров... Теперь все дело в ногах. Надо не останавливаться, пока не дойду. Хотелось есть. «Не надо думать об этом. Надо о другом».

Он стал вспоминать ребят из интерната. Какие они будут после каникул? Потом вспомнил мать... Он так и не дошел до дома. Мать ждет его. И сестры тоже. Вечером они зажигают огни на маяке и говорят о нем и об отце. Мимо маяка проходят корабли. Как-то Тим спросил отца: «Куда они?» Он был маленьким тогда. Отец сказал: «У них такая работа. Все люди куда-нибудь идут. Охотники — в горы, оленеводы — со стадом. Моряки ведут корабль. В Петропавловск или Магадан... У каждого своя работа. Вырастешь, тоже пойдешь».

...Тим идет.

Уже в сумерках он вышел на берег моря. Слева, совсем близко, мерцали огни поселка. Но Тим знал: туда идти и идти.

Еще часа три он шел по твердому, мокрому песку у самой воды, в темноте, спотыкаясь о камни, падая, подымаясь и снова падая.

Раз впереди скользнула тень зверя. Тим закричал что было силы. Тень метнулась в сторону. Медленно, сдерживая шаги, чтобы не показать страх, Тим пошел дальше.

Ночью он пришел в поселок. Постучал в окно коменданта аэродрома. В теплой комнате положил на стол карту.

— Здесь трое больных, — сказал он. — Просили срочно слать помощь.

— Кто такие? — спросил комендант.

— Геологи. Отряд Боброва.

— Вот он где, — сказал комендант. — Мы уже искать собирались. Ты когда их видел?

— Два дня назад.

— Когда? — Комендант не понял.

— Я видел одного Боброва. Два дня назад в избушке. — Тим хотел объяснить, но почувствовал вдруг страшную усталость и ничего не сказал.

Но комендант уже догадался. Значит, так. Значит, этот мальчишка прошел через болото. Осень... Он посмотрел на Тима.

— На окне молоко и хлеб. Поешь и ложись спать, — сказал комендант.

Он уже думал о другом — что нужно сделать для Боброва.

— Я пойду, — сказал Тим.

— С ума сошел? Ночь кругом.

— Я на пристань. Может, кто на маяк подвезет. Меня мать ждет... Каникулы кончаются.

— На пару дней опоздаешь в школу. У тебя причина уважительная.

— Нет, — сказал Тим. — Я год дома не был.

— Все равно сейчас отлив, — сказал комендант. — Придется тебе ждать. Ложись. Я на радиостанцию пойду.

Он оделся и вышел.

Тиму очень хотелось стащить с себя задубевшую одежду и лечь в мягкую, уютную постель. Но он знал, что сделал только часть дела, а здесь справятся без него.

Он пошел на пристань, нашел там самоходную баржу, которая по утреннему приливу уходила на север, и попросился довезти до маяка.

Часа через два вахтенный, спустившись в кубрик, увидел, что пассажир спит сидя, прислонившись спиной к трапу. Неловкими от холода руками он снял с мальчишки куртку, положил спящего на рундук и набросил на него старый ватник, пропитанный крепким запахом солярки.

За переборкой зазвонил машинный телеграф. Было время сниматься с якоря.

ТЕЛЕГРАММА — ТЕЛЕГРАФ „ПРАВДЫ"

Бланк № 54 | ДАТА ПРИЕМА 10 го 15 час. 55 мин. | ПРИНЯЛ Черняева | ЛИСТ, ПРОДОЛЖЕНИЕ №№

из ЛЕНИНГРАДА 5/12 63 10 1550= МОСКВА РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ПИОНЕР=

№ слов дата ч. м.

ТЕКСТ

НОЧЬ НА ДЕСЯТОЕ ИЮНЯ ПИОНЕРСКАЯ КОММУНА ЮНЫХ ФРУНЗЕНЦЕВ ПОЕЗДОМ ЛЕНИНГРАД АРХАНГЕЛЬСК ВЫЕХАЛА ЕФИМОВСКИЙ РАЙОН ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ ТЧК НАЧИНАЕМ ОПЕРАЦИЮ РС ТЧК ФЛАГ ПИОНЕРСКОЙ КОММУНЫ ПОДНЯТ ДЕРЕВНЕ СПИРОВО ТЧК ОТРЯДЫ КОММУНЫ ДЕЙСТВУЮТ ТЕРРИТОРИИ КОЛХОЗОВ ВПЕРЕД ЗПТ БОРЬБА ЗПТ ЖУРАВЛЕВО ЗПТ ЛЕНИНСКИЙ ПУТЬ ТЧК ГОРЯЧИЙ КОММУНАРСКИЙ ПРИВЕТ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА ТЧК СМЕЛО И БОДРО ВПЕРЕД ТЧК=

СОВЕТ ПИОНЕРСКОЙ КОММУНЫ ЮНЫХ ФРУНЗЕНЦЕВ=

Когда мы получили эту телеграмму, то сначала ничего не поняли. Что за коммуна? Зачем поехала она в деревню Спирово? Что такое операция «РС»?

Вдруг кто-то вспомнил: «А ведь в Ленинграде есть Фрунзенский район!» Срочно навели справки. И вот что нам удалось узнать.

Фрунзенскую коммуну создали пионеры-активисты Фрунзенского района. Три раза в году — зимой, весной и летом — коммунары собираются вместе и на практике учатся интересным пионерским делам. Этой весной они провели операцию «РД» — «Ребятам Двора». Коммунары боролись за то, чтобы каждый двор в их районе был пионерским. Рогаточникам и хулиганам была объявлена война. И коммунары победили! Недаром их пароль — «Смело и бодро вперед!», а отзыв — «Победа во что бы то ни стало!». Эти слова взяты из боевых приказов бесстрашного полководца Михаила Фрунзе.

Но что же такое операция «РС»? Вот этого нам не удалось узнать, потому что никого из коммунаров в Ленинграде уже не было. Как только мы разведаем все подробности, мы поместим в «Пионере» обстоятельный рассказ о Фрунзенской коммуне, о ее ревкоме и ее боевых операциях.

ЛЕСУ — ПИОНЕРСКАЯ ЗАЩИТА

ЗАЩИЩАЕМ, ИЗУЧАЕМ, САЖАЕМ ЛЕСА

ВЕСТИ ИЗ ПИОНЕРСКИХ ДРУЖИН

Дружина школы № 3, г. Петрозаводск

Петрозаводск — столица лесного края. Здесь растут не только сосна, ель и обычная береза, но и драгоценная карельская береза. У нас есть закон об охране карельской березы, но во время войны фашистские оккупанты вырубили многие заказники. Сейчас каждое дерево взято на учет.

Вот почему юные лесоводы школы № 3 решили выращивать карельскую березу. В школьном питомнике у них больше тысячи саженцев. А сколько молодых березок ребята передали другим школам и даже ученым в Институт леса!

В прошлом году в дружине произошло важное событие: десять лучших лесоводов стали пионерами-инструкторами.

Дружина школы № 98, г. Ленинград

В поселке Шувалово, где находится 98-я школа, нет уже, наверно, ни одной улицы, где бы не зеленели рябинки и березы, выращенные руками ребят. Каждую весну и осень в школьный питомник за саженцами приходят самые разные люди: и пенсионеры, и рабочие, и ребята из соседних школ, и воспитатели детских садов. Никому нет отказа. Пионеры дружат со всеми, кто любит лес. Помогают они и леснику Сергею Афанасьевичу Климову. Весной очищают просеки от валежника и сухостоя, подсаживают молодые деревья, развешивают скворечники и синичники. А когда случилась беда — заполыхал лесной пожар,— пионеры вместе с пожарниками отстояли от огня большой участок леса. За спасение леса дружина получила от Парголовского лесничества благодарность.

Пионеры хорошо знают, как выглядят личинки лесного врага — рыжего соснового пилильщика, умеют копать «конверт», чтобы обнаружить их в почве. По примеру марийских школьников дружина 98-й школы объявила войну лесным вредителям.

В первом же «конверте» ребята нашли личинки вредителей — чернотелки и рыжего соснового пилильщика. По совету Сергея Афанасьевича Климова они наловили жуков и вместе с личинками прикрепили на фанерку, чтобы все школьники умели распознавать врагов леса.

Здесь будет лес! Чебаркульские молодые лесоводы посадили много тысяч сосенок.

Дружина восьмилетней школы, село Ракитово, Алтайский край

До сих пор видны следы лесного пожара, хотя случился он шесть лет назад. Рабочие лесхоза растят на пожарище новый лес, а пионеры помогают им. Они сажают молодые деревца, пропалывают посадки. Много семян нужно, чтобы вырастить молодой лес. И дружина решила: за двухлетку каждый соберет по 20 килограммов сосновых шишек. Ребята крепко держат слово: собрано уже больше 800 килограммов!

Дружина школы № 2, г. Чебаркуль

Комсомольцы и пионеры 2-й чебаркульской школы получили от лесхоза в полное свое владение большой участок — 57,5 гектара леса, как записано в акте, «под охрану и проведение всех лесохозяйственных, лесокультурных и лесозащитных мероприятий».

Ребята организовали свое лесничество, выбрали лесничего с пятью помощниками, одиннадцать лесников и дружно взялись за работу.

Летом, когда пионеры отдыхают в лагере, они по нескольку часов в день работают в своем лесу, а осенью и зимой пионерские и комсомольские дозоры охраняют его.

Когда однажды на пионерский лес напал непарный шелкопряд, ребята все как один поднялись на защиту леса и уничтожили яйцекладки.

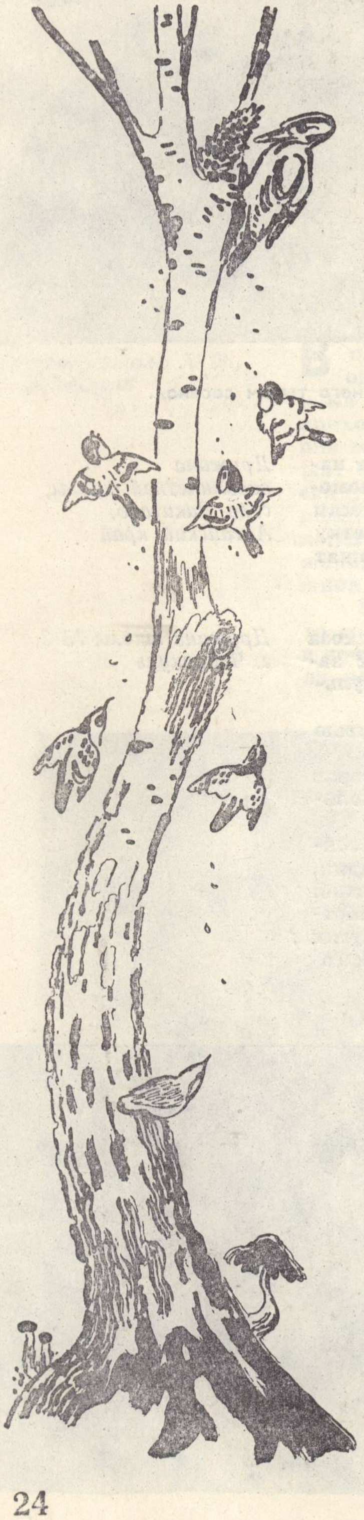
Юные лесоводы хотят, чтобы с каждым годом увеличивался лесной массив. Для этого они собрали 80 килограммов семян, для этого они заботливо ухаживают за сеянцами ясеня, клена, лиственницы, вяза и других деревьев в своем питомнике, для этого они посадили 11 тысяч молодых сосенок.

Это не трава, а сосны. Ребята заботливо ухаживают за сеянцами в питомнике школьного лесничества.

Эдуард ШИМ
Рисунки А. Брея.

Дятел, синицы, пищухи и поползень

Прилетел к березе пестрый Дятел, увидел гнилой сучок. Прилепился к стволу, хвостом подперся и давай носом колотить, жуков да личинок из-под коры выклевывать.

— Стук-тук! Стук-тук! Стучу без рук!

С азартом колотит, весело! Береста лохматится, во все стороны труха летит. Иногда вместе с трухой и насекомыши падают, ненароком оброненные. Не замечает их Дятел, раззадорился, еще веселей стучит.

Увидали Дятла три Синички-певички, порхнули к березе. Спрашивают:

— Ты что тут делаешь?

— Веселюсь! — Дятел отвечает.— Игра у меня такая: раззудись, носок, размахнись, башка... Славно!

— Ну, а мы тут поработаем,— Синицы говорят.— Не всем же веселиться.

И взялись за дело. Дятел по сучку носом стучит, нечаянно насекомышей роняет. А Синицы их на лету подхватывают, меж собой делят. Без отдыха работают!

Увидали Синиц две Пищухи-горюхи, шмыгнули к березе. Спрашивают:

— Вы что тут делаете?

Да вот Дятел веселится-играет, а мы, Синицы, без отдыха работаем. Так стараемся, так стараемся!

— Ну и мы потрудимся,— Пищухи говорят.— Конечно, не больно-то охота из-за такой добычи стараться, но уж ладно... Так и быть, где наше не пропадало!

И тоже за дело взялись. Дятел по сучку стучит, насекомышей нечаянно роняет. Синицы их на лету подхватывают. Меж Синиц Пищухи крутятся, норовят свою долю словить. Во всю-то мочь трудятся!

Увидал Пищух тихоня Поползень, подобрался к березе.

— Что вы тут делаете?

— Да вот Дятел веселится-играет, Синицы без отдыха работают, а мы, Пищухи, во всю мочь трудимся.

— Ну и я сил не пожалею,— Поползень говорит.

И тоже за дело взялся. Дятел стучит, насекомышей роняет. Синицы их на лету подхватывают. Меж Синиц Пищухи крутятся, норовят свою долю словить. А меж Пищух Поползень шныряет, тоже хочет долю себе урвать. Из последних-то сил выбивается!

Шнырял-шнырял, а потом обиделся и говорит:

— Да прогоните вы сверху этого Дятла! Надоел своим стуком! Синицы без отдыха работают, Пищухи во всю мочь трудятся, я, Поползень, из последних сил выбиваюсь, а он — гляньте-ка! — в игрушки играет... Не потерплю в нашей артели бездельника!

А Дятел всех насекомышей выклевал и сам улетел.

Упала последняя щепочка, горка гнилой трухи под березой осталась. И сразу работа Синиц, Пищух и Поползня кончилась.

Отчего бы?

Хомяк и Сорока

— Как живешь, дядька Хомяк?
— М-м-м...
— Куда спешишь-то?
— М-м-м...
— Да что с тобой, дядя?
— М-м-м...
— Гляньте, братцы, Хомяк язык проглотил! Язык проглотил!
— Тьфу, балаболка! Я за щеками полный рот зерна нес! А теперь вот рассыпалось!

Шмель и Синичка

— Ой, ой, мертвый Шмель на цветке сидит! Вот бы съесть, вот бы склевать!
— Жж-ж-ж-жирно будет... Я еще жж-ж-ж-живой... Я только ночами от холода замираю, а днем, при солнышке, я жж-ж-ж-живехонек!

Уж и Лягушка

— Глупый Уж, старый Уж, давай в догонялки играть!
— Удирай, Квакуша, пока цела!
— А я не боюсь, а я не боюсь! У меня четыре лапки, а у тебя ни одной нет! Разве догонишь?
— Еще как догоню-то! С пенька соскользну, в траве прошмыгну, вмиг ухвачу.
— А я от тебя в воду — и была такова!
— И в воде не скроешься! Я с берега нырну, хвостом вильну, вмиг настигну!
— А чего ж ты тогда играть не хочешь?
— Уже досыта наигрался. Две Лягушки-хвастушки в моем пузечке!

НЕ ЗЕВАЙ

Поспел несеяный лесной урожай, звери да птицы запасы на зиму готовят.

Водяная Крыса на лугу зеленом луковки выкапывает, в нору таскает.

Полевка носит в кладовочку разные корешки, на ровные кусочки разгрызенные.

Поползень кленовые и липовые семена по щелочкам прячет.

Сойка дикое яблочко нашла — и то подобрала.

Стараются, работают...

Голод — не тетка, холод — не дядька, кому хочется зимой бедовать!

Старая Белка наставляет Бельчонка:

— И ты за дело берись. Урожай в лесу велик, но и охотнички на него сыщутся. Прозеваешь — с носом останешься!

— Ладно, баушка! — Бельчонок говорит.— Уж я постараюсь.

Спустился книзу по веточкам, раздумывает: куда бы пойти? Глянь — скачет меж корней Лесная Мышь, в зубах тащит ядреный спелый орех.

— Хороши ли орешки-то? — спрашивает Бельчонок.

— Уж куда лучше! — отвечает Мышь.— И вкусны, и сытны, и на любой зубок присадисты. Грызи — не хочу!

— А где берешь их?

— Да рядом, в орешнике.

Поскакал Бельчонок в орешник. И впрямь: на тонких веточках, под круглыми листиками висят орехи в мохнатых воротничках. Да все парочками, троечками!

— Эх,— вздыхает Бельчонок,— жалко, рот у меня мал, зубов не густо... Ухватить бы все орехи разом! А то по штучке носи, по орешку складывай.

Только бы ему за дело приняться — за орешником шум, за кустами чуханье. Возится кто-то!

Взлетел Бельчонок повыше. Глянь — неподалеку стоит Кабан, рыло задрал, на молоденький дубочек плечом навалился. Желуди отряхивает.

— Эй,— кричит Бельчонок,— хороши ли желуди то?

— И-их, до чего хороши! — отвечает Кабан.— Сладки, сочны, так на зубах и хрю-хрюпают!

По сучкам, по макушечкам поскакал Бельчонок к дубу. И впрямь не обманул Кабан: висят на жестких веточках под резными листьями блестящие желуди в круглых шапочках. Да тоже все парочками, троечками!

— Ах,— вздыхает Бельчонок,— жалко, дупло у меня далеко, кладовочка не рядышком... Ссыпать бы все желуди разом. А то взад-вперед с дерева на дерево скачи...

Только бы ему за дело приняться — за деревьями треск, за ельничком чавканье. Шастает кто-то!

Сунулся Бельчонок на крайнюю ветку. Глянь — бродит в елках Медведь, у боровиков шляпки скусывает.

— Ау! — Бельчонок кричит.— Грибки-то хороши?

— Сласть! — Медведь отвечает.— Молоденькие, крепенькие, жуешь — так поскрипывают!

Доскакал Бельчонок до ельника. И впрямь — под темным лапником, на моховой подстилке, стоят пузатые боровички. Да семейками, кружочками!

— Ох,— вздыхает Бельчонок,— жалко, что грибы сырыми растут! Росли бы сразу сушеными! А то на солнышке развешивай, от дождичка береги... Может, они все-таки сами высохнут?

Отправился Бельчонок восвояси. Встречает старую Белку.

— Ну, много ли запасов наготовил?

— Совсем ничего,— Бельчонок говорит.

— Что ж так?

— Да все как-то неспособно... Орехи надо по штучке носить, желуди больно далеко растут. А грибы так и вовсе не сушеные еще!

— Ах, ты, такой-сякой! — рассердилась Белка.— Ступай работать! Зимой и одному орешку будешь рад, за желудем через весь лес поскачешь, а грибки во сне сниться будут! Брысь!..

Делать нечего, поплелся Бельчонок за добычей.

До орешника добрался. А где же орехи? Остались на тонких веточках одни мохнатые воротнички, да внизу на земле дырявые скорлупки валяются.

Все обчистили!

Заторопился Бельчонок к дубу. А где желуди? Остались на жестких ветках одни шапочки круглые, да у корней земля изрытая, ископыченная.

Все обтрусили!

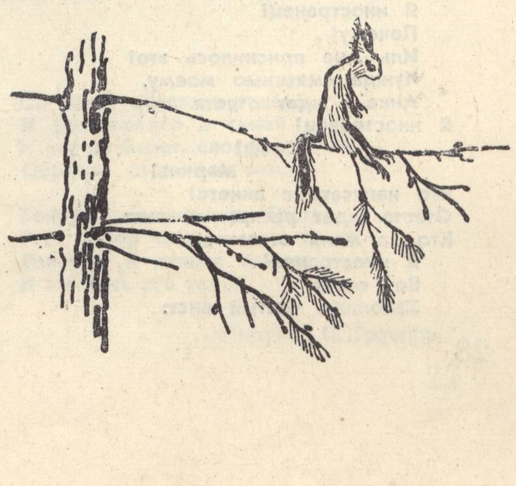
Кинулся Бельчонок в елки. Где же грибы-то? На моховой подстилке одни ножки остались, да и то пожеванные...

Все съели!

Не зевают лесные добытчики!

Сидит Бельчонок на ветке, глазами хлопает. Вот тебе и запасся на зиму!

— С носом не с носом, а остался я, горемыка, с одними шишками!

Есть одна Испания на свете...

Знаете, что такое «корольки»? Это апельсины, только не простые, а с алым боком, будто припекло их солнце с одной стороны. Надорвите тонкую гладкую кожу, и красный пахучий сок брызнет вам на пальцы. Корольки привозят в ящиках с яркой наклейкой «Сеньор Фулано и К°». Это владелец испанской фирмы, которая продает апельсины.

В первый раз такие апельсины привез нам пароход из Валенсии двадцать пять лет назад, в 1936 году. Только тогда на ящиках было написано: «От детей Испании — советским детям». В Одессе на пароход погрузили муку, масло и другие продукты. На ящиках и мешках тоже были надписи: «Дети СССР— детям Испании». Пароход ушел в страну, которая одной из самых первых дала отпор фашизму.

Тогда впервые мир услышал гордые слова вождя испанских коммунистов Долорес Ибаррури: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!» Все честные люди мира повторяли за испанскими республиканцами: «No pasaran!» — «Они не пройдут!» Газеты каждый день печатали сводки с фронтов Испании...

Сидеть в такое время сложа руки было немыслимо. Все ребята собирали средства для помощи Испании, готовили подарки испанским детям, все шили себе такие же точно шапочки-пилотки, какие носили республиканцы. Володька Зотов с нашего двора удрал тогда «на фронт». Его вернул из Одессы в Москву проводник вагона. Мы стояли под окном зотовской квартиры и слушали, как отец ведет с Володькой «мужской разговор». А очень скоро Володька провожал отца, мы догадывались — «туда». Изредка «оттуда» приходили короткие письма: «Салют, сын, все в порядке, бьем фашистов».

В те дни вместе с испанскими республиканцами сражались добровольцы: итальянцы, немцы, русские, американцы — антифашисты всех стран. Но силы были слишком неравны. Генерала Франко поддерживали вооруженные танками и самолетами итальянские и немецкие фашисты. Республиканцам пришлось отступить. Испанская компартия уходила в подполье, отправляла детей в Советский Союз, спасая их от фашистов. С одним из последних пароходов Зотовым пришел пакет с документами отца, отдавшего жизнь за свободу Испании.

На долю Володьки выпало отстаивать от фашизма нашу Родину в Великой Отечественной войне. Он вернулся в Москву после победы и с тех пор снова живет в нашем дворе. Часто Владимир Иванович спрашивает меня: «Вот ты знаешь по-испански, какие оттуда вести?»

Вести? Их мало. Иногда дойдет до нас номер подпольной коммунистической газеты, и мы узнаем, что тысячи политических заключенных еще томятся в тюрьмах, что повысились налоги и растет безработица. Это мрачные вести. Но мы понимаем: борьба продолжается. Недаром одна за другой прокатываются по стране забастовки, недаром свирепствует фашистский диктатор Франко — он боится народа Испании...

Так вот, если вам попадется «королек», посмотрите на него внимательно. Мало ли что там на ящике написано «Сеньор Фулано»! Корольки собирали руки испанских рабочих, испанских женщин, испанских детей. Тех, кому по праву принадлежит земля Испании, той самой единственной Испании, о которой сегодня рассказывает вам в своих стихах поэт-антифашист республиканец Хулио Матеу.

Л. Архипова

СТИХИ ХУЛИО МАТЕУ

АНКЕТА

Передо мной — анкетный лист.
Бумаги плотной глянец.
«Вы не в Союзе родились.
Пишите — иностранец...»
Я иностранец!
Почему!
Иль мне приснилось это!
Чужда смятенью моему,
Анкета ждет ответа.
Я иностранец!
Граф!
Маркиз!
Что написать в анкете!
Ответа ждет раскрытый лист...
Кто за меня ответит!..
Я иностранец!..
Вот ответ.
Заполним чистый лист:
Рабочий я.
Певец.
Поэт.
Пишите: «Коммунист».

Перевела М. Альперт.

МОЯ ИСПАНИЯ

Дайте руки мне,
сердца доверьте
все, кто ценит правду неприкрашенную.
Есть одна Испания на свете,
и она испанской станет,
нашею.
Я такой себе ее рисую,
шел я за нее
сквозь ночи ужаса,

знаая:
трудно будет —
не спасую,
положусь на собственное мужество.

Будут,
будут новые победы
и, по дерзости своей невиданные,
из застенков новые побеги,
и в ответ на пытки:
«Нет! Не выдадим!»

Я живу сейчас в стране,
в которой
дерзкие мечтатели
так ценятся.
Здесь от родины
я не оторван,
и в меня враги,
как прежде, целятся.

За себя
никто здесь не трясется,
в людях нет
подобострастья рабского,
потому что
новой жизни солнце
одинаково со всеми
ласково.

И моя страна
преобразится,
это значит —
жить на свете
стоило,
веря,
что еще одной страницей
светлою
пополнится история.

Дайте руки мне,
сердца доверьте
все, кто ценит правду неприкрашенную.
Есть одна Испания на свете,
и она испанской станет,
нашею.

Перевел Е. Солонович.

БАЛЛАДА О МАЛЕНЬКОМ РЫБАКЕ

Погружены на лодку сети,
День угасает за кормой...
Он старший брат и на рассвете
Вернется с рыбою домой.

«А ну-ка, братья, рыбу ешьте!» —
Он скажет им без лишних слов,
Во снах он видит, как трепещет
В сетях невиданный улов.

Волна за бортом говорлива,
Уходит парусник во тьму.
Как море вечером красиво,
Как море ласково к нему!

Над морем шумным, темно-синим
Светился город вдалеке...
И вот уж сети он закинул,
Надежда — в каждом поплавке.

А лодку все сильней качает.
Не спи, малыш, близка беда!
Но он еще не замечает,
Как ощетинилась вода.

...Была жестокой буря эта,
Стихия взбунтовалась вмиг.
Он закричал, но без ответа
Оставил берег этот крик.

Он мачту обхватил руками
И растворился в синей мгле...
И лег на берег, словно камень,
Обратно отданный земле.

Вокруг него стоят три брата,
Рвет ветер шапки с их голов.
Ракушка в кулаке зажата,
И это весь его улов.

Перевел П. Грушко.

ПЕТЬКА И ЕГО, ПЕТЬКИНА, ЖИЗНЬ

Рассказ

Михаил КОРШУНОВ

Рисунки Ф. Лемкуля.

1

Петька мог подумать о чем угодно, но только не об этом. Ну, будет неприятный разговор с классной руководительницей Серафимой Дмитриевной. Ну, отведут к директору. Ну, вызовут в школу мать и расскажут про него: такой-сякой подрался...

Это все понятно. Это все нормально.

Драка была?

Была.

Значит, теперь должны быть меры. Правда, особой драки не было. Дал Женьке по шее. У Женьки царапина на лбу. Здоровая царапина. Вещественное доказательство.

Серафима Дмитриевна сказала Петьке, что его просит к себе директор школы.

Директор школы был новый, совсем молодой. Его мало кто знал. Петька видел его один раз. Высокий, в спортивной куртке, а на куртке университетский значок.

Теперь Петька должен был увидеть директора второй раз. Неприятная встреча. Но ничего не поделаешь — надо встречаться. У Женьки на лбу вещественное доказательство.

2

Петька стоял перед директором. Он мог подумать о чем угодно, но только не об этом.

Директор протянул Петьке тетрадь.

— Возьми.

Петька взял.

— Я человек новый. Многих ребят еще не знаю. Тебя тоже не знаю.

Петька молчал, смотрел на директора.

— Так вот. В этой тетради подробно напишешь, как ты дошел до жизни такой.

— Какой жизни? — испугался Петька.

— Избил товарища. Товарищ слабее тебя, а ты его избил.

— А много писать? Сколько страниц?

— Дело серьезное... Страницы четыре.

У Петьки дух захватило — целое сочинение! И писать надо директору.

— Может, лучше мать привести? — осторожно спросил он.

— А зачем мать приводить? Дрался ты, а не она.

Петька кивнул: верно. Дрался он, а не она.

— С тобой и разговаривать. А для этого надо узнать, что́ ты за человек.

Петька в растерянности смотрел на директора.

— Где родился, писать?

— Напиши.

— А когда родился, писать?

— Напиши.

— И фамилию?

— И фамилию.

— А еще что?

— Я же тебе сказал: как ты дошел до жизни такой.

— А сколько дней писать?

— Сколько дней... До семнадцатого числа. Это значит — четыре дня. Семнадцатого мы проведем в классе собрание.

— Родительское? — с надеждой спросил Петька.— Мне присутствовать не надо?

— Зачем же родительское? Соберем учеников, послушаем, что они скажут. Тебе

есть смысл присутствовать. Вдруг кто и заступится.

Петька молчал.

3

Письменный стол. За столом сидит Петька. Открыта первая страница чистой тетради, которую дал директор.

Петька подложил ладонь под щеку — думает.

Четыре страницы! Это сколько же надо сидеть и писать? А драка-то была две секунды. Дал по шее — и все. И в лоб Женьку даже не ударил. Это Женька о шкаф ударился. Рикошетом. Худенький он, вот и получился рикошет. И чего под руку попался! Мучайся теперь. Сиди. А он, Женька, гуляет. А ты сиди. Вспоминай свою жизнь с самого начала.

Во дворе кричат ребята. Весело ребятам. Им не попался под руку Женька. И директор им такой не попался.

Петька сидит, вспоминает свою жизнь. А жизнь вспоминается плохо. Нет, она-то вспоминается, но ведь ее надо еще записывать! И записывать аккуратно и, главное, без ошибок. Да, без ошибок: проверить-то никому не дашь. Мать удивится, спросит, что это такое и для чего. И отец удивится, спросит. Лучше молчать и как-нибудь самому.

Вот и выходит, что жизнь вспоминается очень медленно, плохо. Надо лазить в учебник по грамматике.

Сейчас Петька искал правило о гласных. Как гласные пишутся после шипящих и буквы «ц». Потом ему понадобились суффиксы «ик» и «ек». В каких словах употребляется «ик», а в каких — «ек». Потом уменьшительные суффиксы «ушк», «юшк». Нет. Он обойдется без уменьшительных.

Кричат во дворе ребята. Петька подошел к окну, поглядел. Конечно, обновляют футбольный мяч, который недавно купили Гришке Лосеву из шестого подъезда.

А он, Петька, врезался в частицу «не». Что писать: «не»? А вдруг «ни»?

Опять листает учебник. Ага, нашел! Вот и примеры: «Ну как не порадеть родному человечку!» (Грибоедов).

Петьке бы кто-нибудь порадел. Самое время.

«Чем ты не молодец?» (Пушкин). Нет. Сейчас Петька не молодец.

В первый день Петька написал одну страницу своей жизни. И устал так, как никогда.

4

На второй день он продолжал. И опять грамматика. И опять приставки, двойные согласные, чередования, окончания. И синтаксис еще — точки и запятые. И опять ни у кого и ни о чем нельзя узнать. Тут дойдешь до любой жизни. До каторги дойдешь!

Попросить бы Женьку: порадей мне, Женька. Дай мне, Женька, по шее. Или, хочешь, я сам стукнусь головой о шкаф, и будем квиты?

Ребята во дворе кричат: обновляют мяч. А Петька? Петька пишет вторую страницу своей жизни.

5

На третий день Петька писал третью страницу своей жизни. Писал про то, как провел лето в деревне Карганы у маминого брата.

Мамин брат работал на колхозном кирпичном заводе. И Петька тоже работал: водил лошадь, которая крутила большие колеса, размешивала в яме глину.

Нравилось еще Петьке в обеденный перерыв сидеть под навесом, где были сложены свежие кирпичи, только что вынутые из форм,— сушились.

На улице, солнце, жара, а под навесом прохладно. Это от влажных кирпичей прохладно.

Поглядишь на кирпичи, а на них отпечатки веточек и стеблей травы. Интересно!

Петька написал про веточки и траву.

А потом кирпичи выпаливают в траншеях, и они делаются красными и крепкими. Он сам вынимал их из траншей. Теплые еще и дымом пахнут.

Петька и про это написал.

6

На четвертый день Петька одолевал последнюю страницу.

За окном накрапывал дождь. Ребята во дворе все равно кричали. Они уже не обновляли мяч Гришки Лосева из шестого подъезда, а просто играли. Мяч грязный, и ребята грязные. Нормальная обстановка. Никому ничего не жаль.

Только Петьке жаль самого себя. Четвертая страница идет особенно туго. Никто ему не радеет, и вообще он, конечно, не молодец. «Ни», «не», «ик», «ек» — чтоб этому Женьке ни дна ни покрышки!

Петька подложил ладонь под щеку — думает.

Уже и фамилия есть, написана, и про место и год рождения все есть, и про пионерский лагерь, и про кирпичный завод.

«Напишу-ка про ежа Николая,— решает Петька.— Еж мой. Жил у меня дома. Значит, к моей жизни имеет отношение».

«Еж Николай днем спал, а ночью бегал,— начал писать Петька.— Тарахтел когтями и мешал всем другим спать».

А как пишется «тарахтел»? «Тара» или «таро»?

Надо изменить слово так, чтобы на сомнительную букву упало ударение. Это он помнит.

Петька начал менять слово: трахнул, тарахнул, тарарахнул. Ух ты, куда занесло! Значит, все-таки «тара»...

«Я решил Николая переучить,— продолжал писать Петька,— чтобы ночью он спал, а днем бегал, как все нормальные люди».

Дождь усилился, громко забарабанил в стекла. Петька встал и подошел к окну. Неужели еще играют? Да. Играют. Черные, и мяч черный. Счастливые! Бегают себе, как все нормальные люди.

Петька вернулся к столу.

«У ежа Николая начали выпадать из чуба колючки. Мама сказала, что Николаю не хватает витаминов, а может быть, он просто...»

Петька опять задумался: как написать «линяет»?

И вдруг вспомнил. Только совсем другое вспомнил: когда Гришкин мяч обновляли, он был желтого цвета.

7

Собрание состоялось. Ровно семнадцатого числа. Народу было много. Весь класс, конечно. Серафима Дмитриевна, директор и старший пионервожатый.

Выступали ребята, ругали.

И Серафима Дмитриевна ругала. И старший пионервожатый. Правда, все еще говорили, что они надеются: в будущем с Петькой ничего подобного не случится.

В конце собрания выступил и директор. Сказал: тоже считает Петьку человеком не совсем пропащим. Он подробно ознакомился с его, Петькиной, прошлой жизнью. И его, Петькина, прошлая жизнь дает и ему, директору, основания надеяться, что в будущем с Петькой ничего подобного не случится.

«Да уж, если каждый раз писать сочинения...»,— подумал Петька. Но это так, между прочим, он подумал.

НАД ВОЛГОЙ

Ю. БОСКО

СПЛАВЩИКИ

Е. ГУДИН

МОЯ СТРАНА

Сказочно прекрасен этот пейзаж! Покрытая вечными снегами Корякская сопка — второй по величине вулкан Камчатки.

Фото В. Гиппенрейтера.

Быстрые, прозрачные камчатские реки богаты рыбой. Сюда приходят из Тихого океана метать икру огромные стада лососевых.

Услышав щелканье фотоаппарата, медведь поднял голову. Получился хороший портрет.

Иногда Тихий океан бывает тихим.

На лошадях, пешком пробираются ученые по высокогорной тундре Камчатки.

Фото В. Гиппенрейтера.

Вулкан живет!

МОЯ СТРАНА

В краю подземного огня

Самолет летит на север вдоль побережья океана. Земля закрыта облаками. Там, внизу, пасмурная погода, а здесь ослепительно сверкает на солнце облачная равнина. Кое-где из нее выглядывают конусы вулканов. Нам хочется увидеть Карымский, но он невысок, его вершина скрыта в облаках. И все же, словно идя навстречу нашим желаниям, Карымский дает о себе знать: сквозь облачную толщу прорывается столб дыма, плотный, темный, клубящийся. Это очередной вулканический выброс. Сейчас Карымский — самый активный, самый буйный из вулканов Камчатки.

Почтовый самолетик приземлился у поселка Жупаново. Рыбокомбинат, школа, клуб. Рокочет прибой, и, как у всякого рыбокомбината, масса чаек.

Следующим утром, навьючив лошадь рюкзаками и снаряжением, мы направились к вулкану. Нас было трое: я, мой товарищ и проводник.

Тропа скоро кончилась, пришлось то и дело переходить болота, ручьи, продираться через густые заросли. Нам преградила путь река, в которой мы увидели огромные косяки рыб, идущие против течения. В реки Камчатки из океана заходят метать икру семь видов лососей: горбуша, кета, чавыча, нерка, красная, кижуч, сима.

Огромными стаями поднимаются они в верховья рек. Попав в пресную речную воду, рыбы перестают есть, изменяют окраску и форму. Они преодолевают пороги, перекаты, быстрое течение. Через все преграды идут они к местам нереста, к местам, где сами родились когда-то, роют углубления в дне и, выметав икру, засыпают ее песком и галькой. Каждая пара рыб защищает свое гнездо от других, пока не погибнет от истощения и ран.

Мы, как завороженные, смотрели на бесконечное движение рыб, упрямо идущих навстречу своей смерти ради продолжения рода.

...Идем дальше. Нас окружает таинственная тишина зарослей каменной березы. Ветки и стволы, узловатые, искривленные, сплетенные между собой так причудливо, что и во сне не увидишь такого. Мы невольно умолкли.

Взбираемся все выше. Лес редеет, становится низкорослым, переходит в стланики кедра, ольхи и рябины. Так деревья приспосабливаются к постоянным ветрам и обильным снегопадам. Стелющийся по земле лес почти непроходим. Легче сделать обход в десять километров, чем пройти один километр через стланики напрямик. Здесь нужно знать тропы, знать рельеф, чтобы использовать для движения высохшие русла речек или участки горных тундр. Наш проводник все это знает, и мы не удивляемся, когда наш путь вычерчивает странные кривые на местности.

Выше границы леса, в тундрах, где уже и стланик не растет, идти легче. Из-под ног то и дело взлетают белые куропатки, попадаются следы волков, снежных баранов.

— Вон медведь ходит,— говорит проводник.

Мы смотрим. По ягодникам, красным от листьев голубики, бродит большой медведь. Щелкнул затвор моего фотоаппарата, медведь приостановился, но тут же снова занялся своим делом. Медведей здесь много. Они не опасаются человека и подпускают его довольно близко.

Но вот перед нами появился стройный серо-стальной конус Карымского вулкана. До него еще далеко, но уже слышен нарастающий рев, сопутствующий взрыву. Нам очень хочется подняться на гору и заглянуть в кратер.

Чтобы попасть к вулкану, надо преодолеть гребень другой горы. Это отложили на завтра. Ночь прошла беспокойно. Дождь, ночной туман. Сильный ветер рвет палатку. Вокруг ручьями, потоками, струями бежит вода.

Утром продолжаем путь. После полуторачасового подъема туман остался внизу, мы вышли на гребень.

Прямо перед нами — вершина с зияющим кратером, уходящим вертикально в раскаленные недра. Вулкан нас приветствует взрывом. Из темноты кратера медленно поднимается плотная масса дыма и пепла; завитая, как капустные листья, она все быстрее мчится вверх, переливаясь серо-стальными, пепельными тонами. Воздух вздрагивает, и нарастающий рев потрясает заоблачное безмолвие. Столб дыма расплылся громадным грибом, и ветер понес его в сторону.

Спустились к подножию вулкана, снова в тумане бредем по нагромождению лавы, покрытой толстым слоем пепла. Наконец лавовое поле кончилось, мы ступили на склон конуса и начали подъем. Кратер все ближе, но по-прежнему ничего не видно. Туман и дождь. Ориентируемся по звуку выбросов, приближаемся к самому низкому краю кратера. По нашим расчетам, он менее опасен. Ведь если он ниже, значит, он медленнее растет, на него меньше падает камней и пепла. Но все же по склону непрерывно катятся камни. Осыпающийся пепел шумит, как дождь. Кратер где-то совсем близко.

И вдруг склон дрогнул. Зловеще зашелестел устремившийся вверх фонтан пепла. Раскаленные камни застучали вокруг нас. В поисках укрытия мы обежали почти вокруг всего кратера, но толстый слой пепла на склонах всюду был перепахан падающими камнями.

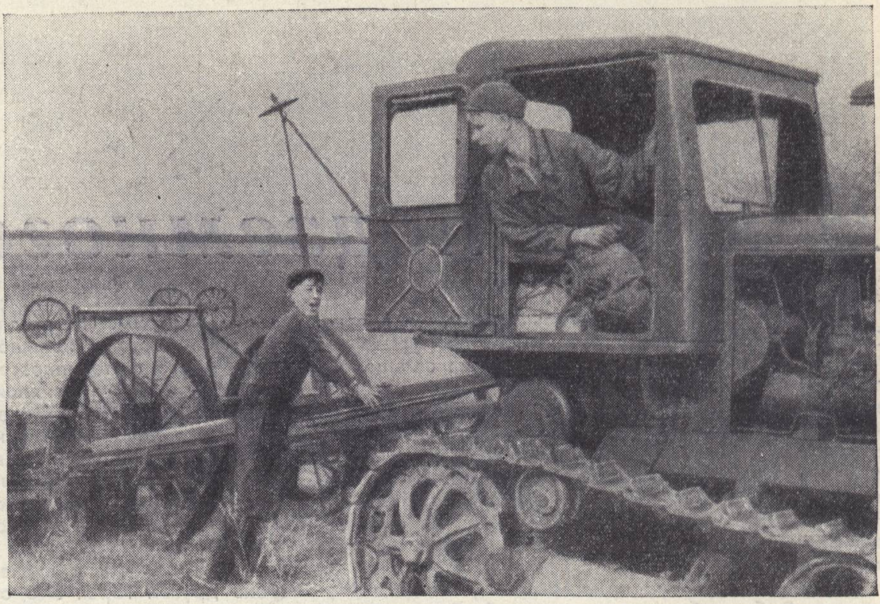
Пришлось удирать вниз, пока вулкан не накрыл нас очередным выбросом.

Так и не удалось нам заглянуть в кратер вулкана. Но зато мы сделали много фотографий лавовых потоков различной давности и самого вулкана, на которых хорошо видно его строение: вулкан, как в блюдце, стоит в центре кальдеры, огромного провала с крутыми стенами.

Нам еще предстоял трудный путь до лагеря. Мы, не задерживаясь, двинулись из хаоса лавы, пепла и тумана. А позади слышался рев Карымской сопки.

В. Гиппенрейтер

ВСЕ РАБОТЫ ХОРОШИ

Посмотрите, какой бывалый вид у этих ребят. По всему видно: они умеют обращаться с машиной. Время горячее, посевная, и тракторист потораплывает своего напарника.

Предстоит большая работа. Колхоз «Памяти Ильича», Ульяновской области, выделил школе 50 гектаров земли. Здесь старшеклассники Крестово-Городищенской одиннадцатилетней школы проходят практику.

После окончания школы ребята получат замечательную специальность: они будут механизаторами широкого профиля. Это значит, им будут подвластны все машины, которые бороздят колхозные поля.

А многие девочки готовятся стать воспитательницами детских садов. Но это, конечно, после школы, а сейчас с колхозным детским садом дружат все ребята. Вот и сегодня у малышей улыбки на лицах: пионеры принесли новые игрушки.

Первое плавание

Виталий КОРЖИКОВ

Рисунки В. Цельмера.

КАК НЕ РАДОВАТЬСЯ

Я стал матросом. Инспектор пароходства вручил мне направление на пароход и сказал:

— Вот, братец, собирай свои вещички — и бегом на «Игарку». Пароходик маленький, зато поплывешь далеко, в Арктику!

Я обрадовался: первый раз в плавание — и сразу в Арктику! Вот, наверное, и белых медведей увижу и китов... Схватил я чемодан и пошел искать «свой» пароход.

Порт во Владивостоке большой. Множество дымков поднимается под сопками из пароходных труб. У причалов позвякивают якорные цепи, скрипят тросы и кругом мачты, мачты, мачты...

Вон клюет носом какой-то пароходик. По трапу поднимаются на борт пассажиры, торопятся, машут платками, обнимаются. А пароходик покачивается, серенький, закопченный весь, и, кажется, всхлипывает: «Тут и так устал, а меня опять посылают, опять посылают...»

А вон «Азия» — большой теплоход, белый весь. Стоит «Азия» у причала, не покачнется. Только чуть-чуть, озорно, поблескивает стеклами иллюминаторов, будто думает: «А я вон сколько прошла. И еще столько же могу и еще столько...»

Тут же недалеко от берега к берегу по волнам, среди солнечных зайчиков, бегает буксирный катерок и словно покрикивает: «Ну, скоро вы?.. Ну, где же вы?..»

Жара страшная, июль. Взмок катерок от усердия, вспотел, даже капли повисли на носу, а над рубкой парок расплывается.

Спешу я между ящиками и бочками, перешагиваю через канаты, а сам волнуюсь: «Что-то не видно моей «Игарки». Вдруг без меня ушел пароход?»

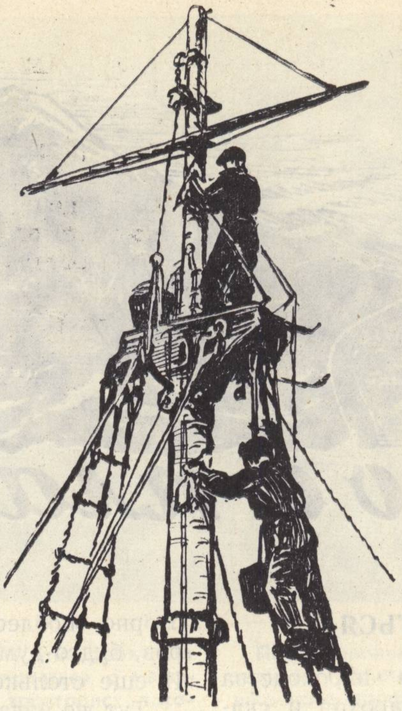
Вон на какое-то судно подъемный кран опустил целый трактор. За трактором грузовую машину подцепил и туда же...

«Нет, — думаю, — это не мой. Мой маленький, а этот вон какой!»

Дошел я до конца порта и совсем расстроился: нет моего парохода! Побрел обратно. Вернулся к тому месту, где на пароход грузовик ставили. Остановился подождать, пока груз над головой проплывет, глянул вверх — и вижу: на корме большие белые буквы «ИГАРКА».

Вот так «малютка»! Подхватил я свой чемодан — и скорее к трапу. Второпях на грузчика наткнулся. Оглядел он меня с ног до головы, пожал плечами, чего, мол, чудак радуется, и пошел потихоньку к мешкам с мукой. А я скорее вверх, по трапу!

Как тут не радоваться!

ПАРОХОД, КАК ХОРОШИЙ МАТРОС

Быстро идет «Игарка». Только вчера вышли мы из Владивостока, а говорят, уже к Сахалину подходим.

Взлетают впереди белые клочья пены, рассыпаются брызги, и от них перед носом корабля все время светится радуга.

Мимо бортов то в одну, то в другую сторону проносятся касатки. Вылетят торпедой из воды, полоснут воздух острым, как нож, кривым плавником — и снова ныряют в зеленую океанскую глубину.

Все на пароходе расставлено по местам. Стальными тросами взят под уздцы грузовик, за гусеницы привязаны тракторы — теперь с места не сдвинутся, как бы ни качало. Даже две огромные самоходные баржи, и те никуда не сползут с широких трюмов, так мы их «принайтовали». По-морскому это значит: привязали накрепко. Все закрепили, а теперь и отдохнуть можно, наверно.

Стал я у борта, облокотился на поручень, смотрю, как проносятся медузы за бортом, толпятся, будто пароход в первый раз увидели. Вдруг слышу голос за спиной. Меня зовут.

Оглянулся я, вижу: Миша Клименко. Он у нас на «Игарке» самый высокий матрос. Рубаха ему еле до пояса достает.

— Ты чего стоишь? — спрашивает он.

— А что делать?

— А палубу драить кто будет?

— Как это драить?

— Шваброй.

Поманил меня Миша, довел до верхней палубы и без разговоров дает швабру.

— Держи!

Хотел я спросить, что мне со шваброй делать, а он мне:

— Смотри, как другие работают, и сам так работай. Некогда рассказывать.

Сказал — и давай тереть палубу шваброй. И я с ним. Он швабру в ведро с горячей водой окунет — и я. Потрем несколько досок, из шланга скатим водой — чисто, свежо! И дальше трем. У меня от работы капельки пота по лбу ползут.

Поработали мы, потом пообедали. Отдохнули. И снова драить. Вымыли палубу начисто, нигде пятнышка не оставили. Тогда Миша позвал еще одного матроса, Ашанина Анатолия. Забрались они под самое небо, на мачты, и давай их тоже мыть. С палубы только и видно, как руки с тряпками ходят: вверх-вниз, вверх-вниз! Здорово!

Захотелось и мне к ним на мачту, а Клименко крикнул сверху:

— Отдохни пока! Лучше ты меня подтяни повыше, а то я скоро ногами до палубы достану.

А у самого голова чуть за облака не задевает.

Кончили мы работу, прошлись по палубе — чистота кругом. Пароход белый, светлый. Кажется, будто и бежать ему стало легче: торопится, так и задирает нос. Даже отражение парохода в воде и то словно повеселело.

— Пора и самим выкупаться.

...Трет мне Миша спину мочалкой, будто все еще палубу драит, приговаривает:

— Пароход, как хороший матрос, каждое утро умываться должен.

НЕЛЕГКО

А как по-вашему, что еще делает матрос? Лежал я вечером в каюте, слушал, как машина под нами шумит. Будто паровоз разгоняется: ту-ту-ту-ту-ту-ту. Даже стены гудят. Лежу, засыпаю, а сам думаю: что будем завтра делать?

Утром проснулся — тормошит меня кто-то:

— Вставай!

Смотрю: боцман Филиппыч, наш матросский начальник. В замасленной кепочке, в сапогах уже.

— Иди робу получать, на работу пора.

Пошел я за боцманом. А он по трапам бегом, бегом, наверх. Мне непривычно. Синяки на ногах набил. Забрались мы в какое-то помещение на носу парохода — ни окошек там, ни иллюминаторов, — вроде большого чулана. «Подшкиперская» называется.

В подшкиперской лампа горит и пахнет пылью. Грудами валенки лежат, фуфайки, ватные брюки в тюках. Вытащил Филиппыч новую рубаху, комбинезон, подал мне. Потом посмотрел на мои ноги, полез в угол и подает сапоги — самые большие.

— Получай свои пароходы!

Оделся я тут же и сразу себя очень важно почувствовал, по-рабочему. А Филиппыч рукой манит:

— Пойдем!

Пришли к малярке. Тут матросы стоят, ждут. Открыл боцман дверь — и сразу запахло олифой, красками. Даже голова чуть-чуть закружилась. Кругом жестяные банки, бочки в масляных ручейках, в пятнах — красных, зеленых, голубых... Дал нам боцман по кисти, по банке. В банки налил белил.

— Машинное отделение покрасить сегодня, — говорит. — А за старшего у вас Ковалев будет.

Пошли мы. Ковалев впереди. Годами он молодой, совсем как я, а по работе старший. Повел нас старший не в машинное отделение, а наверх, куда его потолок выходит.

«Зачем это, интересно?» — думаю я. А спрашивать не спрашиваю: не хочу показать, что я ничего еще не знаю.

Поднялись мы на верхнюю палубу. Отсюда море далеко-далеко видно, только смотреть некогда.

Ковалев командует:

— Подвески давайте!

Принесли мы длинные доски с веревками, вроде качелей. Открыли окна на крыше машинного отделения. Оттуда сразу жаром пахнуло. Опустили подвески вниз, привязали к разным трубам. Теперь самим спускаться нужно.

Страшновато: пароход идет, подвески в пустоте покачиваются, а внизу все железное: горячие трубы, краны, рычаги, колеса какие-то...

Ковалев первым спустился. Вот он прошел по доске, вот банку с краской к трубе привязал и уже кистью по переборке водит. Полез и я за ним. Спустился на руках, встал на доску и чувствую: коленки дрожат. За трубу над головой схватился и сразу бросил: горячая.

«Нет, — думаю, — надо посмелее быть, а то еще шлепнешься».

Встал потверже, банку тоже к трубе привязал, обмакнул кисть и начал горячую трубу красить.

Краска шипит, пузырится. Дым и гарь в нос и в глаза набиваются. Только успевай слезы рукавом вытирать. А покрасить везде нужно.

Заработался я так, что и от страха отвык. Только и вижу: кисть бегает. Не заметил, как и время прошло. Слышу голос:

— На отдых!

Поднялся я, прошел по одной подвеске, перешагнул на другую, а там на трап и в дверь. Оказывается, не очень страшно.

К вечеру мы работу кончили. Работали дружно, только часто на палубу выскакивали — подышать. И, наверное, целый бак воды выпили.

Машинисты спрашивают:

— А нам каково все время в такой жаре?

Да, нелегко!

ТРЕВОГА

Только спустился я в каюту, хотел снять сапоги — звонок. Длинный, резкий.

Сразу захлопали двери. Мимо меня наверх по трапу бегут матросы, надевают спасательные пояса. А по радио говорят:

— Внимание, внимание! Объявляется водяная тревога...

Я не дослушал, выхватил из-под койки пробковый пояс, натянул лямки — и тоже бегом наверх.

Все торопятся. Вон Миша Клименко волочит огромный брезент. Саня Козак, наш комсомольский секретарь, сам маленький, а мешок на плече большущий тащит... И даже повариха, Дора Ивановна, в белом фартуке, в колпаке, и та какое-то бревно несет.

«Ну, — думаю, — там уже вода вовсю хлещет».

— На каком трюме пробоина? — спрашиваю.

— На четвертом...

Заскочил я в подшкиперскую, набрал деревянных клиньев — и бегом на корму. Перелез через баржи, пробрался под трактором... А у четвертого трюма все стоят спокойно, улыбаются. Брезент на палубе лежит, бревна тут же валяются...

— Что же вы стоите? — кричу. — Пробоина где?

А рядом матрос Казаков — молоденький совсем, сам только-только обплавался, а вредный — смеется, рыжий нос морщит:

— Без тебя заделали, собирался долго.

Положил я клинья, покраснел: подумают еще, что испугался. Вон и капитан с мостика на меня смотрит, а кругом все хохочут. Только Гайдаевский, наш корабельный плотник, — усы у него, как у Чапаева, — положил мне руку на плечо и говорит:

— Ничего тут смешного нет. На то и учебная тревога, чтобы узнал человек, что к чему. А будет настоящая... — И сам тоже в усы улыбается.

А тут еще наверху, на рубке, репродуктор засмеялся и голосом нашего радиста, Олега, говорит:

— Внимание, внимание! Объявляется отбой учебной тревоги.

Отошел я к борту. Чувствую: уши у меня горят и зло разбирает — и на Казакова, и на себя, и на Олега, и на учебную тревогу. А Гайдаевский снова рядом. Присел на трюм, закурил и добродушно так, по-украински меня успокаивает:

— И чего сердишься? Ну, посмеялись люди трошки, и все. Пошли ужинать лучше. Там Дора Ивановна борщу наварила, котлет нажарила...

Стали мы подниматься по трапу, а он говорит, тоже спокойно так:

— Ой, уже к камню Опасности подходим. Вон и Япония справа.

Остановился я. Смотрю: утес высокий, нахмуренный. Словно поперек дороги хотел встать, да поглубже заходить побоялся. А наверху у него маячок поблескивает, будто смельчак какой-нибудь забрался и сигналы оттуда подает. Тут все на палубу высыпали. Разные истории вспоминать стали. Кто-то вместе с пароходом на этом камне сидел когда-то. Кто-то тонул здесь... Бывалый народ.

Справа огоньки переливаются вдалеке и мачты видны. Там японские рыбаки живут. Взял я у помощника капитана, Павла Ивановича, бинокль.

...Шхуны качаются, домики стоят, серенькие такие, бедные. Интересно бы поближе подойти, а то уже плохо видно стало. Вода за бортом черная, глубокая. Только морские светляки всплывут, вспыхнут и снова опускаются в глубину.

Так и смотрел бы я до ночи, да Дора Ивановна из камбуза выглянула:

— Ну, знаешь что, Япония Японией, а ужин ужином!

КТО МЕНЯ УЧИТ

На другой день боцман Филиппыч снова привел меня в малярку, налил мне полную банку зеленой краски и послал красить на палубе подволок. Так на пароходе потолок называется.

Окунул я кисть поглубже, даже пальцы измазал. Думал: чем больше краски наберешь, тем лучше.

Провел по подволоку раз, другой, а краска течет по руке и оттуда, сверху, прямо мне на голову и на плечи: кап, кап, кап. Руки зелеными стали. Отер я кисть тряпкой, вытер лицо. Стал присматриваться, как мой сосед Митя Свежук работает. Матрос он тоже молодой, а красит здорово, любит это дело. А еще больше он любит всем советовать, где знает и где не знает. За это ему достается иногда: смеются над ним ребята.

Смотрю: работает он, как будто и не торопится. Окунет кисть как следует, потом о край банки отирает ее, лишнюю краску сгоняет и красит мягко-мягко, словно кого-то гладит.

И я так попробовал. Получается. На голову не капает, и краска ровнее ложится. Пошло дело быстрее. Подволок так засверкал, что даже море в нем, как в зеленом зеркале, видно стало. Пока левую сторону красили, по потолку какой-то остров проплывал. Скалы на нем огромные, а верхушка вся в снегу. Это Курильские острова начались. Они, словно пароходный дымок, по всему морю растянулись.

А на правый борт перешли — сколько ни красили, только один пароходик у меня через потолок прополз: видно, домой торопился.

Тут и солнце в море село. Долго-долго садилось. У меня даже шея устала смотреть.

Село солнце, и мы красить кончили. Пошли отдыхать. А Митя вдруг и говорит:

— А у тебя хорошо получается. Ты где так научился?

— У тебя, — говорю.

Митя вдруг покраснел, махнул рукой и говорит:

— Ну вот, опять начал.

Наверное, обиделся, решил, что я тоже над ним смеюсь. А ведь я серьезно сказал...

НОЧЬЮ

Пароход все идет. По ночам уже стало холодно, и в глубине Охотского моря не вспыхивают больше светляки. Только у нас на мачтах светлячки не гаснут. И в каютах светло и тепло.

Вон в одной каюте какой-то огонек. Вспыхнет и снова гаснет. Вспыхнул, вспыхнул и снова погас. Это Миша Слесаренко учит азбуку Морзе. Каждый моряк должен знать эту азбуку. В море всякое может случиться. Нужно важную весть суметь передать и на землю и другим кораблям, если понадобится.

Против другой каюты на стенке чья-то тень наклонилась над столом и что-то пишет. Это Витя Тихонов, тоже матрос, выполняет упражнения по грамматике. Когда придем домой, ему экзамены в школе сдавать.

В третьей каюте Толик Давыдов на аккордеоне тихо-тихо, чтобы другим не мешать, наигрывает песню про моряков...

В прачечной кто-то шлепает мокрым бельем о палубу. Наверное, робу стирает: завтра санитарная комиссия ходить будет...

А пароход все идет.

КАМЧАТКА

Когда я учился в четвертом классе, наша учительница Екатерина Ивановна иногда говорила какому-нибудь лодырю:

— Ну-ка, марш на «Камчатку»!

Пристыженный ученик, краснея, волочил через весь класс распахнутый портфель и тихо забивался в угол на последнюю парту.

Если там поднималась возня и разговоры, учительница стучала линейкой по столу:

— Эй, на «Камчатке»! Нельзя ли потише?

Мне тоже пришлось как-то побывать в той стороне, и я хорошо помню все ее достопримечательности. На стене висела старая, потрепанная карта, где экватором была истертая, подклеенная марлей полоса, а на конце полуострова Камчатка сидел чернильный человек с портфелем, свесив ноги в Берингово море. Моря вокруг были забрызганы кляксами.

Под картой можно было вздремнуть, посмотреть, как в солнечном луче суетятся пылинки, а когда надоедало, сразиться с соседом в «морской бой».

И вот теперь на палубе, слышу, говорят: «Вон и Камчатка уже». Вдали горы синеют. Подплыли мы поближе. Хребты высокие-высокие, облака с ледяных вершин свесились. А внизу море — все в белых барашках — шумит. Рыболовецкие траулеры у берега цепочкой растянулись, кое-где паруса белеют на солнце, покачиваются, будто кла-

няются нам. И кругом чайки рыбешку за рыбешкой подхватывают. Воздух морской травой и солью пахнет. Капли солоноватого тумана садятся на лицо.

Проходили мы мимо одного траулера, а там рыбак высокий, в брезентовой куртке, выбежал наверх, помахал нам шапкой и на трюм вниз показывает: «Вон сколько наловили!» Рыба у них на палубе подпрыгивает, извивается. Чешуя, как сталь, поблескивает.

Принялся я веселей за работу и думаю: «Нет, зря Екатерина Ивановна на «Камчатку» лодырей отправляла».

ПЕРВАЯ ВАХТА

Только наступило семь часов вечера, а я заволновался: в восемь у меня начинается вахта. В первый раз рулевым буду, пароход поведу. Поднялся я наверх в рубку, а вахтенный штурман остановил меня:

— Чего торопишься? Еще целый час тебе загорать!

Спустился я вниз, по палубе с носа до кормы раз десять прошелся, к себе в каюту снова заглянул, в столовой постоял. А время только до половины добралось...

Дождался наконец: без десяти восемь!

Подошел я к рулевому, волнуюсь. Он посмотрел на меня, отодвинулся от штурвала и говорит:

— Курс сто шестьдесят сдал!

Положил я руки на рукоятки штурвала и отвечаю:

— Курс сто шестьдесят принял!

Впереди меня компас светящийся, на нем цифры горят. Смотрю я на стрелку, не убегает ли она от числа «сто шестьдесят». Только стрелка вильнет в сторону — и я за нею руль поворачиваю. Стрелка медленно возвращается к ста шестидесяти. Только перескочила это число — и я за нею! Нельзя отпускать ее, иначе и пароход пойдет в сторону. Еще в берег врежется или на мель сядет.

А тут туман потянул. Густой, как дымовая завеса. Я заволновался сильней. Другие, наверное, не волнуются: уже не в первый раз плавать и за штурвалом стоять.

Пришел наш капитан — высокий, нахмуренный. Посмотрел на компас, на меня. Курчавую голову нагнул и заходил из угла в угол. Видно, как желваки по скулам бегают. Ну, думаю, наверное, сердится. Уж очень часто виляет стрелка на компасе!

А капитан на меня больше и не взглянул. Только у вахтенного штурмана спросил что-то и вышел.

Когда передал я штурвал товарищу, подошел к штурману. Он кивнул вслед капитану.

— Тревожится: в первый раз капитаном в Арктику идет.

Вздохнул я и сам себе улыбнулся: а я-то думал, что один я волнуюсь.

Штурман снова говорит, задумчиво так:

— Да и старые капитаны, если они хорошие капитаны, тоже беспокоятся. Как-никак, люди на борту!

Так и запомнил я с тех пор: если ты хороший капитан или просто матрос, то волнуешься: на борту люди.

КИТЫ

Вот и Камчатку проплыли. Холодно совсем стало. Нам Филиппыч принес из подшкиперской теплые ватники и капюшоны. Говорит:

— Сразу чувствуется, что к Чукотке подходим. Колотун дует такой, что пальцы не разогнешь. — Потирает Филиппыч руки, ежится.

Зато в машине теперь хорошо. Миша Эстрин, наш судовой токарь, выскочит на ветер подышать свежим воздухом. Постоит, мокрый от пота, в одной майке, потом нарочно застучит зубами, большой головой в белом берете затрясет:

— Бр-р-р. Ну и колотун тут у вас. А у нас ничего. Ташкент! — И снова в машину.

Проснулся я как-то, вижу: светло совсем. «Ну, — думаю, — проспал на работу!» Оделся поскорее, выскочил на палубу. Слева горы стоят — скалистые, холодные. Ни травинки на них, ни деревца — ничего не растет. Только лед наверху мерцает. На воде, внизу, птицы покачиваются, с волны на волну перед пароходом перелетают... А на палубе никого нет.

Наконец из камбуза белый колпак выглянул. Это наш пекарь Миша.

Вообще-то он уже не Миша, конечно, а Михаил Иванович. Волосы у него уже седые, белей колпака. А когда знакомишься с ним, он руку протянет, сам хриплым-хриплым басом говорит: «А я Миша!» Так что по-другому его звать и не станешь. Он у нас раньше всех встает и к завтраку подает нам свежий, душистый хлеб.

Увидел меня Миша, прихватил противень фартуком, в духовку сунул, сдвинул на лоб колпак и стал жаловаться:

— Никак не спится! Как начнется этот полярный день, так совсем не могу уснуть. Только три часа ночи, во Владивостоке спят все, а тут — на тебе! — солнце во всю светит...

Тут я понял, почему никого нет на палубе. Нужно бы досыпать идти, но раздеваться уже не захотелось. Поднялся наверх, в штурманскую рубку, узнать, где мы плывем. А третий помощник капитана, Саша Потапов, спрашивает:

— На китов посмотреть пришел? Они тут сегодня стадо за стадом прогуливаются...

И правда, недалеко от нас вдруг несколько черных спин из воды показалось, выбросили пушистые фонтаны, будто струйки пара над паровозом, и опять в воду ушли. Только пена бурлит сзади.

А один кит подплыл к самому борту, маленьким глазом на нас уставился и даже, кажется, улыбается. Жаль только, Миша-пекарь с палубы в это время что-то выбросил.

Взмахнул кит хвостом, обиделся, должно быть, выпустил белый фонтанчик себе на спину и поплыл к своим братьям.

Над морем колотун гудит, барашки поднимаются, а китам хоть бы что — плавают, ныряют...

Нет, не зря я все-таки сегодня так рано проснулся.

БУХТА ПРОВИДЕНИЯ

Ночью я на китов смотрел, а днем наш пароход уже осторожно входил в бухту Провидения.

Капитан с мостика все время поглядывал, как бы в скалы не врезаться. Горы здесь высокие собрались, а проход между ними такой тесный, будто они воду сторожат, чтобы не ушла из залива. А сторожить есть что: вода тут такая прозрачная, что видно камни на дне. Лежат и как будто расплываются. Посмотрись любая гора в залив — и всю себя, от подножия до вершины, увидит.

Вошли. Встали в порту. Я собрался на берег и говорю боцману:

— Пойдем, Филиппыч, посмотрим на город.

А он рукавицы снял, махнул ими:

— Чего там не видал? Камень да вода. Еще белый медведь схватит! И некогда: вот лес погрузят — и отходить будем. Так что и ты недолго!

Сходил я по трапу, глянул вниз, в воду: ботинки сверкают, брюки наглажены, и волна будто кивает: «Можно, порядок».

Вышел на улицу, смотрю: базар. Сидит старая чукчанка, ноги под себя подобрала. А перед ней в чашке куски сырой печенки и какие-то птицы лежат. Женщина чашку мне протянула:

— Печенка хочешь? Моржовый.

Я покачал головой:

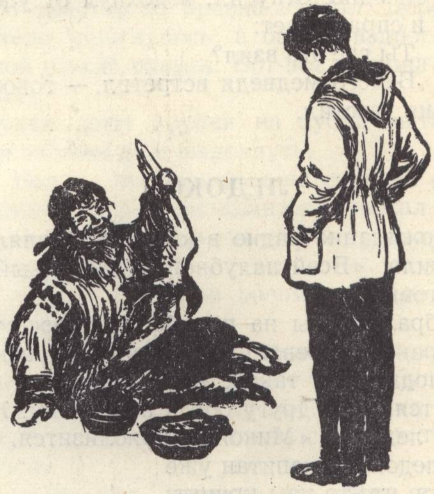
— Нет.

Тогда она чайку подстреленную мне за крыло протянула.

— Нет, — говорю, — у нас чаек не стреляют и не едят.

Чукчанка руками развела и засмеялась:

— Кто не едят, кто едят. Как хочешь.

Повернулся я. Напротив большой дом, аккуратный. Написано: «Магазин». Подождал я, пока «Победа» мимо проедет, перешел улицу, открыл дверь. Яблоками запахло. На прилавке в вазе красивые плоды лежат. Вон куда забрались! Купил яблок, а рядом, гляжу, в стеклянных баллонах томатный сок. Совсем как в Москве или во Владивостоке.

Мне даже захотелось самому налить соку.

Удивилась продавщица.

— Пожалуйста, — говорит, — наливайте. Только не полагается без халата. Ну да уж наливайте...

Я открыл краник, нацедил стакан, напился и хотел уходить. А тут бабушка подошла с внучкой, бидончик протягивает продавщице:

— Молока два литра, пожалуйста!

— Откуда здесь молоко? — спрашиваю.

Девочка посмотрела на меня удивленно.

— От коров, — говорит.

— А коровы здесь откуда?

— На пароходах привезли. У нас даже свой совхоз есть...

Хотела она еще что-то сказать, а бабушка взяла ее за руку и повела за собой.

— Все-то ты знаешь. Все тебе всем рассказать нужно...

Вышел и я. По улице навстречу мне девушки в чукотских меховых шапках идут, в оленьих шубах расшитых. Одни сворачивают туда, где почта, другие — на площадку, к памятнику Ленину. Там матросы в майках в волейбол играют. Хотел и я поиграть, да глянул вниз на порт. Среди пароходов и наша «Игарка» виднеется. Подъемный кран уже отошел от нее. Значит, все погрузили.

Заторопился я... На пароходе встретил Филиппыча, протянул ему кулек с яблоками. Взял он одно, откусил, вздохнул от удовольствия и спрашивает:

— Ты где это взял?

— Белого медведя встретил, — говорю, — он меня угостил.

ЛЕДОКОЛ

Неожиданно радио в каюте откашлялось и объявило: «Всей палубной команде выйти на швартовку!».

Собрались мы на палубе. Кто тросы тянет, кто кранцы деревянные за борт выбрасывает. Это подкладки такие, чтобы корабли, когда сойдутся, друг другу борта не помяли. Ждем, когда ледокол «Микоян» приблизится.

С ледокола капитан уже в рупор что-то нам кричит. Наш капитан Владимир Петрович тоже рупором на солнце поблескивает.

— Не слышу, — отвечает.

Тот капитан поставил свой рупор, взял микрофон, и вдруг с ледокола загрохотало, да так, что, кажется, льдины заплясали в воде.

— Здравствуй, Владимир Петрович, буксир готовь, — говорю. — Буксир готовь!

А буксир — толстый, тяжелый, стальной канат — уже готов, лежит на носу. Один его конец тут, на «Игарке», останется, а за другой ледокол потянет нас сквозь лед.

«Микоян» подошел к нам кормой, встал вплотную, так что кранцы затрещали. А там знакомые толпятся, здороваются, кричат:

— Как там во Владивостоке?

Им все интересно. Три месяца люди не были дома. А боцман их встал на корме, машет рукавицей, торопит:

— Эй, на «Игарке», давайте!

Гайдаевский взял буксир за петлю, бросил ее на корму ледокола. Слышно было, как она о палубу шмякнулась. «Микоян» натянул буксир и повел нас на север. Льдины перед ним в разные стороны разбегаются. А «Игарка» идет следом, спокойно идет. За такой спиной никакая льдина не страшна!

А с палубы на палубу вопросы да ответы так и сыплются. Только недолго разговаривали. Вывел нас ледокол на чистую воду, распрощался с нами, а сам снова во льды. Такая уж у него работа!

ЗА РАБОТОЙ

Вот и Арктика. Светло вокруг, прозрачно. Голубоватые льдины у берега сверкают. С айсбергов падают капли. Воздух такой чистый, что кажется, неосторожно задень — зазвенит.

Вот мы и догнали весну.

Обогнула «Игарка» мыс Дежнева и стала на якоре возле чукотского селения Нутепельмен. Сняли мы с трюмов брезент, приготовили грузовые сетки.

Вдруг, слышу, за бортом застучало. Глянул: это к нам причалила лодка. Сделана она из моржовых шкур. А мотор на ней настоящий, даже дымок бензиновый виден. В лодке чукчи стоят в меховых одеждах, руками машут, наверх показывают. Мы спустили им штормтрап — веревочную лестницу с деревянными ступеньками. Забрались люди на борт. Ловко забрались, как настоящие моряки. Руки всем пожимают, улыбаются, пароход осматривают.

— Хороший у нас вельбот, — говорят, — на такой много моржей положить можно!

Повели гостей в столовую кино показывать. А нам нужно на берег.

Капитан приказал спустить на воду баржу. Нагрузили мы ее бревнами и между льдинами осторожно направились к поселку.

Только спрыгнули на берег — люди к нам бросились. Тоже руки пожимают, приглашают в яранги. А яранги — это дома такие, вроде больших шалашей из шкур.

Поднялись мы на бугорок. Прямо у яранг, в песке, лежат оленьи рога, моржовые клыки белеют, а на краях крыш рыба вялится. Качает ее ветром во все стороны. Зашли в ярангу — шкурами пахнет и темно. Собаки в углу ворочаются. Не понравилось мне...

А на пригорке, за маленьким тихим озерком, стоят новые дома. Я посчитал: семнадцать домиков, белые, чистые. Целая улица. Я подошел поближе, заглянул в окна, а в домиках еще и печек нет. К дверям подошел — нет ступенек.

Так вот куда мы бревна и кирпич везли! Значит, здесь нас ждут. За работу пора!

ПЕРВЫЙ ТРАКТОР

Скоро и вторая баржа, с трактором на борту, врезалась носом в прибрежную гальку. Вокруг собрался народ. Трубки покуривают, смотрят, головой качают. Никогда еще трактора не видели.

Только кто же его на берег выведет? В Нутепельмене трактористов еще нет.

Подошел тут Володя Гайдаевский к капитану.

— Давайте я выведу. Я же раньше, до армии, трактористом в колхозе работал.

Скинул он ватник, забрался на трактор, включил мотор. Мы тем временем взвалили бревна на плечи, поднесли к барже, уложили их на край, как мосток, под гусеницы. Гайдаевский рукой махнул — расходитесь! — и машина медленно поползла вниз.

Вот трактор на бревна въехал. Дерево захрустело, прогнулось, а баржа вздрогнула и кормой в воде повела. Вот-вот машина в воду рухнет!

Чукчи даже трубки из зубов вытащили. Так и забыли дым выдохнуть.

А Володя приподнялся на сиденье слегка, разглядел, куда приземлиться, нажал на педаль — и только бревна сзади трактора подпрыгнули!

У чукчей изо ртов разом голубые дымки выпорхнули.

Развернулся трактор, пошел по песку вправо, влево вперевалку. Пробежался, будто размяться захотел после долгого отдыха, бежит по берегу, а за ним на песке следы от гусениц тянутся.

Чукчи на них показывают, тоже головой покачивают:

— Молодец какой! Железный, а такой красивый узор вышивает!

Вдруг трактор остановился, заворчал недовольно: почти из-под него, лениво отряхивая песок, вылезли две громадные собаки, обошли трактор со всех сторон, обнюхали гусеницы и спокойно улеглись на прежнее место. Решили, наверное: раз медведем не пахнет — значит, и бояться нечего.

— Хай вам грець! — рассердился Гайдаевский, объехал собак и, заглушив мотор, спрыгнул на песок.

Все стали подходить к трактору, гладить по бокам, заглядывать в кабину. А председатель колхоза — высокий, усатый и тоже в оленьих шкурах — повел глазами, похлопал рукой по радиатору:

— Сильный. Очень хорошо моржей таскать будет!

(Окончание в следующем номере.)

Ю. НОВИКОВА

Рисунки Ю. Кискачи.

Ширма становится выше

СЕГОДНЯ ИГРАЮТ «ВНУЧАТА»

На какую дырочку устанавливать, Наташа?

— На пятую.

Этот непонятный разговор происходит в зале одного из киевских детдомов. Здесь идут оживленные приготовления: девочки и мальчики вынимают из чехлов и чемоданов какие-то таинственные предметы, ставят друг против друга четыре стула...

— Готовьте ширму!

Да разве это ширма? Это ж всего только четыре длинные, поблескивающие трубки из легкого металла — дюралюминия. Правда, они складные, из трубок выдвигаются палки с дырочками. Каждую трубку ребята привязывают вертикально, к спинке стула, и в дырочки вставляют поперечные перекладины. Смотрите, да ведь это действительно ширма, ширма для кукольного театра! Она может стать выше или ниже, в зависимости от того, в какую дырочку вставить поперечную перекладину. Сегодня ширма невысока, она установлена «на пятую дырочку»: ведь сегодня кукол водят не очень высокие люди — третьеклассники.

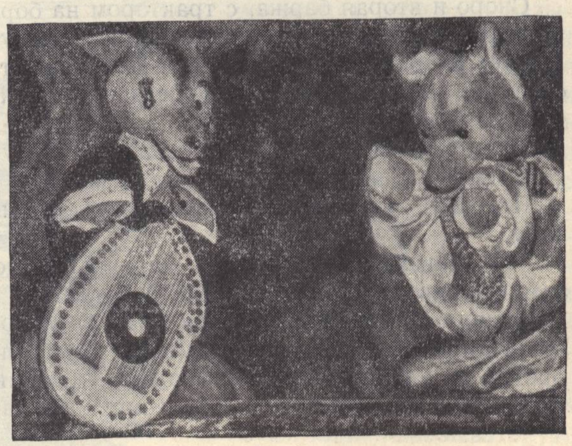
— Хорошо привязали? — озабоченно спрашивает своих помощников та, кого называли Наташей.— Не упадет? — И она проверяет прочность ширмы рукой.

Наташа держится строго, даже повелительно, и все же внимательному глазу заметно, что она волнуется. Время от времени она украдкой бросает молчаливые взгляды на кого-то, сидящего в зрительном зале...

«Так ли я все делаю, Нина Тимофеевна?» — без слов спрашивает Наташин взгляд.

Но Нина Тимофеевна молчит, она как будто даже не замечает ни Наташиного волнения, ни приготовлений к спектаклю.

— Что это вы сегодня как гостья, Нина Тимофеевна? — спрашивает у нее воспитательница детдома.— Разве сегодня не ваши ребята играют?

Волк и Лиса из оперы «Коза-дереза».

— А я и есть гостья. Сегодня я только зритель,— с улыбкой отвечает Нина Тимофеевна.— Сегодня играют «внучата».

— Какие внучата? Чьи?

— Наши... «Внучата» нашего кукольного театра, нашего «Дружного». Мы так называем ребятишек, с которыми занимаются наши старшие. Сегодня спектакль кукольного кружка 25-й школы. Этот кружок ведет Наташа Фесенко. Она и отвечает сегодня за все: за ширму, за ход спектакля, за всех актеров.

Да, сегодня Наташа отвечает за всех участников спектакля: и за ребят-исполнителей, и за тех маленьких молчаливых актеров, которые еще лежат в чемодане. Наконец их вытаскивают на свет, отряхивают, прихорашивают. Вот они, веселые герои сказки: серенькая Мышка-норушка, Лягушка, которая умеет широко разевать рот, хитрая Лисичка, задира Петух, сердитый Волк... Всех их тотчас же прячут за ширму.

А ширма тем временем преобразилась. Одетая голубым плюшем и шелком, она стала чудесным, чарующим жилищем сказки. Двое ребятишек, воспитанников детдома, пробравшиеся в зал раньше других, не отводят от голубого занавеса восторженных, любопытных глаз.

Внезапно сбоку показывается мышка, ее держит детская рука. Мышка тут же прячется.

— Что ты, Люда?! — шепчет с укоризной Наташа.— Зритель не должен видеть куклу до спектакля. Иначе он в нее не поверит. Забыла?

Нет, Люда не забыла этого правила. Просто она не ожидала, что в зал уже проникли зрители.

Приготовления закончены. Публика в беленьких рубашечках и пестрых платьицах, с капроновыми бантами в волосах, занимает места. Нина Донатовна — аккомпаниатор — села за пианино. Раздаются первые аккорды, занавес вздрагивает... Девочки и мальчики в зале нетерпеливо подаются вперед — сейчас они встретятся со сказкой... Наступает та долгожданная минута, когда сердца зрителей замирают от ожидания, а сердца актеров и художественного руководителя — от волнения и радостного страха.

А Нина Тимофеевна?.. Так ли уж она безучастна? Пусть она сегодня только гостья и зритель,— разве не волнуется она сейчас за свою Наташу? Подумать только: Наташа ведет спектакль! Давно ли она и все ее подружки и товарищи были вот такими же, как эти малыши, что смотрят, приоткрыв рот, на голубой занавес?.. Много ли времени прошло с тех пор?..

«Внучата» играют сказку «Колобок» в том самом детском саду № 68, где выступали их «деды».

СТРАНИЧКА ИСТОРИИ

А ведь, пожалуй, много: целое десятилетие. Тогда и Наташе, и Арику, и Толе Беланову, теперешнему директору театра, и озорной Алле Ковбе было всего по пяти лет.

И все они ходили в детский сад № 68.

Нина Тимофеевна Новожилова укладывала их на «мертвый час», рассказывала им сказки. Они повторяли за ней сказки и стихи, стараясь произносить слова громко и внятно, как учит тетя Нина. А она, следя за их играми, прислушивалась, как они разговаривают со своими куклами.

И вот у Нины Тимофеевны и у другого педагога — Евгения Аристарховича Ливанова — появилась мысль: а что, если ребята сами разыграют сказку?

— Да ведь они еще такие маленькие! Какие из них актеры?! — возражали другие воспитатели.

Но Нина Тимофеевна и Евгений Аристархович стояли на своем. Если ребенок играет с куклой, он сможет играть и куклой, конечно, самой простой...

— Уверяю вас, большинство ребят — прирожденные актеры,—говорил Евгений Аристархович.— Вот вы увидите...

И недоверчивые люди увидели. Сказка «Колобок» была восторженно принята «публикой». Правда, это была благодарная публика — родители и свои же ребята из детсада.

В альбоме «Дружного» театра сохранилась старая фотография: ребятишки с куклами стоят перед низенькой ширмой. У Наташи Рыбак в руке — незамысловатая кукла Бабка, у маленького Арика — Лисичка, у Аллы — круглый головастый Колобок... А Толя Беланов — видно, и тогда самый солидный — держит косматого медведя.

Как жаль, что рассказ не кино! В кино можно было бы показать, как оживает фотография и изменяются все, кто снят на ней: как вихрастая пятилетняя Наташа становится стройной девочкой-подростком, как Арик превращается в серьезного пятнадцатилетнего мальчика, как на носу Вовы появляются очки, а в голосе басовитые ноты... Растут ребята. А вместе с ними растет и ширма, остроумно сконструированная Евгением Аристарховичем. Поперечные перекладины поднимаются все выше и выше: на шестую, на седьмую дырочки...

Коллектив театра не распадается. Все вместе ребята переходят из детсада в школу, вслед за ними переходят в школу и их руководители. Любимое дело сдружило всех работников этого маленького театра. Все сложнее становятся постановки, все интереснее задачи, стоящие перед актерами. Теперь «Дружный» театр находится при Доме пионеров Октябрьского района. Все «старые» кадры сохранились. В этом году «дружные» будут праздновать свой десятилетний юбилей. Десять лет! Это серьезная цифра для ребячьего школьного театра!

МЫ БЕЗ ДЕЛА, КАК БЕЗ РУК

Тук-тук-тук!
Тук-тук-тук!
Мы без дела, как без рук! — поет, постукивая «молотом». Кузнец — Арик — в спектакле «Волк и семеро козлят».

Слова этой песенки можно отнести ко всем «дружным»: дела в театре хоть отбавляй!

«Тук-тук-тук!» — поет Кузнец — Арик Ливанов.

Во-первых кукла. Сделать ее не так-то просто. Прочитав новую пьесу, ребята задумываются над тем, как выглядят ее герои. Каждый рисует героя так, как он ему представляется, это эскиз. По эскизу лепят голову куклы из пластилина, обклеивают бумагой, снимают с болванки, раскрашивают. Получается много кукол, изображающих одно и то же действующее лицо; для спектакля выбирают самую удачную. Иногда на создание той или иной куклы в театре объявляется конкурс.

Мало сделать куклу, надо ее одеть. Это тоже не просто, особенно, если ставится сказка другого народа. Нужно познакомиться с обычаями этого народа, с его костюмами. Одевая кукол для своей последней постановки, венгерской сказки «Белая Роза», ребята узнали, какие в Венгрии народные костюмы.

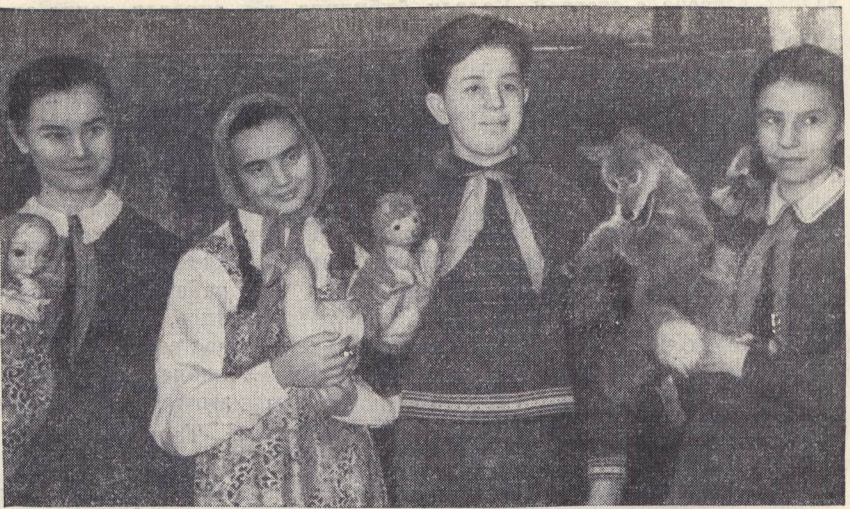
А декорации? Их тоже надо обдумать, нарисовать, иной раз выпилить из фанеры. Все должен уметь настоящий кукольник: рисовать, лепить, выпиливать, шить...

А петь? Этому искусству тоже надо выучиться.

Но разве можно научиться петь?..

«Дружные» считают, что можно. Музыкальный слух можно развить. Очень полезно для

этого играть хоть на каком-нибудь музыкальном инструменте. Из тридцати пяти актеров театра двадцать один учится музыке. Теперь в «Дружном» театре почти все поют. «Дружный» ставит небольшие детские оперы — «Пан Котский» (музыка Красева), «Коза-дереза» Лысенко... Оперы особенно нравятся зрителям.

«Старые кадры» театра с куклами — героями пьесы «Гусенок». Ежика держит директор театра — Толя Беланов. Слева от него Люба Деменкина и Наташа Рыбак, справа Алла Ковба.

Актер-кукольник должен танцевать. «Зачем? — спросите вы.— Ведь в кукольном театре актер за ширмой, танцует не он, а кукла». Но известно ли вам, что кукла хорошо танцует только у того, кто сам умеет двигаться легко, в такт?

Да и не всегда актер за ширмой,— в иных спектаклях он появляется перед зрителем «живым планом», как, например, Арик — Кузнец или Юра Тагиров. В одном из спектаклей Юра сначала водит куклу, а потом сам показывается публике в той же роли. Посмотрите на фотографию, помещенную на этой странице. Правда, они похожи — Юра и его кукла? Сделать куклу с лицом, похожим на живого актера, трудно. Зато сколько радости доставляет такое превращение маленьким зрителям!

Мы перечислили здесь только часть дел, которыми заняты «дружные». А репетиции? А занятия с «внучатами» в школах и детсадах? Все «старые кадры» руководят такими кружками. Любопытно, что Алла Ковба учит «кукольному искусству» ребятишек того самого детсада № 68, где зародился их «Дружный» театр.

Юра Тагиров со своей куклой... Правда, они похожи?..

Работы — непочатый край. Но и Костик Березовский, и Юра Тагиров, и Арик Ливанов, и Нина Матюк, и обе Наташи, и вообще все ребята знают, что ведь и настоящим актерам-кукольникам приходится много трудиться. Зато какое удовлетворение приносит каждый удачный спектакль!

А выезды!.. А летние походы!..

КРАСНЫЕ ПУТИ, СИНИЕ ПУТИ...

то пути на карте: красной и синей краской отмечают ребята дороги, которые прошли, проехали, проплыли «дружные».

Вот они, города, колхозы, зеленые украинские степи, Крымские горы... На вершине Ай-Петри выше облаков выложены камешками слова: «Пионерский кукольный театр из Киева».

Путешествие для кукольников — не просто удовольствие, это работа. Всюду ребята показывают спектакли, учатся, учат. В селе Морском до приезда киевлян не было ребячьего кукольного театра. «Дружные» показали здешним пионерам, как делать кукол, как водить их. А какой плодотворной для самих «дружных» ока-

залась встреча с сестрой Володи Дубинина в Керчи! Выяснилось, что она тоже кукольница. Посмотрев спектакли керченского кукольного театра, ребята почерпнули немало полезного для себя.

Где только не репетировали «дружные», где только не играли! Репетиция сказки «Волк и семеро козлят» шла в горной пещере, а спектакль — на теплоходе во время шторма... Актеры отвлекли внимание пассажиров от качки и спасли кое-кого от морской болезни.

Вспоминая об этом дне, ребята улыбаются: им приходит на ум случай с Ариком. Он прекрасно себя чувствовал во время шторма и вечером, в селе Приветном, где ребята повторяли представление. Все шло хорошо до выхода Арика на сцену. Когда же занавес раздвинулся и Арик — Кузнец—начал ковать «козий голос» для Волка, случилось непредвиденное. Кузнец побледнел, пошатнулся и скрылся за ширмой: сказались последствия морской качки.

Однако спектакль не был сорван: на помощь другу поспешил директор Толя Беланов. Мгновенно подвязав бороду, он встал на место Арика и спел его песенку...

Все произошло так быстро, что маленькие зрители даже не заметили недоразумения, или, как говорят профессиональные актеры, «накладки». Честь театра была спасена.

ИМЕНИ ОБРАЗЦОВА

Но самым памятным из всех путешествий стала для «дружных» поездка в Москву, а из всего замечательного, что они увидели в Москве, самой незабываемой кажется им встреча с Сергеем Владимировичем Образцовым и его кукольным театром.

Разве можно забыть впечатление от волшебно прекрасных спектаклей, когда кукла и вправду точно оживает в руках актера, заставляя смеяться и плакать даже взрослых!.. Уж они-то, юные кукловоды, лучше других знают, какого труда и искусства это требует!..

И как были счастливы ребята, когда актеры этого замечательного театра и сам Сергей Владимирович похвалили их скромную работу, как радовались, когда Образцов дал согласие, чтобы их пионерский театр назывался его именем!

Теперь в списке актеров «Дружного» театра на первом месте стоит фамилия «Образцов». Директор Толя, как драгоценную реликвию, бережет авторучку, подаренную ему Сергеем Владимировичем.

Ребята помнят все подробности этой встречи.

— Образцов, директор и главный режиссер Московского театра кукол,— шутливо представился Толе Сергей Владимирович.

— Толя Беланов, директор Пионерского театра кукол имени Образцова,— солидно отрекомендовался Толя.

«Имени Образцова» — эти слова вписаны в эмблему «Дружного» театра. Они обязывают к серьезной работе. И пусть даже не все «дружные» станут профессиональными актерами-кукольниками, пусть иные из них займутся потом совсем другим делом... Мы уверены, что в любое дело они внесут целеустремленность и радость труда, которым научились они в своем небольшом, но дружном театре.

ЛЕТО

Николай БЕРЕНДГОФ

Летним солнышком согреты,
У берез рябых
Спят в коричневых беретах
Белые грибы.

Дятел в красной тюбетейке
Долго смотрит вниз.
Тихо-тихо пролетают
Тени легких птиц...

ТИШЕ! КЛЮЕТ...

Фото Ю. Шаламова.

Г. САПГИР

ТИК И ТАК

Рисунки Е. Медведева.

У меня часы с пятак,
В них живут Тик и Так.
И шагают дружно так:
Тик-так, тик-так.
Попадают оба в такт:
Тик-так, тик-так.

Но однажды вышло так:
Тик чуть-чуть ускорил шаг,
Так окликнул друга:
— Тик,
Я спешить не привык,—
И чуть-чуть замедлил шаг.
— Так, ты сам идешь не так.
— Так!
— Нет, надо так идти!
Стали спорить Так и Тик.

Я взглянул на циферблат.
А часы мои стоят.

И сказал обоим я:
— Как не стыдно вам, друзья!
Помиритесь.
Из-за вас
Не узнать,
Который час.

ЖУРАВЛИНАЯ ЖУРНАЛИЯ

Не далее
Австралии
Есть птичий край — Журналия.

Там на озере на зорьке
Стаей плавают пятерки.

Словно аисты, четверки
Дремлют, стоя на пригорке.

Тройки там кричат, как сойки,
В камышах дерутся двойки.

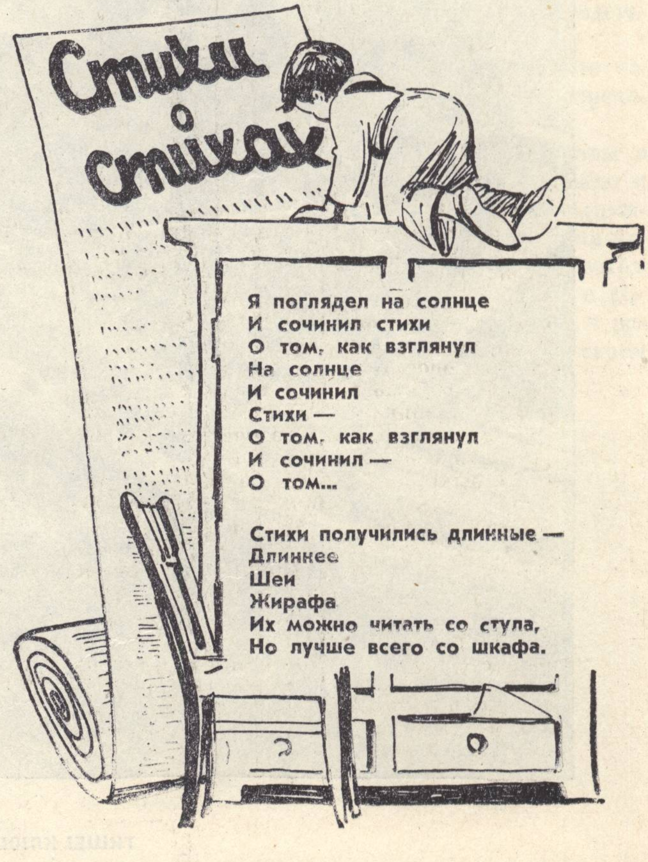
И стоит в осоке птица,
Злая цапля — единица.

Ты, охотник, там бывал.
Что за птицу
Ты поймал!

БРЮКИ

Брюки в зеркало глядятся
И самих себя стыдятся.
Были брюки новые,
Были брюки чистые,
Были полосатые,
А теперь пятнистые.
На коленках пузыри,
Дырки — раз, два, три...

Может, это зеркало
Так их исковеркало!

Стихи о стихах

Я поглядел на солнце
И сочинил стихи
О том, как взглянул
На солнце
И сочинил
Стихи —
О том, как взглянул
И сочинил —
О том...

Стихи получились длинные —
Длиннее
Шеи
Жирафа
Их можно читать со стула,
Но лучше всего со шкафа.

СЕМЬДЕСЯТ

РОБИНЗОНОВ

Е. РУБЦОВА

ГДЕ ШУМИТ ЧИРЧИК

Их было действительно семьдесят, и если зеленый кусочек земли, на котором все происходило, не был островом, то, во всяком случае, до них он был необитаемым. И он был почти окружен водой: с двух сторон — Чирчик и Угам, оба пенистые, быстрые и шумные, с третьей — идущий от Угама большой оросительный арык, и только с одной стороны не было водной границы — с той, где вровень с вершинами старых ореховых деревьев поднимался крутой и заросший кустарником береговой обрыв речной поймы.

Это место и было выбрано для лагеря. Тут надо сказать о двух очень счастливых для лагеря обстоятельствах. Во-первых, всем очень хотелось, чтобы лагерь существовал. Всем — это ребятам с Республиканской станции юных техников Узбекистана, директору станции Михаилу Григорьевичу Хабибулину, руководителям кружков и, наконец, родителям. Во всяком случае — большинству из них. Вторым счастливым обстоятельством можно считать то, что будущими жителями лагеря предстояло стать юным техникам. Уж кто-кто, а они-то в душе все были робинзонами и имели для этого вполне приличную подготовку.

Когда на станции стало известно, что в лагере надо будет все смастерить и построить самим, это никого из ребят не испугало, а понравилось каждому из них.

«Смастерить все самим» не касалось только палаток, одеял, подушек, матрасов, кухонных котлов, инструментов. Это пришлось взять с собой из Ташкента. Что же касается остального... Но лучше начнем сначала.

Началом был не корабль, потерпевший крушение, а грузовик. Он остановился на обочине дороги, как раз над береговой кручей. Из кузова вместе со старшими ступила на землю восьмерка юных техников: Сережа Чернов, Хатам Садыков, Саша Старинец, Мансур Насыров и другие — головной отряд строителей.

Пока сгружали вещи, пока стаскивали их вниз, подошел вечер. Разбивать палатки уже не было времени. Развели костер, поужинали картофелем, сваренным в мундире, и печенными в золе яйцами. На траве, нагретой за день солнцем, положили в несколько слоев брезентовые полотнища и матрасы и, укутавшись одеялами, уснули под открытым небом.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

С утра закипела работа. Распланировали территорию. Четыре маленькие палатки, предназначенные для походных лабораторий, решили поставить наверху, над откосом. Для шести больших палаток отвели место под сенью раскидистых ореховых деревьев. Даже в жаркие дни их ши-

рокая листва обещала тень и прохладу. И потом — защита от комаров и мошек. Все в Узбекистане знают, что воздух под орешиной, напоенный едким йодистым запахом листвы, отгоняет всяких комаров и москитов.

Разбить палатки... Это оказалось не так просто для тех, кто раньше не пробовал!

Для палаток расчистили площадки, окопали их канавками на случай дождливых дней, заготовили колья для крепления растяжек. Пришлось еще и несколько дырок на брезенте залатать и подштопать. Не успели оглянуться — уже и день на исходе. Зато десять белых пирамидок выстроились по своим местам. Все — и ребята и взрослые — с гордостью поглядывали на произведение своих рук. Как вдруг, словно испытывая сооружения, налетела буря. Ветер сорвал растяжки, захлопали палатки брезентовыми полотнищами, как испуганные птицы крыльями. Пришлось все заново крепить. Теперь укрепили колья так, словно это не до осени, а навсегда.

Когда стемнело, электрики включили свет. У них тоже шла стройка. Они поспели установить движок и сделать проводку. Электрификация!

На следующий день приехали все остальные.

Знаете, чего они втайне побаивались? Вдруг восьмерка «головных» все успела сделать, построить, смастерить! Вдруг на их долю ничего не останется...

СОТВОРЕНИЕ МИРА

На их долю осталось немало интересного. Маленький зеленый мир, треугольный кусок речной поймы, преображался по воле ребят, послушный умелым рукам. Правда, с ними были взрослые — умные, хорошие друзья и советчики. Но разве согласились бы ребята (да и вы на их месте!), чтобы взрослые за них выполняли все эти замечательные дела?

Трудно ходить в густых зеленых джунглях. Ноги путаются в травах, а младшим ребятам тут с головой, не видно, куда идешь. Траву резали и даже вырубали. И вот расчищена квадратная площадка для пионерской линейки, а от нее разбежались дорожки по всему лагерю: к будущей кухне, к будущей столовой, к будущей спортплощадке.

Место, намеченное для спортплощадки, лежало ближе к реке. Его не глушила трава, но оно все было покрыто камнями: и круглой мелкой галькой, и плоскими, как лепешки, большими голышами, которые обточил и набросал здесь когда-то Чирчик.

Камень за камнем уносили ребята с площадки. Уносили, но не выбрасывали. Все эти ровные кругляши тоже пошли на строительство: из них вымостили красивые ровные бордюры вдоль дорожек, сложили, как из мозаичного стекла, буквы «РСЮТ», сделали аккуратную отмостку у водоема-коллектора, о котором речь впереди...

Самим вмазывать кухонные котлы в самодельные очаги, самим складывать дымоходы — это ли не интересно! Самим строить «зеленую» столовую»...

Недалеко от уже готовой кухни стелились по земле старые сильные лозы винограда. Лозы подняли с земли на подпоры, сколотили под ними два стола, вкопали их в землю, зацементировали пол. Остальное продолжил виноград. Он обвил подпоры, перекинулся арками и гирляндами, образовав красивую, уютную беседку-столовую.

Кто не был в Узбекистане летом, тот не знает, что такое жара. Как же хранить запасы продуктов? Ребята построили «холодильник»: короб из металлической сетки, опущенный в арык. Ведь в нем быстрая и холодная вода Угама, рожденная в горах. Бежит она через холодильник, остужает продукты, а унести их не может: сетка не дает. Масло, опущенное на нижнюю, «подводную» полку этого холодильника, всегда оставалось твердым, а мясо в водонепроницаемой обертке хранилось на верхней, «сухой» полке. Близость воды и густая тень прибрежных кустов склонившихся над арыком, защищали его от жары.

ГИДРОСТРОЙ

В крутом склоне над лагерем бьют родники. От родника провели водопровод. По трубам родниковая вода бежала и в бассейн-коллектор, сложенный из кирпича и зацементированный, и во второй резервуар для мойки посуды, и в душ.

Но гордостью юных гидротехников был фонтан. Его устроили посреди центральной лагерной площадки. Провели трубу под землей, красиво выложили разноцветными камнями и барьер по краям водоема и горку в центре, где на два метра бьет вертикальная струя, а кроме нее, веселой сверкающей спиралью — две боковые струйки. Их выбрасывает непрерывно вращающаяся

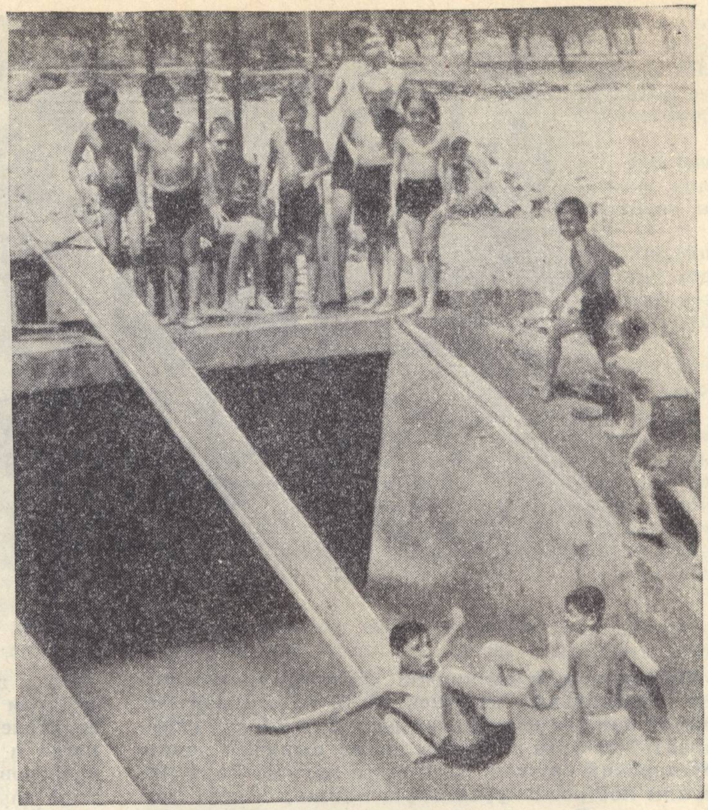

Гидрострой в действии: посудомойка.

двурогая трубка с изогнутыми концами. Это — сегнерово колесо. Каждый школьник «проходил» его на уроке физики. Сегнерово колесо — простейшая турбина. Ее вращает бьющая из нее же струя. Вращает той самой реактивной силой, которая уносит в небо космический корабль. Каким интересным и умным кажется это самое сегнерово колесо, когда оно служит тебе, слушается тебя, выполняет заданную тобой работу!

А в бассейне фонтана в прозрачной воде плавают живые рыбки: бычки и маринки, пущенные сюда ребятами.

Впрочем, большой фонтан — это еще не весь Гидрострой. Были у ребят и другие ценные сооружения. Малый фонтанчик для питья, со струйкой, бьющей из подставки от настольной лампы, приспособления для поливки территории.

Веселый аттракцион «водяная горка». Доску, конечно, пришлось отстругать да еще и намылить!

ИЗОБРЕТЕНИЯ ВЗАПУСКИ

Вероятно, потому, что это было интересно, а может, и потому, что жизнь сама подсказывала обитателям лагеря все новые и новые идеи, стройка все продолжалась и продолжалась.

Казалось бы, вся «мебель» сделана: дощатые обеденные столы накрыты клеенкой, и вдоль них выстроились скамьи. Юным столярам на этом бы и успокоиться. Да нет, кто-то из них заметил высокий пенек в тени алчи. И сразу представилось, какая это хорошая «природная» ножка для стола. И сразу за работу. И вот уже стоит в тихом уголке под алчой аккуратный стол. Он очень хорош, чтобы спокойненько сделать запись в дневнике, или набросать эскиз или схему только что блеснувшей в уме конструкции, или просто почитать книгу, или написать письмо маме.

Усовершенствования рождались одно за другим. Перед экраном, сделанным из простыни еще в начале лагерной жизни, в один прекрасный день выросли ряды скамеек, и получился свой кинотеатр.

Но одним из самых великолепных сооружений был все-таки лифт, или канатная дорога (можно назвать и так). Мысль о лифте родилась в тот знойный день, когда грузовик привез из Ташкента продукты и остановился наверху, пофыркивая где-то над головой у ребят, выше кроны орехового дерева. Скучное дело — таскать вниз по круче муку, крупу, мясо! Хоть и прорублены уже ступени (пятьдесят девять ступеней!), а все же хочется придумать что-нибудь более совершенное. А если лифт? Его можно сделать просто: подвесная люлька, скользящая вниз по канату и подтягиваемая на блоке. Так и сделали. Эту люльку, груженную продуктами, могли спускать и поднимать не только большие ребята, но и самые юные из юных техников. По правде говоря, они с удовольствием употребляли дорогу не только для дела, но и для игры. Они катались на своем воздушном лифте.

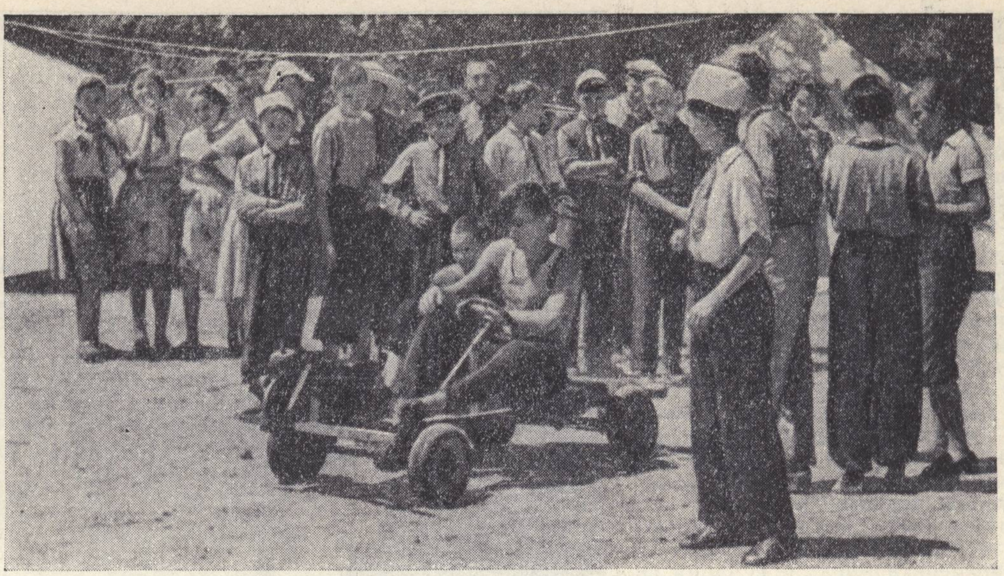
МАСТЕРСКАЯ ПОД ОРЕШИНОЙ

Все же наконец строительных дел у робинзонов поубавилось. Но не убавилось у них изобретательности и энергии. Веселых затей по-прежнему было хоть отбавляй. Под густыми ветвями орешины так хорошо работалось!

Это здесь, под орешиной, возникла судоверфь и была построена байдарка, выдержавшая испытания не только на сравнительно тихой воде канала, но и на неистовом Угаме. Правда, она перевернулась однажды, когда в ней был Толя Кличников, бывший юный техник, а теперь руководитель фотолаборатории. Но тут виновата не байдарка и не строители, а... кинооператоры и режиссеры студии «Юнфильм» (так назвали ребята свою кинолабораторию). Попросту им понадобилось это «кораблекрушение» для кинофильма «Горы зовут», который рассказывает о лагере робинзонов.

Под орешиной было создано и чудо воздухоплавательной техники: большой — в рост человека — коробчатый змей.

Пришлось-таки ребятам пошевелить мозгами при постройке этого змея! На чем запускать его? Нужен длинный, очень длинный трос для такого исполина! А где его взять, если в хозяйственных магазинах шнур продается лишь мотками по двадцать метров? Связывать? Но тогда не выйдет посылка «почтальона» к реющему в облаках змею. Ведь «почтальон» — скользящий по тросу змеек — застрянет на первом же узле!

«ЮТУ-2» на старте.

Выход нашли отличный: скрутить вместе нити с нескольких катушек. Ведь на каждой катушке как раз двухсотметровая нить. А как скручивать? В этом авиамоделистов выручил конструкторский кружок. Член этого кружка Валя Лопухин построил крутильную машину своего изобретения. Она заряжалась шестью катушками. Катушки вращались одновременно и с одинаковой скоростью, а чтобы скручивание было равномерным, скорость их вращения была согласована со скоростью наматывающего готовый трос барабана.

Великолепный получился трос! Когда могучий змей поднялся ввысь, пришлось держать его сообща. Один человек не мог управиться: тащило по земле.

На следующий день после запуска пришли гости — незнакомые пионеры из другого лагеря.

— Знаете, как мы догадались, что тут должен быть какой-то лагерь? Увидели ваш змей! Направление и расстояние определили приближенно тоже по змею. И вот нашли. С утра отправились и нашли.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ГОНКА

Марка автомобиля — «ЮТУ-2». Расшифровать не так уж трудно. «ЮТУ» — это «Юный техник Узбекистана». Ну, а цифра «2» значит — «вторая модель» и говорит о конструкторских исканиях юных автомобилестроителей.

Ребята еще зимой, на станции, построили свой микролитражный автомобиль «ЮТУ-2» на базе мотоциклетного мотора. Могло ли случиться, чтобы они не взяли сюда, в страну робинзонов, своего любимца? Как только улеглась первая строительная горячка, в зеленом уголке, под орешиной, началась та дружная и кропотливая возня вокруг «ЮТУ-2», то доведение до блеска, которое свойственно каждому, кто создает вещь своими руками, особенно если это не что-нибудь, а машина.

Но у всякой работы есть конечная цель. Всем ребятам очень хотелось поскорей превратиться в водителей своего автомобиля. И они учились. А когда в лагере стало достаточно много умелых шоферов, устроили автогонку. Она была не совсем обычной. Ведь гонщиков-то было много, а «ЮТУ-2» был один. Но это не смутило гонщиков. Они по очереди садились за руль, по очереди брали старт, по очереди проходили дистанцию и финишировали. Судьи засекали время и определяли победителей по времени. Кто был первый, кто был второй и кто десятый, выяснилось так же хорошо, как если бы все сразу мчались на многих автомобилях. Больше того: пройдя дистанцию, каждый гонщик становился болельщиком, что совершенно недоступно участникам обыкновенных гонок.

КОГДА СВЕТ ПОГАС

Вышла из строя ГЭС. Нет, речь не о маленьком хлопотливом движке, который деловито пыхтел и заставлял генератор давать необходимое количество ватт десятку электролампочек в лагере робинзонов. Вышла из строя «взрослая» ГЭС совхоза Ходжикент. Вдруг обмелел канал, по которому вода Угама идет к гидротурбине станции. Вместе с Георгием Георгиевичем Коптеловым, руководителем конструкторского кружка, ребята поспешили к реке, надеясь именно там найти причину беды. Они не ошиблись, виноват был Угам. Раздувшись после дождей, он, как все горные реки, удесятерил свои силы и наворочал целую гряду камней у самого входа в канал. А когда вода убыла, запертый канал обмелел и застыла без воды турбина.

Ребята решили призвать к порядку строптивый Угам. Они разобрали каменный завал. Мало того, они углубили здесь дно, чтобы вода свободно входила в канал. Мало того, они устроили каменную гряду на Угаме, нечто вроде косы, загоняющей воду в канал. Чтобы оценить остроумие

этой конструкции, надо вспомнить, как велика сила течения горной реки. Вода Угама, встречая препятствие, вздувается крутым валом, образует местное повышение уровня и отбрасывается в канал.

Аварийные работы закончились быстро. Могло ли быть иначе, когда столько проворных и умелых рук взялось за дело? Снова завела свою песню турбина «взрослой» ГЭС, а вечером как-то по-новому, как-то особенно приветливо сверкали за рекой огоньки в домах Ходжикента. Директор совхоза объявил юным техникам благодарность.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

На этом можно бы и кончить историю юных робинзонов, если бы она действительно кончилась вместе с прошлогодним летом. Но этого не случилось. В нынешнем году лагерь под орешинами снова зазвенел голосами, застучал молотками, зафыркал моторчиками и завертел водяными турбинами пионерских электростанций. Все повторилось, только в улучшенном виде. Теперь планы еще шире, мечты еще смелее, а их воплощение еще лучше, чем в прошлом году.

И водопровод, и кухня, и столовая, и душ. Но у реактивной турбинки фонтана теперь куда более сложные и занятные дела. Она не только кружится в своем непрестанном вальсе, разбрасывая водяную спираль. Она генерирует электричество и питает разноцветные лампочки, освещающие водяные брызги. Она же приводит в действие валик и молоточки музыкальной машинки, тихо вызванивающей: «Взвейтесь кострами...»

Теперь у робинзонов три электростанции.

Гирляндная бесплотинная ГЭС, очень подходящая для быстрых рек. В такой ГЭС колеса турбин, полупогруженных в поток и цепочкой протянутых от берега к берегу, приводятся в действие текущей водой. Это у лагеря «Большая ГЭС» для работы в часы пик, когда горят все лампочки и после ужина стрекочет кинопередвижка. А после отбоя включается «Малая ГЭС», на одной турбине. Третья электростанция запрягла ветер, и крылья трехлопастного винта приводят в действие генератор мотоцикла, который от своих сорока пяти ватт и зажигает и вращает прожектор, сделанный из мотоциклетной фары.

Вы спросите: зачем так много разных электростанций? Ответ простой: юным техникам нравится их строить, это ведь самое интересное во всем деле — построить все три!

У ребят свой кордодром для запуска авиамоделей. И специальный бассейн для испытания всех атомных ледоколов, яхт и катамаранов, которые строят юные кораблестроители республиканской станции.

Флаг поднимается не на мачту, а на проволочный фал, протянутый над лагерем снизу вверх по диагонали — с одного из углов площадки к высокой точке откоса. Там он реет в воздухе на невидимой проволоке, словно совсем без опоры. Это было и прошлым летом. Но теперь каждое утро, когда все ребята выстраиваются на линейку, приходит в действие реактивный двигатель ракеты-носителя, и ракета, проворно взбираясь по проволоке, поднимает над лагерем красный флаг.

Гостеприимный робот встречает пап и мам в родительский день. Это копия известного всем Бип-бипа. Вы видели его не раз на страницах журнала «Техника — молодежи». У Бип-бипа круглая голова, гайка-нос, большие очки и вихрами торчащие антенны. Он стоит на повороте, где гостям легче всего сбиться с пути, четким движением руки и головы показывая нужное направление.

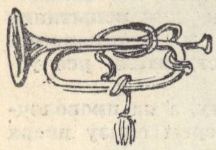
Кажется, нет конца и нет числа остроумным изобретениям и конструкциям жителей этой чудесной страны робинзонов. Но чудеснее всего та волшебная палочка, с помощью которой они создали свою веселую страну. Это самая могущественная из всех волшебных палочек — любовь к труду, выдумка, знания и умелые руки. Руки юных техников.

Юные техники верны себе: в походе они снимают фильмы о походе.

Как научиться

И. ЧЕРТОК

Сколько ребят с завистью смотрят на горниста! Кажется, совсем простой инструмент у него в руках, да и парень он вроде обыкновенный, а вот подаст сигнал — и все его слушают, и все слушаются.

Когда горнист выходит с горном, ребята окружают его и умоляют: «Ну, дай попробовать... Что тебе, жалко, что ли?». Иногда горнист, если у него хорошее настроение, смилостивится, даст «подудеть». Приложишься к горну, надуешь щеки что есть сил, думаешь: сейчас получится красивая и плавная мелодия, которая легко удается горнисту. Но увы! Только жалкие звуки — как будто квакает хриплая, простуженная лягушка — удается тебе извлечь...

Как же научиться горнить?

1. ПЯТЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЙ

Играть на горне может научиться не каждый. Будущий горнист должен отвечать пяти следующим условиям.

1. У него должен быть музыкальный слух. Есть он у тебя? Спроси у товарищей, правильно ли ты поешь песни, не фальшивишь ли, не врешь ли.

2. Он должен иметь музыкальную память. Иначе ему никогда не запомнить выученные сигналы.

3. У горниста должны быть правильно расположены зубы. Бывает, что зубы растут неровно, выступают вперед. Само по себе это не так уж страшно, но для горниста плохо.

4. Горнисту надо иметь хорошее здоровье.

5. Наконец, горнисту надо дождаться, пока ему исполнится одиннадцать лет. До тех пор за горн браться не следует: это вредно для здоровья.

Неправильно считать, что играть на горне могут только мальчики. Девочки тоже могут быть замечательными горнистками.

2. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ПИОНЕРСКОМ ГОРНЕ

Горн — это медный духовой инструмент. Он состоит из изогнутой трубы, которая заканчивается раструбом в виде воронки. С другой стороны вставляется мундштук. Мундштук всегда находится при горне.

Слово «горн» — образовалось из немецкого «horn» — рог. Раньше рог-горн употребляли на охоте. Его делали из рога дикого барана. Играя на горне, главный охотник сообщал об окончании охоты, о сборе всех охотников.

Со временем эти рога-горны стали делать из металла — меди или серебра.

Медные горны стали употреблять в военных походах. Разными сигналами возвещали о начале боя или отбое, о сборе командиров.

И сейчас в воинских частях, в пехоте и кавалерии имеются специальные музыканты — сигналисты, которые подают сигналы по распорядку дня.

3. ГДЕ И КАК ХРАНИТЬ ГОРН

В лагере горн должен находиться при горнисте. Он должен быть готов подать сигнал в любую минуту.

После занятий в горне скапливается немного слюны. Ее надо вытряхнуть и протереть горн сухой тряпочкой.

К торжественному сбору горн сверху чистят специальным зеленым камнем, так называемым кроксом, или же особой краской (окисью хрома).

Кирпичом, песком и наждачной бумагой горн чистить нельзя. Запомни это хорошенько!

Внутри горн промывают чистой теплой водой.

4. СТОЙКА ГОРНИСТА

Играть на горне надо стоя. Корпус держи прямо, грудь расправь, а голову немного подними кверху.

Горн держи правой рукой посредине, плотно обхватив его всей кистью.

Локоть правой руки приподнят, чтобы он не давил на грудную клетку. Левая рука спущена или упирается в бедро. Правая нога немножко выдвинута вперед. Во время игры стой спокойно, не раскачивайся.

играть на горне?

5. КАК ПОЛУЧАЕТСЯ ЗВУК

Чтобы издать звук на горне, плотно сомкни губы и приставь мундштук так, чтобы верхняя губа скрылась под ним немного больше, чем нижняя. Губы плотно прилегают к зубам. Затем прижми язык к внутренней стороне губ—получится что-то вроде клапана. Теперь подай воздух, а затем быстро убери язык (как будто сплевываешь шелуху от семечек) и произнеси слог «ту».

Если ты все это сделал правильно, то горн у тебя издаст звук. Если же звук не появится, значит, что-то сделано неправильно, и, следовательно, надо начинать сначала, пробовать, тренироваться, работать.

Кто научился извлекать звуки, пусть не торопится идти дальше. Извлекайте звуки спокойно, без напряжения и обязательно толчком языка или, как говорят, «атакой языка».

Если это получается, учись брать звуки высокие и низкие.

Для того, чтобы извлекать низкие звуки, губные мышцы, которые находятся по краям рта, надо держать расслабленными. Если же губы немного прижать к зубам (натянуть), то получатся звуки более высокие. А если сильно натянуть — получатся высокие звуки. При этом щеки надувать нельзя.

Сила звука получается от сильного толчка языком. Надо научиться работать языком, как клапаном, это одна из главных особенностей игры на горне.

6. КАК РАЗУЧИВАТЬ СИГНАЛЫ

В тех школах, где есть специальные педагоги-духовики, ребятам хорошо. Специалисты помогут быстро разобраться во всех деталях игры на горне.

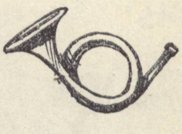
А вот там, где таких специалистов нет, мы рекомендуем обратиться к преподавателям пения или какому-нибудь музыканту, играющему на любом инструменте: на пианино, на баяне, аккордеоне. Пусть вам сыграют по нотам мелодию нужного сигнала. Прослушайте ее много раз и постарайтесь точно запомнить — вот тут вам и понадобится музыкальная память.

Запомнить мелодию вам помогут слова к сигналу.

Ноты и слова мелодий опубликованы в шестом номере журнала «Пионер».

Если вы не имеете никакого представления о нотах, вам, конечно, трудно разобраться в сигналах,— придется играть на слух. Но если вы хоть немного понимаете, как записывают музыку, тогда попытайтесь разобраться в таком, например, сигнале: «Бери ложку, бери хлеб...»

7. СИГНАЛ «НА ОБЕД»

Итак: «Бери ложку, бери хлеб, и бегите на обед».

Сигнал «На обед» начинается с ноты «соль». Эту ноту надо проиграть два раза. Затем, прижав мышцы губ, проиграйте два раза ноту «до» (второй октавы), затем вновь, распустив губные мышцы, опять два раза возьмите ноту «соль» и, распустив до отказа мышцы, возьмите ноту «до» (первой октавы). Эта последняя нота «до» в два раза длиннее, чем предыдущие. Те ноты были восьмушки, а это четверть.

Теперь обратите внимание: вся вторая половина сигнала повторяется, только последняя нота гораздо выше — это «до» (второй октавы), и протянуть ее надо в два раза дольше, чем последнюю ноту первой части, то была четверть, а это — две четверти, то есть половина целой ноты.

8. ЕСЛИ ВЫХОДИТ...

Если вы тем или иным способом немного научились играть на горне и вам это дело нравится, то осенью, когда начнется учебный год, пойдите в Дом пионеров и запишитесь в кружок горнистов. Тогда вы в скором времени станете настоящими пионерскими сигналистами.

Если же у вас ничего не получается, не отчаивайтесь, все равно обратитесь к специалисту. Быть может, у вас просто нет слуха, музыкальной памяти, и тут уж ничего не поделаешь. Но может случиться, что вы по описанию не все поняли правильно и только поэтому вам не удалось самостоятельно научиться играть.

ЛЕСНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

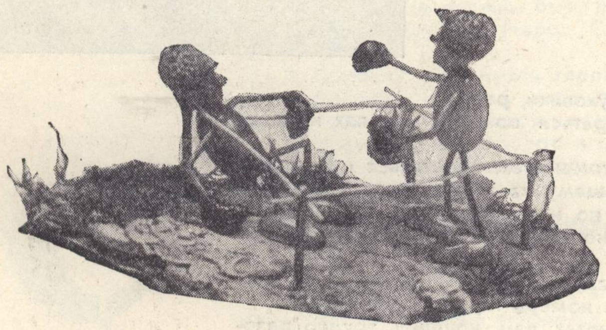
Эти миниатюрные скульптуры сделала художница Нелли Петровна Окропиридзе. Посмотрите, как интересно использовала она природный материал: желуди, каштаны, веточки сосны, ковыль.

Все фигурки в сценах «Нокаут», «Упрямый ослик», «Экзотический танец» сделаны из желудей. Перчатки боксеров — черные бобы. А какая интересная пальма! Она из веточки сосны и ковыля. А вот муравей, который несет тяжелый груз. Тело муравья состоит из двух каштанов, соединенных тонким желудем. Ступни ног тоже из долек желудя. Видно, как ему тяжело нести груз — большой дикий каштан.

Многие из вас приносят из леса ветки ивы, почки которых так удивительно похожи на маленьких мышат, причудливые по форме корни, желуди, шишки. Дома, помогая маме перебирать фасоль, раскалывая орехи, вы находите немало забавного.

Из этого простого материала вы можете сами сделать выразительные фигурки. Сложный инструмент вам не потребуется: шило, ножницы, нож, клей — вот все, что нужно для работы. А работа очень увлекательная. Она разовьет вашу внимательность, фантазию, близко познакомит с природой.

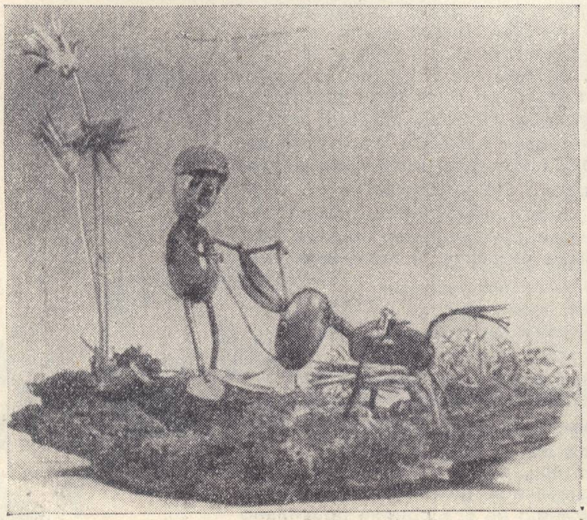
М. Морозова

Нокаут...

Экзотический танец.

Упрямый ослик.

Тяжелый груз.

Здравствуй, СЕНТЯБРЬ!

Ты, верно, удивишься: какой сентябрь, когда сейчас июль?!

Да, июль.

Только мы приветствуем не месяц, а журнал.

«Сентябрь» — это журнал, который открылся совсем недавно. Его выпускает литературный кружок в Доме пионеров Сталинского района Москвы.

Если хочешь знать адрес редакции, то вот он: Москва, Спартаковская площадь, дом 9/1-а, комната 8.

Пока вышел только первый номер «Сентября», и давай его сейчас перелистаем.

Рассказы, рисунки, стихи, очерки, фотографии, пионерская летопись района, хроника «Разное. Разное. Разное», отдел «Шахматы», «Доска объявлений» — в этом журнале есть что посмотреть и почитать!

Правда, он еще совсем молодой, начинающий и потому ищет сотрудников. Как написано на «Доске объявлений»:

«Журналу «Сентябрь» на постоянную работу требуются поэты, прозаики, фотографы, критики, спортивные обозреватели, корреспонденты».

Они, конечно, в районе найдутся.

Но особенно — днем с огнем — разыскивает журнал тех, кто умеет сочинять стихи. Заведующий литературным отделом «Сентября» Алеша Чивилихин, пишущий сам прозу, дает объявление:

«Меняю 2 повести, 9 рассказов, 48 этюдов на одно хорошее стихотворение, желательно в Сталинском районе».

Это — для будущего номера, а пока журнал печатает хорошие стихи Аллы Гениковой и других ребят.

Интересно в «Сентябре» рассматривать и фотографии Саши Антоновича. Саша сопроводил их своими записями из «Блокнота фотожурналиста»:

«Я вошел в театральную студию. Была суматоха, как перед отъездом на дачу. Складывали чемоданы, и, разумеется, чего-нибудь не хватало...

— Где штаны Паганеля?

— Где глобус?

— Где кукуруза?

Потом оказалось, что глобус и кукуруза уже уложены, а штаны Паганеля на самом Паганеле».

И уже видишь, как суматошливо весело собиралась театральная студия Дома пионеров на выездной спектакль!

А в отделе «Что такое хорошо и что такое плохо?» — серьезный разговор. Редактор «Сентября» Алла Жилкина рассказывает два случая.

Юра Белкин пробрался в школу раньше всех и тайно, чтобы никто не увидел, рассыпал по классу нюхательный табак. Самое забавное, что больше всех от дрянной проделки пострадал... Юра Белкин. У него так разболелись глаза, что было уже не до смеха. Когда его спросили: «А что же ты думал?»,— он ответил: «А я и не думал».

«А я и не думала»,— отвечала Галя, ученица той же школы, когда ее спрашивали, как это она, с больным сердцем, решилась во время аварии с водопроводом спасать классы от затопления.

Ответ, как видите, один — поступки разные. Заключает Аллину статью *«Вывод редакции: Галя — это х о р о ш о, Юра — это п л о х о».*

Вывод, конечно, простой, но разговор о том, что такое в жизни хорошо и что такое плохо, дельный.

Должно быть, вот так, начистоту, будет всегда говорить с читателями «Сентябрь».

И потому «Пионер» желает своему новорожденному братишке — журналу «Сентябрь» расти и крепнуть день ото дня.

Вл. Глоцер

Из журнала «Сентябрь»

МЕСЯЦЫ

Из стихотворения «Двенадцать месяцев»

**В Мае мы идем с тобой
На парад большой-большой.
Там колышутся знамена,
Все они из кумача.
Красный цвет сплотил колонны
Под знамена Ильича.**

**В Июле самая жара!
Трава у речки смята,
И загорает детвора
На солнце, как маслята.**

**А в Ноябре опять зажег
Цветы салюта вечер,
И я свой маленький флажок
Несу огням навстречу!**

Алла Геникова, 9 лет.

ЛОСЬ

Рассказ

Два огромных лося стоят у изгороди и посматривают на всех большими коричневыми глазами. Один из них подошел к корыту и начал лизать что-то искристо-белое.

— Он лижет соль,— сказала мама.

— А на нем можно ездить верхом?

— Да, можно. Лось быстро бегает, лучше лошади, и легко приручается... Идем сядем, я тебе расскажу про лося.

Когда мне было двадцать лет, я работала в геологической партии. Как-то мы остановились в одной лесной деревне.

Я вышла погулять и вдруг услышала ребячьи голоса. Подошла. Оказалось, что ребята поймали лосенка и теперь вели его в деревню. Он упирался, один мальчик ударил его сосновой веткой. Лосенок испугался и стал вырываться из рук ребят. Я спросила, зачем они мучают лосенка, зачем он им нужен. Они смутились и ответили: «Да-а-а... Просто так...» Я им говорю: «Отдайте мне лосенка, я его приручу и буду ездить на нем по лесу, лошадей у нас мало. А когда я его приручу, то и вам дам покататься...» Ребята согласились. Я дала лосенку ломоть хлеба, он его съел. Я его погладила, обняла за шею и повела с собой. Лосенок уже не упирался.

Через три дня мы покинули деревню. Лосенок не отходил от меня, он очень ко мне привык, и мы назвали его Колькой...

— А почему Колькой? — спросил я.

— Так уж получилось. Совсем случайно. Один из наших геологов крикнул своему товарищу: «Колька, давай скорей!»,— и лосенок удивленно повернул голову. Посмеялись, но так и пошло: «Колька! Колька!» А он откликался.

Через несколько месяцев лосенок превратился в красивого, стройного лося. Я теперь уже ездила на нем и очень его любила...

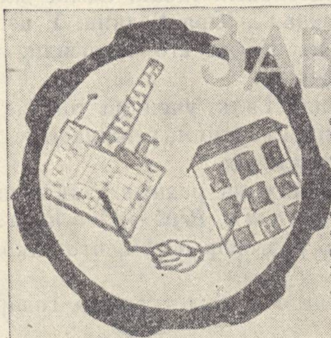
А потом началась война. Мы покинули леса, добрались до города, отдали лошадей Красной Армии, а лося отпустили на волю. Но Колька никак не хотел отойти от меня и все время ходил рядом. Тогда я дала повод одному мальчику и попросила увести Кольку в лес. Когда они уходили, я грустно смотрела им вслед, а Колька то и дело оборачивался. Вот и все.

— Как все? И больше ты не видела Кольку?

— Нет... После войны я нашла того самого мальчика. «Нету вашего лося,— сказал он.— Немцы его убили. Я сам видел. Ехали они на машине, а он к ним выбежал. Они его и убили». Мне было так больно, словно я потеряла близкого друга, и я расплакалась.

Мама закончила свой рассказ. И я теперь совсем по-другому смотрел на лосей: ведь они были сородичами Кольки, которого убили фашисты и которого так любила моя мама.

Алексей Чивилихин, 13 лет.

ЗАВОД И ШКОЛА

Перед нами книга, строго оформленная, в твердой обложке с золотым тиснением. Надпись гласит: "Наш шеф Механический завод имени Ярославского. Средняя школа № 342 Бауманского района. г.Москва".

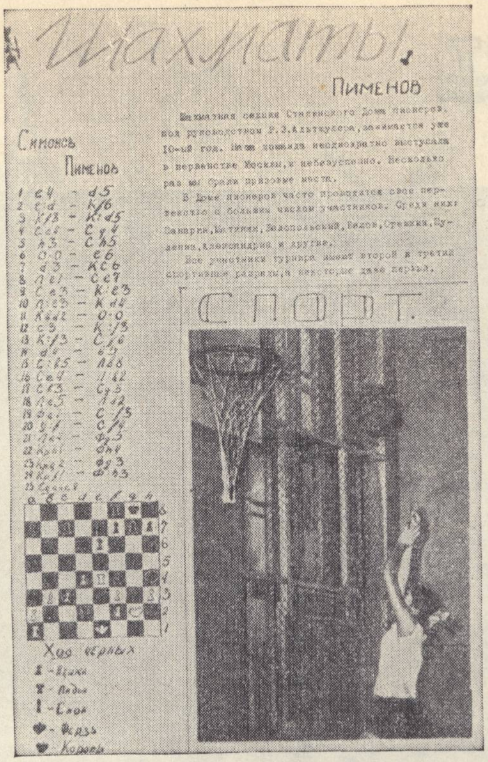
Это первый том очерков, посвященных Заводу имени Ярославского. Авторы - учащиеся десятых классов 342-ой школы. Из года в год передается эта своеобразная эстафета. Покидает школу одна группа авторов и на смену ей приходит другая, продолжая кропотливые поиски, знакомясь с людьми, отражая в литературно-документальной форме прошлое завода и его настоящее.

Так начинание огромной общественной важности становится школьной традицией, так живет, осуществляется нашим поколением неумирающая мечта Максима Горького - благородное, ответственное дело создания историй заводов и фабрик.

«Сентябрь» начал печатать очерки ребят о жизни рабочих, об истории заводов и фабрик, где школьники проходят практику. Хорошее это дело!

ИЗ ЖУРНАЛА „СЕНТЯБРЬ“

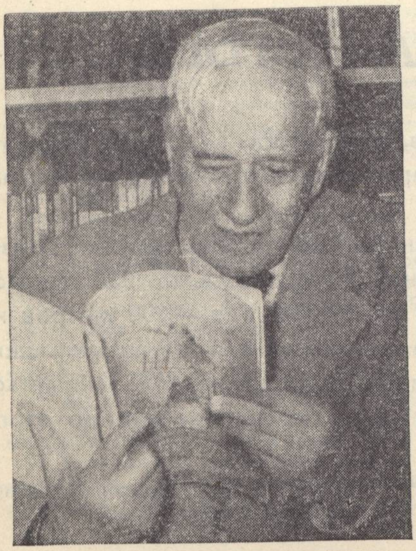

Страницы «Сентября». Слева — фотоочерк Саши Антоновича, справа — спортивная страничка.

ХОЛОДИЛЬНИК

Хорошо
на свете
жить —
с холо-
дильником
дружить,
Не боимся
за компот:
все холодное,
как лед.
Ничего там
не завянет,
ничего
не пропадет!

Алла Геникова.

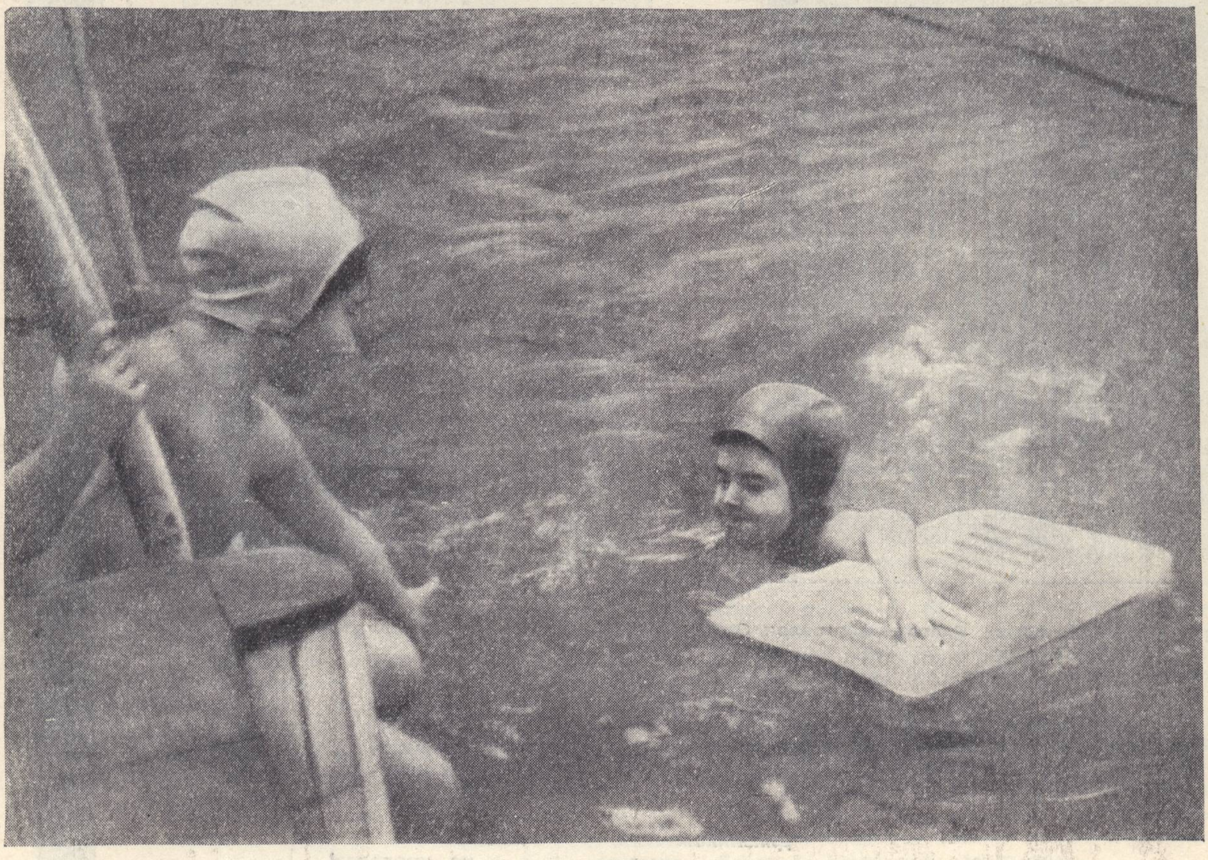

ГОРЯЧО ПРИВЕТСТВОВАЛ «СЕНТЯБРЬ» КОРНЕЙ ИВАНОВИЧ ЧУКОВСКИЙ И СДЕЛАЛ В ЖУРНАЛЕ ТАКУЮ ЗАПИСЬ:

«Я познакомился с Вашим чудесным журналом и с радостью убедился, что у меня, старого писателя, есть надежная смена. Да здравствует Бауманский Дом пионеров! Да здравствует талантливый «Сентябрь»!

Корней Чуковский»

А какой журнал выпускают у тебя в школе, в Доме пионеров, в библиотеке? Напиши нам про него, а еще лучше — пришли. Мы его посмотрим и в сохранности вернем.

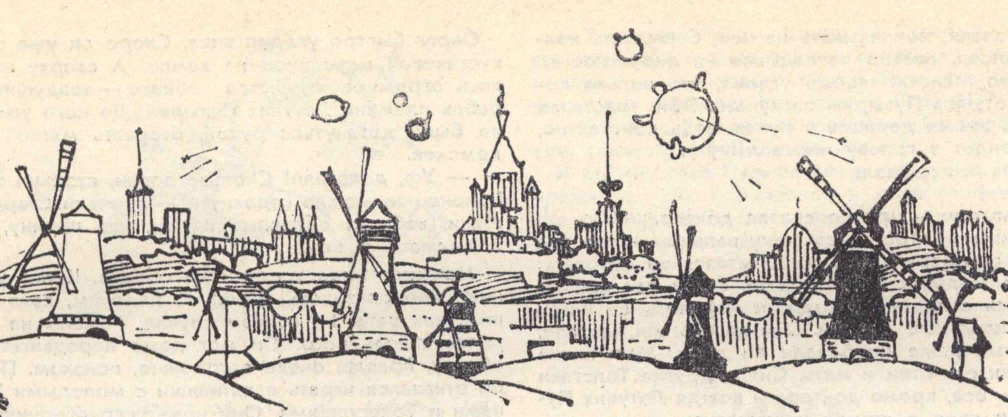
ИМЕНИННЫЙ ЗАПЛЫВ

Эти две девочки — Рая Чернявская и Аня Трелисер — живут в Киеве и занимаются плаванием в детской спортивной школе № 1.

Аня старше Раи на целых три года, а день рождения у них один и тот же. Узнав об этом, тренер Ефим Аронович, у которого они учатся, и все ребята спортшколы решили отметить их день рождения на спортивный лад. После поздравлений и вручения подарков девочкам устроили праздничный почетный заплыв, чтобы они могли показать свое мастерство, показать, чему успели научиться.

«Именинницы» не ударили лицом в грязь! Восьмилетняя Аня проплыла 500 метров кролем, а пятилетняя Рая — 100 метров на доске. Это совсем не плохо для малышки-дошкольницы, которая начала заниматься плаванием всего за два месяца до этого дня!

Тренер В. Пыжов

МАКСИМ В СТРАНЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

(Продолжение)

Юрий САМСОНОВ

Рисунки В. Алфеевского.

Глава двадцать вторая
МАКСИМ СТАНОВИТСЯ СВЕТИЛОМ МЕДИЦИНЫ

Эти слова тоже были встречены одобрительными криками. И тут же все Летучие Пузыри бросились к Максиму, чтобы сразу исполнить приговор. Удрать было нельзя. Еще немножко — и нам пришлось бы закончить рассказ о приключениях Максима. Это был бы очень грустный конец. Но, к счастью, Максиму в голову пришла вдруг блестящая мысль.

— Стойте! — закричал он.— А что, если я вылечу этого рыжего парня?

Толстяки остановились, замолчали, вытаращив на него заплывшие глаза, узенькие, как у поросят.

— Но доктор сказал: медицина бессильна! — нерешительно проговорил отец Розового Мальчика.

— Я вылечу его без медицины! Без халата, без очков, без градусника!

— М-м-м,— важно промычал вождь Летучих Пузырей.— Вылечишь, тогда поглядим.

— Да, поглядим! — поддержали его другие.

Но тут вмешалась мать Розового Мальчишки, весьма решительная Летучая Толстуха.

— Если ты его вылечишь, пусть-ка кто-нибудь попробует хоть пальцем тебя тронуть! Я любому глаза выцарапаю, вот что я сделаю! И пусть кто-нибудь посмеет повторить, что ты иностранный агент, и прочую чепуху! Послушать некоторых, так ты и впрямь злодей и преступник, а на самом деле они просто выслуживаются перед Топусом, потому что трусят. Проси, чего хочешь, все сделаем, лишь бы мальчик выздоровел!

— Правильно! — закричали все Толстушки и многие Толстяки.— Конечно, во всем виноват Топус и наш вождь Черный Пузырь! Летучие Пузыри — могучее свободное племя, они никого не боятся! Чихать нам на Топуса! Проси, чего хочешь, мальчик!

— Я хочу,— ответил Максим,— чтобы вы помогли мне выбраться из Гиблого Оврага и попасть в Город Удивительных Чудес.

— Ладно! Хорошо! Так и сделаем! — отвечали Толстяки.— Городу Удивительных Чудес все равно осталось недолго жить!

Максиму и вправду не понадобилось ни очков, ни градусника. На виду у всех он раскрыл острый перочинный нож. Толстяки, разинув рты, попятились назад. Розовый Мальчишка испуганно вскрикнул. Максим внушительно помахал ножиком в воздухе, сделался очень важным — не хуже Черного Пузыря — и забормотал под нос какие-то непонятные слова:

— Шулшурумбулбурум-булбурумшулушурум! Бурум-бурум-бурум!

Он был очень доволен, когда расслышал громкий шепот в толпе Пузырей.

— Колдовство, колдовство! Этот мальчик — великий колдун!

Максим достал из кармана футбольную камеру, от которой отказался хозяин постоялого двора, и принялся ее надувать.

— У него есть свой собственный Маленький Черный Пузырь! — зашептались все вокруг.— Маленький Черный Пузырь!

Только один недовольный нашелся во всем племени. Он даже осмелился заговорить вслух.

— Я лучший врач в этой стране,— сказал он, сердито шевеля усами.— И я говорю вам, что это не лечение, а простое надувательство!

Тут Максим, ко всеобщему ужасу, проткнул камеру ножом. Потом выкроил из нее порядочный кусок резины, смазал его клеем из своей склянки и наложил заплату на лоб Розового Мальчишки. Пока заплата присыхала, ему пришлось чертить на ней таин-

ственные знаки, поплевывать на нее, бормотать колдовские слова, грозно поглядывая на окружающих. Потому что Максим твердо усвоил, что нельзя позволить Летучим Пузырям заскучать. Этих толстяков нужно все время держать в руках, ведь неизвестно, что им придет в голову через минуту.

А потом он сказал:

— Готово!

— Посмотрим,— мрачно сказал доктор.

Он подошел, потрогал заплатку пальцем — сначала опасливо, осторожно. Потом попытался ее оторвать. Но Рыжий Мальчик вскрикнул от боли: так крепко приклеилась заплата. И тогда осматривать ее кинулись все остальные Пузыри. Они ее трогали, нюхали, а некоторые даже пробовали на язык. Мальчишка сиял. Сияли его отец и мать. Сияли другие Толстяки и Толстухи. Все, кроме доктора и вождя Летучих Пузырей. Эти двое о чем-то шушукались, стоя в сторонке. А когда кончили шушукаться, Черный Пузырь обратился к Максиму:

— Послушай, не продашь ли ты нам это волшебное лекарство?

— Я подарю вам его,— ответил Максим.— Подарю, как только окажусь в Городе Удивительных Чудес.

Глава двадцать третья
СМЕРТОНОСНОЕ ОБЛАКО

Толстяки начали взлетать. Но, оказывается, это было для них не такое уж простое дело. Прежде чем взлететь, им требовалось произнести примерно такую речь:

— Я лучший из всех Летучих Пузырей! Я поднимался на такую высоту, что руки мои упирались в небесный свод! Я трогал руками звезды и хотел принести их вам, о толстые братья, но уронил их по дороге, потому что они обжигали руки. От звезд на земле повелись светлячки. Я летал повсюду! Моя круглая тень падала на земли Паучьего Царства, на Осиную Гору и на Город Мудрых Муравьев. Я летал в таинственную страну по ту сторону гор и видел там долину, где змеи прячутся в ярких цветах и не шипят, а поют соловьями, чтобы заманить птицелова. И это еще не все: я видел Оранжевого Дракона! Это я, самый сильный, самый храбрый, самый быстрый!

Он говорил и толстел, говорил и толстел. С последними словами ноги его отрывались от земли, и он, похожий на воздушный шар, взмывал в воздух. И кто-то занимал его место, чтобы начать новую речь, примерно такую:

— Я тоже совершил все эти подвиги, но я еще сильнее, храбрее, быстрее, чем этот почтенный толстяк. Меня боится Топус, а мятежный Город Удивительных Чудес дрожит передо мной, как осиновый лист!

Речи не становились короче. Максим с тревогой заметил, что хозяин постоялого двора, который наблюдал все это сверху, теперь куда-то скрылся. Наверное, решил устроить еще какой-нибудь подвох. Но, к счастью, очередь дошла до родственников Розового Мальчика. Они раздулись, как настоящие мыльные пузыри, взлетели, подхватили Максима на руки и понесли его вверх с помощью десятка других Толстяков. Розовый Мальчик летел рядом, крича:

— Я лучше всех Летающих Мальчишек! У меня есть черная заплатка на лбу!

Овраг быстро уходил вниз. Скоро он уже казался пустяковой царапиной на земле. А сверху надвигалось огромное пушистое облако — воздушный корабль племени Летучих Пузырей. До него уже можно было дотянуться рукой, оторвать мягкий белый комочек.

— Уф, долетели! Сколько возни, сколько трудов! Наконец-то можно отдохнуть! — ворчали Старые Толстяки, взбивая облачные клубы, как перину, чтобы подремать в ней.

Максима тоже усадили на облако. К его удивлению, оно оказалось довольно плотным, хотя и мягким, как вата. Во всяком случае, Максим не провалился сквозь него. Он мог даже передвигаться по облаку, правда, очень осторожно, ползком. Поэтому он отказался играть в пятнашки с молодыми Толстяками и Толстушками. Они немножко огорчились, но скоро оставили его в покое. Возле Максима осталась только мать Розового Мальчишки. Опасливо оглянувшись, она заговорила.

— Бедный ты, бедный! — сказала она.— И зачем ты летишь в Город Удивительных Чудес? Недолго осталось жить этому городу! Туда идет невиданное войско Пузырей. Правда, это те презренные Пузыри, которые не умеют летать и ползают по земле, но их так много! А когда прилетим мы...— Толстуха понизила голос и закончила: — Город не проживет и дня!

— Почему? — спросил Максим.

— Это тайна,— сказала Толстуха.— Но если ты заглянешь внутрь облака, то сам увидишь...

Она с безразличным видом отвернулась. А Максим, будто играя, начал расшвыривать комки облачной ваты у себя под ногами. Скоро его рука коснулась какого-то гладкого твердого предмета. И Максим осторожно вытащил на свет большой стеклянный шар, наполненный какой-то черной жидкостью.

— Мертвая вода,— тихонько сказала мать Розового Мальчишки.

Максим поднял голову и увидел Черного Пузыря. Оказывается, тот все время следил за Максимом, спрятавшись за пушистым ватным холмиком, а теперь вылез наружу.

— Пузыри, сюда! — закричал Черный Пузырь.

На зов слетелись и старые Пузыри и молодые, которые летали в поднебесье. На облаке стало шумно, нарядно, пестро. Все очень дружелюбно поглядывали на Максима, который сидел тут же. Никто еще не знал, что задумал Черный Пузырь.

Тот заговорил:

— Мальчишка проник в нашу тайну! Он знает, зачем наше облако летит к Городу Удивительных Чудес. Это хитрый мальчишка. Он должен умереть, чтобы нам не было от него вреда.

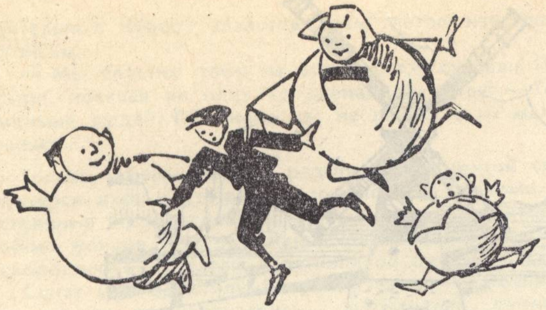
— Нет! — закричали Пузыри, которым Максим понравился.— Пусть он знает эту тайну! Он все равно не сможет спасти город! От него нам не будет вреда! А ты не будь слишком любопытным, мальчик!

Черный Пузырь заговорил опять.

— Ладно,— сказал он.— Будь по-вашему, раз вам это нравится. Мы согласились донести его до города. Мы спустим его на землю, а потом сбросим на город стеклянные шары. Так что мальчишка все равно погибнет. Но...

— Нет! — перебили его Пузыри.— Мальчик не погибнет! Он останется с нами! Он будет лечить нас! Он будет Главным Доктором Племени Летучих Пузырей!

Однако Черный Пузырь решил все-таки добиться своего.

— Я согласен,— сказал он.— Но вы забыли, что этот мальчик не один! С ним вместе летят подозрительные люди — карлик по имени Бульбуль и девочка по имени Еловая Шишка. О них уговору не было!

— Уговору не было!— хором подхватили Толстяки.

— Мальчик должен выдать их нам, а мы выдадим их Топусу. Мы получим за это много новой красивой одежды. Неужели вы хотите поссориться с нашим старинным другом и хозяином Топусом и летать в лохмотьях? Конечно, нет! Значит, так и сделаем. Кроме того, мальчик должен отдать нам палку Великой Тетки!

— Правильно! — закричали Толстяки.— Ты мудр, Черный Пузырь! Отдай нам палку, карлика и девчонку, мальчик! Иначе мы поссоримся!

— Не выйдет,— сказал Максим.— Не отдам!

Ух, какой гам поднялся в ответ!

— Нахал! Негодяй! Ссориться из-за него с Топусом? Ну уж нет! А зачем он вообще хочет попасть в Город Удивительных Чудес? К нашим врагам! К этим мятежникам! А вы видели у него нож? Что, если... Конечно! И ведь приговор не отменен! Мало ли что договорились! Розовый Мальчишка теперь здоров, и этот иностранный агент нам вовсе ни к чему на нашем облаке! А что с ним разговаривать? Отобрать у него палку! Отнять карлика! Где он прячет Еловую Шишку? Отобрать и сбросить его вниз! Что вы, кому это надо — лететь в Город Удивительных Чудес!

И Летучие Пузыри толпой двинулись к Максиму. Тогда заговорил Максим.

— Слушайте! — сказал он.— Все вы просто надутые пузыри! Вы глупые хвастуны! Вы... вы заоблачные лоботрясы! Таких дураков вижу первый раз в жизни. Только и умеете, что трещать, как сороки.

Максим знал, как подействуют эти слова. Но все же сам удивился тому, как сильно они подействовали: на облаке больше не было ни одного толстяка! Все они превратились в очень худых людей и продолжали худеть на глазах. Глаза у них ввалились, губы посинели, кожа обвисла складками.

— Пощади! — кричали они, дрожа от страха.— Пожалей!

— Вы у меня в руках,— сказал Максим.— Если захочу, сам сброшу вас отсюда. Теперь это мое облако. И вы будете меня слушаться. Ясно?

— Ясно! Мы сделаем все, что ты прикажешь!

— Мы выберем тебя своим вождем! — крикнул Черный Пузырь, который перетрусил больше всех.

— Да, теперь ты вождь Летучих Пузырей! — закричали остальные.

— Э, нет! — сказала мать Розового Мальчика.— Не верь этим проклятым трусам, они опять тебя обманут. Заставь их дать клятву Рога, Шипа и Стрелы!

И Летучие Пузыри хором проговорили:

— Клянемся Рогом, Шипом и Стрелой, что будем служить тебе вернее собаки, являться на первый зов и слушаться с первого слова! Того, кто тебе изменит, пусть проколет Рог, Шип и Стрела!

— Молодцы! — сказал Максим.— Вы вправду великое, славное, непобедимое племя!

И от этих слов Пузыри сразу раздулись куда пуще прежнего. Они порозовели и повеселели. Ведь когда хвалишь себя сам — это далеко не так приятно, как когда тебя хвалят другие.

Так Максим стал вождем Летучих Пузырей. А облако тем временем продолжало медленно плыть к Городу Удивительных Чудес со своим смертоносным грузом.

Глава двадцать четвертая
ПУЗЫРИ ИДУТ НА ВОЙНУ

Между тем внизу, на равнине, происходило что-то непонятное.

По извилистой песчаной дороге ползла громадная толстая змея. Она сверкала медной чешуей. Хвост ее терялся в облаке пыли. Змея тоже двигалась по направлению к Городу Удивительных Чудес.

Но она ползла медленнее, чем облако. Поэтому облако скоро нагнало ее. И Максим увидел, что по дороге к городу движется мощное войско.

Над рядами воинов, одетых в медные доспехи, колыхалась косая щетка копий. Впереди каждого отряда ехали Пузыри. Они сидели на шеях рабов, закованных в цепи. Упряжки рабов тащили большие телеги, на которых были поставлены медные пушки. Другие рабы тянули по дороге окованные медью корабли. У кораблей были колеса. Ветер помогал рабам тащить их: он туго надувал белоснежные паруса. Войско Топуса шло на штурм Города Удивительных Чудес.

Максим смог разглядеть все это, потому что любопытные Летучие Пузыри каким-то образом заставили облако опуститься ниже. Черный Пузырь злобно сказал:

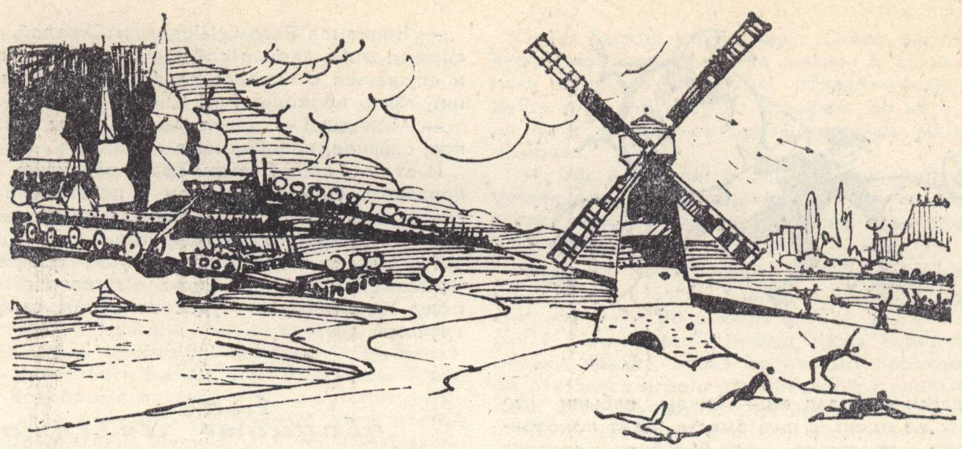
— Теперь город не устоит, если даже ты не разрешишь нам сбросить на него стеклянные шары!

Оказалось, что рано утром, вернувшись в Подземный Дворец и выслушав рассказы о случившемся, Топус пришел в страшную ярость. И тут же отправил к Летучим Пузырям вестника с просьбой разделаться с Максимом и его друзьями. А на Город Удивительных Чудес двинул войско. В городе не ожидают нападения. Оно произойдет неожиданно. Горожане и опомниться не успеют, как от их домов не останется камня на камне. А их самих, закованных в цепи, поведут на суд как мятежников. Город Удивительных Чудес погиб!

— Но мы будем в городе раньше их,— сказал Максим.— Я успею предупредить горожан.

— Нет,— сказал Черный Пузырь.— Ветер слабеет. Скоро он начнет дуть в другую сторону. А против ветра нам двигаться трудно. Когда мы прилетим, от города останутся одни развалины. А ты, наш вождь, навсегда останешься с нами!

Максим про себя подумал, что Толстяк хочет его обмануть. Но промолчал. Ведь пока что ветер дул куда надо, и облако двигалось быстрее войска. Все новые и новые отряды видел Максим и продолжал

подсчитывать, сколько тысяч воинов ведет Топус на Город Удивительных Чудес.

Наконец остались позади головные колонны. Облако подлетало к маленькому селению, спрятанному в зеленой роще. Там, на крышах домов, на деревьях, Максим разглядел людей. Все они смотрели в ту сторону, откуда приближалось войско, что-то кричали друг другу, размахивая руками. Вот один из них спрыгнул с крыши, побежал по нескошенному полю к ветряной мельнице, одиноко стоявшей в стороне от селения. И вдруг повалился набок, настигнутый невидимой смертью. Его товарищи кинулись к нему. Но невидимые и неслышные удары разили их одного за другим.

— Так им и надо! — сказал Черный Пузырь.— Они хотели передать сигналы в город. Но сегодня Топус велел воинам заставить замолчать все Говорящие Мельницы!

Жители селения окружили мельницу со всех сторон. Но подойти к ней не удавалось: засевшие там воины Топуса не давали пощады никому.

— Мельницы будут молчать! — с торжеством сказал бывший вождь Летучих Пузырей, переглядываясь с другими Пузырями.

Между тем ветер и вправду изменил направление. Облако стало двигаться медленнее. Войско, идущее по дороге, снова приблизилось. Черный Пузырь ехидно смотрел на Максима.

— Что же делать? — сказал Максим, хватаясь за голову.

— Ты вождь,— сказала мать Розового Мальчика.— Прикажи нам остановить войско, и мы это сделаем.

Черный Толстяк побледнел и перестал ухмыляться. Другие Пузыри испуганно заморгали. Максим понял, что у него в руках действительно сильное оружие. Он сказал:

— Приказываю вам остановить войско!

Он не представлял, как Пузыри выполнят этот приказ, и побаивался, что они, пожалуй, не сумеют этого сделать. Максим ошибался. Каким-то таинственным образом Пузыри заставили облако снизиться до земли и окутать собой равнину. На землю хлынул дождь. Он залил дорогу, сровнял ее с поверхностью равнины, которая стала походить на большое болото. И где-то на нем, в тумане, ворочалось огромное войско, пытаясь сдвинуть с места застрявшие корабли и выбраться из плотной облачной ваты.

— Пузыри! — сказал Максим.— Драгоценные, прекрасные, замечательные Пузыри! Не выпускайте их отсюда, не давайте им сдвинуться с места! Пусть они день и ночь кружат в тумане. Вы спасете Город Удивительных Чудес, и я попрошу, чтобы о вас написали во всех учебниках истории. Весь мир узнает, какой сильный, умный, храбрый народ Летучие Пузыри!

Пузырям это очень понравилось.

— Ура! — закричали они.— Как хорошо, что мы сделали тебя вождем! Постараемся, о толстые братья!

— Правильно,— сказал Максим.— А меня сейчас же отнесите в Город Удивительных Чудес. Мне надо попасть туда поскорее!

Он оставил своим заместителем отца Розового Мальчика, пересел на кусочек облака, и дюжина самых здоровых Пузырей помчала его дальше по синему простору поднебесья.

Глава двадцать пятая
ГОРОД УДИВИТЕЛЬНЫХ ЧУДЕС

Пронзительный ветер свистал над равниной, но странники не чувствовали ветра; он нес их в своем стремительном потоке, как река несет кусочек сосновой коры.

— Впереди город,— сказал один из Пузырей.

На зеленоватой воде огромного озера лежали лесистые острова. Их было три. С одного острова на другой, словно мосты, перекидывались крутые сияющие радуги. Максим насчитал двенадцать радуг. Прежде ему доводилось видеть только одну за раз, да и то не так уж часто. А тут целых двенадцать!

У подножия радуг лежал Город Удивительных Чудес, врезанный в золотое кольцо городской стены. Стена переходила с острова на остров, с холма на холм, и зубцы ее колюче сверкали на солнце.

Множество лодок под белыми парусами шло по проливам. Они причаливали к набережным, где дома поднимались прямо из воды. А спокойная вода в точности повторяла все очертания и цвета, создавая опрокинутый рисунок города со всеми его дозорными башнями на стенах, радугами, лодками, изящными домиками набережных. Город Уди-

вительных Чудес, казалось, сам летел навстречу Максиму.

— Мы спустим тебя на этот мост,— сказали Пузыри, показав на одну из двенадцати радуг.— Там меньше людей. Горожане нас не любят, а их мальчишки...

Только теперь Максим разглядел на крутой светящейся дуге моста-радуги торопливых прохожих и странные продолговатые экипажи, заостренные с обоих концов. Эти экипажи мчались с невероятной скоростью и исчезали в затейливой путанице улиц.

Снизу уже заметили Летучих Пузырей. Прохожие на мостах останавливались, размахивали руками, что-то объясняя друг другу, и показывали на небо. Они облепили перила, кричали, и крики их, сначала слитые в едва различимый шум, становились все слышнее и грознее. Это Максиму не понравилось.

— Спускайтесь быстрее,— сказал он Пузырям.— А потом сразу взлетайте, не задерживайтесь.

— А где нам ждать тебя?

— Летите помогать остальным. Я позову вас, когда будет нужно.

Говоря это, Максим не знал о том, как скоро ему понадобится такая славная летающая упряжка.

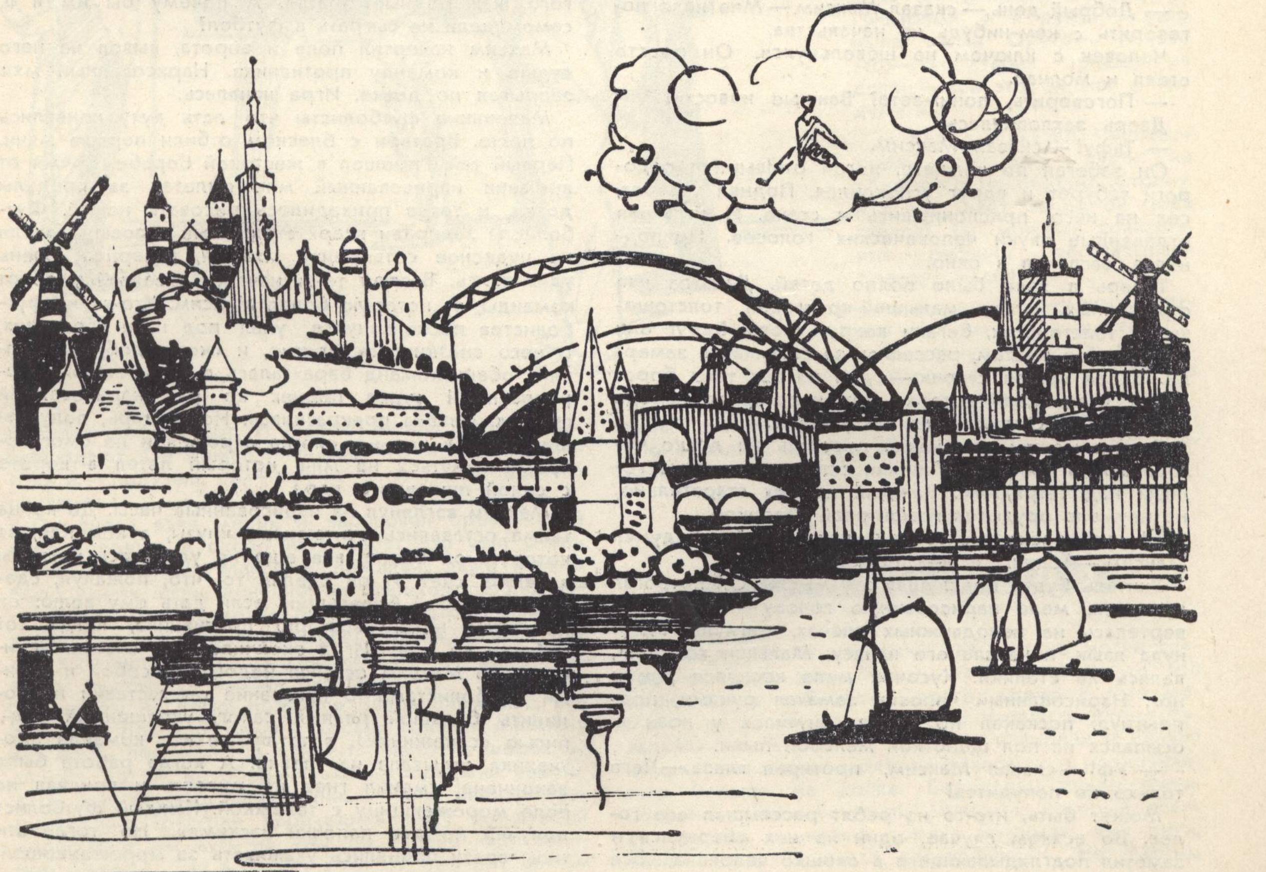
Пузыри плавно опустили его на гладкую прозрачную поверхность моста подальше от прохожих. Взлетели, торопливо кувыркаясь в воздухе, и повисли в высоте над городом, чтобы следить оттуда за тем, что произойдет дальше.

Максима окружили незнакомые сердитые люди. Одеты они были в удобные костюмы, похожие на комбинезоны, потому что и рубашка и брюки казались сшитыми из одного куска грубоватой, но прочной и красивой материи. На ногах — легкие башмаки с пряжками. Поверх костюма многие носили кожаные фартуки, порядочно потертые, но еще прочные. Крепкий запах рабочего пота, машинного масла и дыма исходил от этих людей, и лица их были суровы.

— Я прилетел к вам,— начал говорить Максим,— потому что...

Один из горожан без церемоний зажал ему рот жесткой мозолистой ладонью, другой выхватил у него из рук палку тетки Тимофеихи. Остальные раздались в стороны: неподалеку остановился заостренный с обоих концов экипаж, в точности такой, какие Максим уже видел сверху. Оказалось, что это большая лодка, поставленная на толстые резиновые колеса. В середине лодки торчала мачта, на ней белел развернутый парус, но вместо обычных сидений в лодке стояли глубокие кресла. В ней было трое пассажиров, одетых, как все, и непохожих на других только тем, что они носили бороды. Это были роскошные бороды во всю грудь. Одна черная до синевы, другая ярко-рыжая и третья седая. Максима подвели к лодке, по знаку Рыжебородого заставили ступить на подножку, легонько подтолкнули в спину. Он перепрыгнул через лакированный борт, остановился. Рыжебородый снова подал кому-то знак. Максима схватили за плечи, усадили в кресло. Черная повязка легла на глаза, туго стянула голову. Лодка дрогнула и покатилась. Ветер дул в лицо. Максим сидел и думал:

«Вот так встреча!»

Глава двадцать шестая
ПРЫГАЮЩИЙ ЧЕЛОВЕЧЕК

Его привезли к какому-то дому и высадили из лодки. Потом повели вверх по невидимым лестницам, заставляя поворачивать направо, налево и опять направо.

Наконец за спиной хлопнула дверь, и Максима оставили в покое. Никто не помешал ему снять повязку.

Он увидел, что находится в комнате с гладкими белыми стенами и единственным окошком, выходящим к тому же не наружу, а внутрь здания — в небольшой белый зал. Окно было оплетено медной решеткой. В зале никого не было. Там стояли перед большой классной доской ряды низеньких столиков.

Дверь комнаты Максима приоткрылась. Сквозь щелку чья-то рука просунула большую кружку с водой. Тут Максим пришел в ярость: с ним обходились как с арестантом! Он подбежал к двери и начал колотить в нее сначала кулаком, затем каблуками по очереди то правым, то левым. Неожиданно нога ударила в пустоту: оказывается, дверь приоткрылась. Максим повернулся и увидел человека в синей шапочке. Человек держал в руке ключ.

— Добрый день,— сказал Максим.— Мне надо поговорить с кем-нибудь из начальства.

Человек с ключом не шевельнулся. Он просто стоял и молчал.

— Поговорить, понимаете? Важные новости!

Дверь захлопнулась.

— Тьфу! — сказал Максим.

Он забегал по комнате, ногой отшвырнул с дороги табурет и вдруг успокоился. Поднял табурет, сел на него, прислонившись к стене. И услышал отдаленные звуки человеческих голосов. Приподнялся, заглянул в окно.

Теперь в зале было полно детей. Десятка два стриженных наголо малышей-крепышей, толстощеких и толстоногих, бегали вокруг стола. Вдруг они кинулись по местам, расселись за столиками, замерли. В зал вошел старик — один из тех трех бородачей, что сидели в лодке, тот, у которого борода была белая. Оказывается, он учитель.

Старик между тем начал рисовать на доске человеческую фигурку. Ученики склонили круглые головы над тетрадями. Каждый из них старательно, но неумело орудовал графитовой палочкой.

«А на доске человечек как живой,— подумал Максим.— Толкни его — побежит»...

Учитель будто подслушал эту мысль. Он потрогал кусочком мела нарисованную голову — голова завертелась на неподвижных плечах, мигнула, высунула язык, показала его классу. Малыши хохотали, валясь на столики. Кусочек мела коснулся рук и ног. Нарисованный человек замахал руками, подпрыгнул, поскакал по доске, очутился у края и осыпался на пол щепоткой меловой пыли.

— Уф! — сказал Максим, протирая глаза.— Чего только не почудится!

Может быть, кто-то из ребят расслышал его голос. Во всяком случае, один из них обернулся и заметил подглядывающего в окошко человека... Все повскакали с мест, поднялся страшный переполох. Но Максим уважал такую серьезную вещь, как урок. Он отошел от окна. И как раз вовремя: неслышно вошедший человек с ключом встал у него за спиной. Человек кивком указал на открытую дверь.

Глава двадцать седьмая
ФУТБОЛЬНЫЙ МАТЧ

Они вошли в тот зал, который Максим видел сквозь оконце. Все тут было, как прежде. Не было только малышей. Вообще никого не было. Максим остался один в огромной гулкой комнате, а его тюремщик запер дверь.

Максим походил по залу, посидел за столиком, повертелся на вращающемся стуле. Время шло, но никто не появлялся. Видимо, о пленнике опять позабыли.

Максим подошел к классной доске, взял в руки кусочек мела. И от нечего делать принялся рисовать.

Он нарисовал забавного маленького футболиста в огромных бутсах с шипами, в толстых гетрах и полосатых трусиках. Подумал и нарисовал еще одного, потом другого, третьего. Наконец получилась целая команда футболистов, похожих один на другого, как родные братья. А почему бы им и в самом деле не сыграть в футбол?

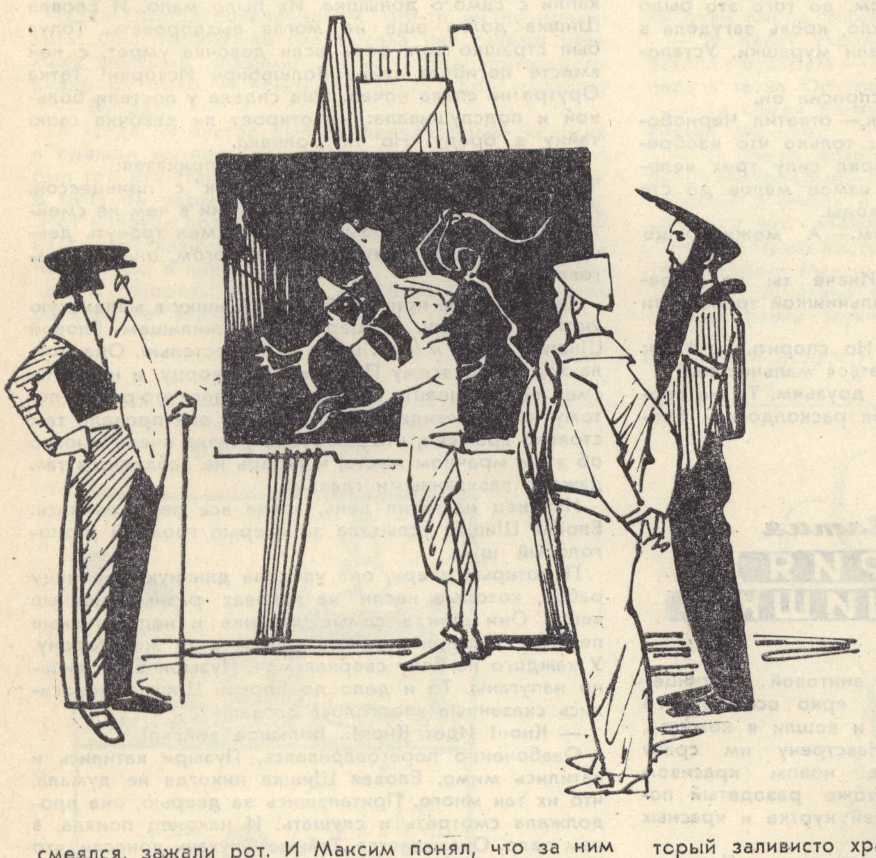
Максим начертил поле и ворота, вывел на него судью и команду противника. Нарисованный мяч запрыгал по доске. Игра началась.

Маленькие футболисты что есть духу понеслись по полю. Вратари с блеском отбили первые мячи. Первый тайм прошел в жестокой борьбе. Время от времени нарисованный мяч вылетал за пределы доски, и тогда приходилось рисовать новый. Футболисты задирали вверх стриженые головы, глазели на чудесное сотворение мяча и, наверное, очень удивлялись. Второй тайм начался схваткой у ворот команды, за которую болел Максим. Кто-то из футболистов поскользнулся, упал под ноги играющих, о него споткнулись другие, и скоро добрая половина обеих команд барахталась в «куче-малой». Нарисованный судья поднес ко рту нарисованный свисток. Свалка прекратилась. Но вратарь, получивший удар в колено, слегка охромел и не смог вовремя кинуться на мяч, который летел в ворота с силой пушечного ядра.

Максим взглянул на нарисованные часы. До конца тайма оставались считанные минуты, а команде, за которую он болел, все еще не удавалось хотя бы сравнять счет. И он сделал то, что, пожалуй, сделал бы любой болельщик, если дать ему волю: он подставил ножку вратарю противника, когда тот выбегал на мяч... Игра окончилась со счетом один-один, но Максим остался недоволен собой и своими футболистами. В наказание он заставил их починить большой рваный сапог, украшенный надписью «сапожники», в то время как команда противника отдыхала на травке. А когда работа была закончена, сменил гнев на милость и прислал на поле мороженщицу с тележкой. Каждый футболист получил по две палочки «эскимо». Но тогда эти типы сразу принялись ухаживать за мороженщицей, а та мило им улыбалась. Пришлось нарисовать

опоздавшего на матч моряка в бескозырке и с ленточками. Моряк позубоскалил с футболистами по поводу сапога, потом подхватил мороженщицу под руку, и они ушли, оставив огорченных футболистов доедать мороженое. А мимо них по беговой дорожке катился велосипедист, приехавший на тренировку. Он вдруг споткнулся и полетел головой вперед прямо через руль: Максим нарисовал колеса немножко криво. Футболисты так и покатились со смеху, и вместе с ними засмеялся еще кто-то в зале за спиной у Максима.

Максим оглянулся. В зале по-прежнему никого не было. Смех затих, как будто человеку, который

смеялся, зажали рот. И Максим понял, что за ним наблюдают. Он пожал плечами: что ж, пусть. «Погодите,— подумал он,— сейчас я вам еще кое-что покажу!»

Он снова взял мелок и нарисовал бревенчатый сруб колодца, а около него себя. Это был очень удачный рисунок: Максима, пожалуй, даже можно было узнать, если, конечно, не слишком придираться. Когда он прочертил последний штрих, нарисованная фигурка Максима шевельнулась, ожила. Вот она вытащила из колодца нарисованное ведро, а из ведра выпрыгнул карлик Бульбуль...

А потом на доске появился Заповедный Лес, поляна под большой елью и Еловая Шишка. Максиму тут опять послышались какой-то шепот и шорох за спиной, но он, не оборачиваясь, продолжал наблюдать, как оживал нарисованный пень, как три нарисованных фигурки переходили реку по лунной дорожке и как чуть не утонули в реке нарисованные Пузыри. Ему казалось, что он смотрит фильм о своих собственных приключениях — так удивительно и живо было все происходящее на доске.

Когда там появилась сцена расправы с Пузырями на постоялом дворе, кто-то в зале не выдержал и снова громко фыркнул. Теперь Максим оглянулся. У него за спиной стояли те самые трое бородачей, которые увезли его в лодке. Рыжебородый беззвучно хохотал, зажимая ладонью рот, у Чернобородого смешливо подергивались уголки губ. Третий бородач, седой, был серьезен.

— Дальше! — потребовал он.

Максим послушался. Он нарисовал Гиблый Овраг и Город Маленьких Человечков. С нарисованного облака, держа в руках нарисованные булыжники, горохом сыпались Летучие Пузыри...

Когда последний рисунок осыпался с доски тонкой меловой пылью, бородачи переглянулись. Они еще ничего не знали о войске, идущем на Город Удивительных Чудес.

— Говорящие Мельницы молчат,— сказал Рыжебородый.— Дозорные видели на горизонте столб дыма. Никаких вестей с равнины больше нет. Это странно.

Бородачи помолчали. Потом седой сказал:

— Все-таки я не знаю, можно ли верить этому мальчику. Ведь он прилетел с Летучими Пузырями, и в руках у него была палка Орутры. А все это,— тут старик показал на доску,— все это он мог и выдумать...

— Верно,— сказал Чернобородый.— Поэтому пусть не обижается на плохую встречу. Кто его знает, зачем он сюда явился? Ты можешь доказать, что рисунки рассказывали правду, мальчик?

— Докажу! — сердито сказал Максим — И еще как!

Он сунул руку в карман. Осторожно вытащил оттуда спящего карлика Бульбуля, который заливисто храпел. А потом достал завернутую в платок Еловую Шишку и протянул ее бородачам.

Глава двадцать восьмая
ЖИВАЯ ВОДА

Бородачи были изумлены так, что не могли сказать ни слова: ведь Максим начал рисовать то, что происходило в Гиблом Овраге, прямо с того момента, когда Летучие Толстяки начали кидаться булыжниками. А к этому времени и карлик и Еловая Шишка уже были спрятаны в карман и не появлялись больше на доске. Бородачам стало очень совестно. Они обступили Максима, который уселся на стул, принялись горячо пожимать ему руки, хвалить его, о чем-то расспрашивать. Но Максим

только осовело моргал в ответ, почти не слыша их слов.

— Простите,— с трудом выдавил он из себя,— я очень устал и...

Голова его упала на колени. Максим спал.

Он ничего не видел во сне. Это был сон глубокий, как пропасть. Он продолжался несколько часов. Максим понял это, когда открыл глаза и увидел над головой порозовевшее небо. Наступал вечер.

— Проснулся? — спросил чей-то голос.

К Максиму подошел Чернобородый в белом халате. В руке его был стакан.

— Вот,— сказал он,— выпей-ка это лекарство и через полчасика можешь идти гулять.

Максим единым духом выпил весь стакан, а последнюю каплю слизнул языком, до того это было вкусно. У него аж дух захватило, кровь загудела в ушах, и по всему телу побежали мурашки. Усталости как не бывало!

— Что это за лекарство? — спросил он.

— У него еще нет названия,— ответил Чернобородый.— Не успели придумать: только что изобрели. Ты выпил стакан и приобрел силу трех человек. Теперь ты будешь жить самое малое до ста лет. Это что-то вроде живой воды.

— Здорово! — сказал Максим.— А можно еще стаканчик?

— Нельзя,— сказал врач.— Иначе ты не вырастешь. Навсегда останешься мальчишкой тринадцати лет.

— Жалко,— сказал Максим. Но спорить не стал: кому же охота навсегда оставаться мальчишкой!

— А теперь пойдем к твоим друзьям. Ты не сердишься, что мы сами, без тебя расколдовали Еловую Шишку?

глава двадцать девятая
ИСТОРИЯ ЕЛОВОЙ ШИШКИ

Они спустились по крутой винтовой лестнице, свернули в дверь широкого, ярко освещенного цветными фонарями коридора и вошли в комнату, отведенную для Максима. Навстречу им сразу бросились Еловая Шишка в новом красивом платье и карлик Бульбуль, тоже разодетый по-праздничному: в короткой синей куртке и красных штанах.

Все бородачи тоже собрались сюда. Максима усадили в глубокое мягкое кресло, и Еловая Шишка стала продолжать рассказ о своих приключениях в Стране Пузырей.

И вот что она рассказала.

Пузыри, которые ее похитили, долго несли ее в мешке. Так долго, что она уже боялась задохнуться, когда дорога вдруг кончилась. Мешок швырнули на землю, и кто-то сказал:

— У меня она заговорит, вот увидите!

Еловую Шишку вытряхнули из мешка, и она больно ударилась о каменный пол пещеры, в которую ее принесли. Посреди пещеры пылал огромный очаг. Свирепый Пузырь в мохнатой одежде держал в руках раскаленные докрасна щипцы и щелкал ими так, что сыпались искры.

— Заговорит,— приговаривал Пузырь,— заговорит!

Это был Главный Палач. У него за спиной стоял толстый мальчишка Топус и его тетка Орутра. Топус сказал:

— Тайные Слухачи донесли, что эта девчонка знает тайну Волшебной Искорки. Пусть она скажет, где спрятала Искорку, и я отпущу ее отсюда живой и невредимой.

— Скажешь? — спросил Главный Палач, щелкнув щипцами.

— Не скажу,— ответила Еловая Шишка.

Тогда Топус приказал палачу:

— Начинай!

Пузырь шагнул к девочке. Она помертвела от страха и упала. Долго она не приходила в сознание. Ее спасли только несколько капель живой воды из старого кувшина тетки Орутры. Это были последние капли с самого донышка. Их было мало. И Еловая Шишка долго еще не могла выздороветь. Топус был страшно зол: ведь если девочка умрет, с ней вместе погибнет тайна Волшебной Искорки! Тетка Орутра не спала ночей. Она сидела у постели больной и подслушивала: не откроет ли девочка свою тайну в бреду. Но та молчала.

Когда она выздоровела, Топус приказал:

— Пусть с ней обращаются, как с принцессой. Давайте ей все, что она попросит, ни в чем не смейте отказывать. И чтобы никто не смел тронуть девчонку пальцем! Клянусь моим сапогом, она еще заговорит!

Тетка Орутра привела Еловую Шишку в маленькую уютную пещеру. Пещера стала жилищем Еловой Шишки, груда мягких шкур — ее постелью. Она могла ходить по всему Подземному дворцу, и никто не смел ее остановить. Правда, она делала это редко, потому что ненавидела Пузырей. Но она провела там столько времени, что поневоле узнала очень многое об этом мрачном месте, и теперь не заблудится там даже с завязанными глазами.

Наконец наступил день, когда все переменилось. Еловая Шишка услыхала за дверью громкий разноголосый шум.

Приоткрыв дверь, она увидела длинную вереницу рабов, которые несли на головах разные ценные вещи. Они шли в самые дальние и неприступные пещеры. Пузыри катились рядом в ту же сторону. У каждого на боку сверкал меч. Пузыри были сильно напуганы. То и дело до Еловой Шишки доносились сказанные вполголоса слова:

— Кноп! Идет Кноп!.. Большое войско!

Озабоченно переговариваясь, Пузыри катились и катились мимо. Еловая Шишка никогда не думала, что их так много. Притаившись за дверью, она продолжала смотреть и слушать. И наконец поняла, в чем дело. Оказывается, Тайные Слухачи донесли, что из Города Удивительных Чудес вышло невидимое войско. Никто не знает, где оно сейчас: может быть, возле самого дворца, а может, уже вошло во дворец, потому что Пузыри спохватились очень поздно. В каких-то помещениях дворца кто-то уже услыхал разные таинственные звуки, и перепуганные Пузыри бросились спасаться. Они катились мимо все быстрее, толкая и тесня друг друга, сбивая с ног рабов. Те, кто остался позади, старались пробиться вперед. Вдруг кто-то из них громко завопил. Может быть, его сильно толкнули или прижали, только и всего. Но этот крик привел толпу в ужас. Еловая Шишка видела, как некоторые из них, вопя: «Кноп! Кноп!»,— кинулись удирать, перекатываясь по спинам и головам своих товарищей.

Потом появился Топус. За ним вошла тетка Орутра.

— Вот она! — закричал Топус.— Уведи ее, спрячь в Заповедном Лесу, чтобы никто ее не нашел. Живая

вода в кувшине почти кончилась, и если мое войско погибнет, у меня уже не будет нового. Мне нужна Волшебная Искорка! Береги девчонку, слышишь?

— Хорошо,— сказала старуха. Она схватила Еловую Шишку за руку и потащила ее в коридор. Повела рукой по каменной стене. Открылся тайный ход. Старуха потащила Еловую Шишку за собой. Девочка была едва жива от страха. Она очнулась только тогда, когда подземный ход закончился под корнями старого пня посреди густого кустарника. На четвереньках выбравшись из этой норы, Еловая Шишка в первый раз за много-много дней увидела солнечный свет. Она и тетка Орутра очутились в самом глухом уголке Заповедного Леса, на берегу реки. Со всех сторон их окружала глухая чаща.

Тетка Орутра повела носом. Что-то ей не нравилось. Она беспокойно оглядывала лес своими цепкими желтыми глазами. Ничего подозрительного видно не было. И все-таки старуха вдруг сказала:

— Выходи!

И тогда из кустов выполз перепуганный человек в одежде жителя Города Удивительных Чудес. Это был тот, кто стал потом хозяином постоялого двора. В руке он держал палку с медным наконечником. Этот человек подполз к ногам тетки Орутры и принялся рассказывать что-то о Кнопе и Маленьких Человечках в каком-то овраге... Но Орутра заставила его говорить шепотом, и Еловая Шишка ничего больше не услышала.

— Посмотрим, правда ли это,— сказала Тетка. Она взяла у предателя палку с медным наконечником и обернулась к Еловой Шишке.

— Если это правда, пусть девчонка станет... станет, например, еловой шишкой. Пусть она укатится в траву и спрячется так, чтобы никто во веки веков не нашел ее там, кроме хозяина этой палки!

Она стукнула палкой оземь. И больше Еловая Шишка ничего не могла видеть и слышать: она стала еловой шишкой...

— И это все? — разочарованно спросил карлик Бульбуль.— А как же тайна Волшебной Искорки?

— Ты еще не догадался? — спросил Рыжебородый.

А Еловая Шишка сказала:

— Я спрятала Искорку в медном наконечнике палки дяди Кнопа. Наконечник отвинчивался.

— И палку украл хозяин постоялого двора? — завопил Бульбуль.— Это та самая палка, которая попала к тетке Орутре? Это ее палка?

— Та самая палка, которую я у нее отобрал,— сказал Максим.

— Та самая, которую мы отобрали у тебя,— сказал Рыжебородый.— Пусть ее сейчас же принесут!

Карлик пустился в пляс. Еще минута — и к нему вернется его прежний рост!

Но тут кто-то постучал в дверь. Вошел человек, который стерег Максима. Он сказал:

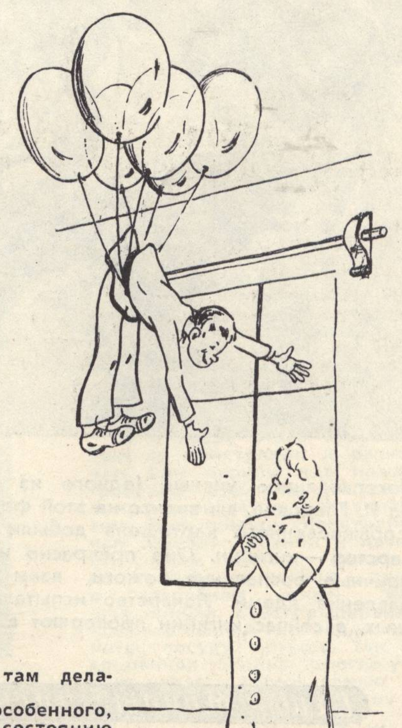
— Минуту назад тени Пузырей похитили из хранилища палку тетки Орутры.

(Продолжение в следующем номере.)

БЕЗ СЛОВ

Рисунок **А. Шабанова.**

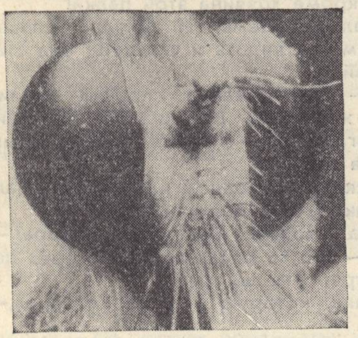

— Что ты там делаешь?
— Ничего особенного, привыкаю к состоянию невесомости.

Рисунок **М. Корси.**

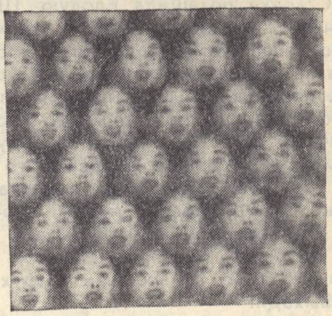
ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Тысячеглазые

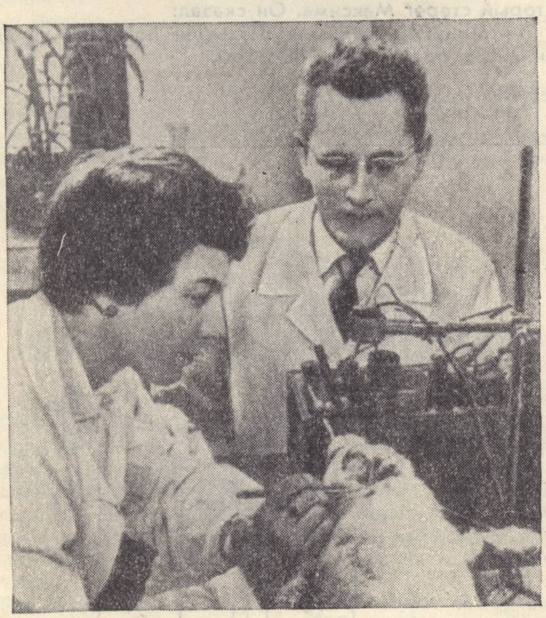

Перед вами увеличенный глаз мухи. Видите, он состоит из тысяч маленьких глаз. Поэтому у большинства насекомых острое зрение, они видят во всех направлениях.

А на правом снимке — портрет девочки, сфотографированной через глаз насекомого. Каждая крошечная глазная линза дала отдельное изображение.

Лекарство из картофеля

Чехословацкие ученые (одного из них, доктора И. Гладовца, вы видите на этой фотографии) из обыкновенного картофеля добыли чудесное лекарство — ингибин. Оно прекрасно излечивает различные воспаления, ожоги, язвы желудка, отравления ядами. Лекарство испытали на животных, а сейчас ингибин проверяют в клиниках.

Самые точные часы

Самые точные часы — атомные. За сто лет непрерывного хода они отстанут или уйдут вперед всего только на одну секунду. В атомных часах вместо маятника время отсчитывают радиоволны. Маятник за одно колебание отсчитывает секунду, в радиоволне тоже можно выделить время одного колебания! Время это составляет стомиллиардные доли секунды. Точность атомных часов зависит не только от того, что с их помощью можно отсчитывать такие маленькие промежутки времени, но и от того, что время каждого колебания в радиоволне всегда одинаково. Радиоволны эти вырабатывает не радиостанция, их излучают молекулы аммиака. Поэтому свойства этих радиоволн не зависят от внешних условий. Атомные часы позволили измерить удлинение суток. Вращение Земли, оказывается, замедляется: за каждый оборот сутки удлиняются в среднем на 0,00000117 доли секунды.

И. Канавец

Чудесный клей

Как скрепить навечно металлические детали? Для этого их нужно сварить или склепать. А можно еще и склеить. Наши химики создали замечательные синтетические клеи, которые соединяют металл с металлом и металл со стеклом, резиной или пластмассами.

Раньше приходилось тысячью заклепок скреплять металлическую обшивку самолета, а теперь вместо заклепок применяют клей. Значит, меньше труда затрачивается на постройку самолета, и самолет стал легче и быстроходнее.

Винты вертолетов тоже делают из склеенных металлических пластин, и такие винты выносливее в работе, чем цельнометаллические.

В Чехословакии и Германской Демократической Республике уже построены большие стальные мосты без единой заклепки и без единого сварного шва. Все стальные части мостов склеены. Изготовляют такие клеи из искусственных смол. Вот почему в семилетнем плане записано: производство синтетических смол должно вырасти в семь-восемь раз. Из смол, кроме клея, делают еще пластмассы и различные лаки.

В. Парини

Свидетели прошлого Земли

Кто положил так этот камень? Археологи по найденным при раскопках предметам восстанавливают историю древних городов и государств, а геологи по этому камню могут воссоздать картину прошлого Земли. Около двадцати тысяч лет назад климат нашей планеты был суровый, огромный ледяной панцирь покрывал север Русской равнины, южные горы. В горах Тувы, где сделан этот снимок, ледяные потоки, словно застывшие реки, сползали с гор. Толщина ледников местами достигала чуть ли не километра.

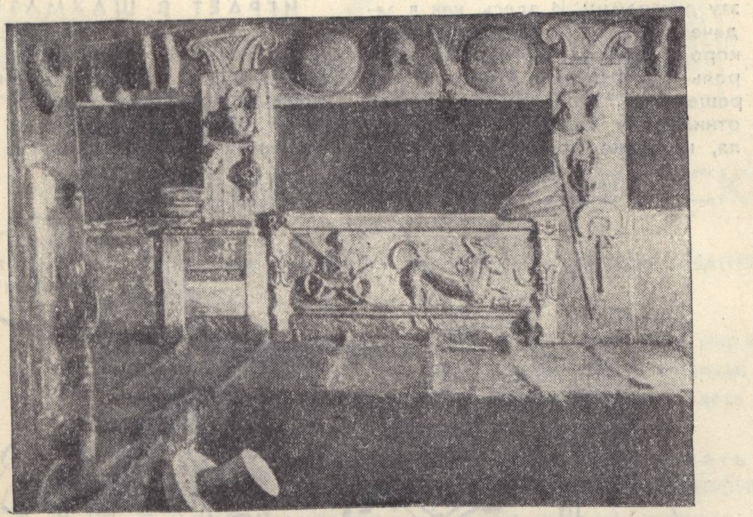
Ледники несли на себе множество крупных и мелких камней — валунов. Валун, который вы видите здесь, весит более пяти тонн, но он «малютка» по сравнению с тем валуном, на котором стоит памятник Петру Первому в Ленинграде. Тот валун весил около трехсот тонн.

После потепления климата ледники постепенно растаяли, а валуны и песок, покрывавшие их, остались немыми свидетелями прошлого Земли.

На вертолетах в школу

Широко разлилась весной многоводная Печора, на четыре-пять километров, не меньше. На одном берегу ее раскинулся поселок Усть-Цильма, на другом — школа-интернат. Как добраться до школы ребятам, уехавшим в поселок на весенние каникулы? За ними прилетели вертолеты, и через полчаса все усть-цильменские ребята были в школе. Занятия начались без опоздания.

Увидели сквозь землю

За несколько веков до нашей эры в северной и средней Италии жило племя этрусков. Перед тем как начать раскопки на землях древней Этрурии, итальянские археологи провели разведку с воздуха. Они поднялись на самолете и с высоты увидели очертания древнего могильника, совершенно неразличимого с земли.

Составив по аэрофотоснимкам план местности, ученые решили выяснить, где именно внутри курганов находятся гробницы. Разведчиком был электрический ток. Археологи пропускали ток сквозь слои земли, и там, где на его пути встречались подземные сооружения, ток менялся. Это и помогло ученым обнаружить около шестисот гробниц.

Но и после этого археологи еще не приступили к раскопкам. Они бурили над каждой гробницей скважины, опускали в них перископ с фотоаппаратом. Этот прибор сконструировал археолог Леричи и назвал его «оком Миноса» (Минос — по греческим мифам — судья в загробном мире). Вращая прибор, сфотографировали все, что было в гробницах: скелеты, посуду, оружие. Так современная техника помогла ученым увидеть сквозь землю. На фотографии вы видите одну из этрусских гробниц.

Л. Клейн

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Многие ребята не только решают мои задачи, но и шлют мне задачи, которые сами составили. И правильно делают. Ведь мы уже не раз беседовали о том, как составлять задачи. Значит, надо пробовать свои силы и в этом деле. Не зря говорит таджикская поговорка: «Знания без применения — тучи без дождя».

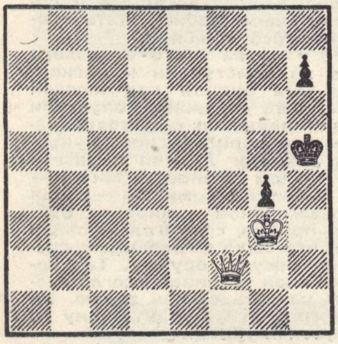
Вот какое письмо получил я из села Новоивановка, Краснотуранского района, Красноярского края:

«Недавно я решала задачи шахматного конкурса, которые были помещены в журнале. Узнала много интересного. Захотелось и самой составить шахматную задачу. Оказывается, даже простенькую задачу-двухходовку составить нелегко.

Вот моя задача. Хорошо ли скрыто в ней решение?

С пионерским приветом
Люба Евлина».

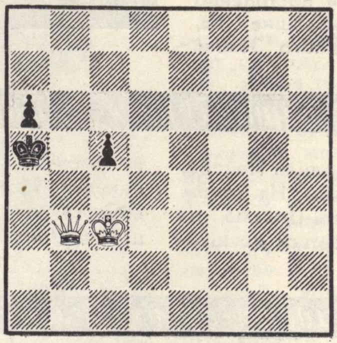
А теперь давайте посмотрим задачу, которую прислала Люба.

В этой позиции белые дают мат в два хода. Хорошо сделала Люба, что не начала решение с шаха. Каждому любителю шахмат советую помнить о верной поговорке: «Не всегда, сказав шах, сделаешь мат».

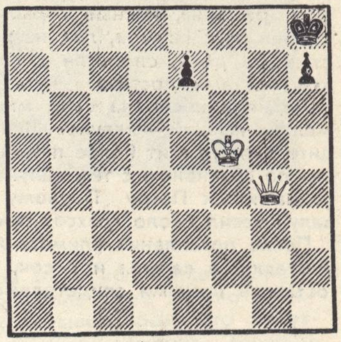
Задачу решает ход ферзем на f6. Но и этот ход имеет существенные недостатки. Ведь, поставив ферзя на f6, белые сразу отнимают три свободных поля у черного короля. Такие ходы бросаются в глаза. Решение в твоей задаче, Люба, найти поэтому нетрудно. Остается у черных единственный ход пешкой на h6, и белый ферзь дает мат на поле f5.

Может показаться, что при таком ограниченном количестве материала не создашь задачу с трудным и красивым решением. Но и на этот вопрос хочу ответить народной поговоркой. В Грузии так говорят: «Мастеру нет предела для совершенства». И для шахмат верны эти слова.

Вот, к примеру, взгляните на эту диаграмму. И здесь, как в задаче у Любы, у белых только король и ферзь, а у черных — король и две пешки. А первый ход решения 1. Фb3 — b7 не только отнимает у черного короля поля, но даже открывает ему дорогу на a4. В задаче два варианта: 1. ...Крa5 — a4 2. Фb7 : a6 мат. 1. ...c5—c4 2. Фb7—b4 мат. Хорошо скомбинировано, а потому и решение задачи найти не легко.

А теперь сами попробуйте решить задачу, в которой мат достигается в три хода. Это тоже хитрая задача, и правильный путь к цели в ней скрыт за многими ложными следами.

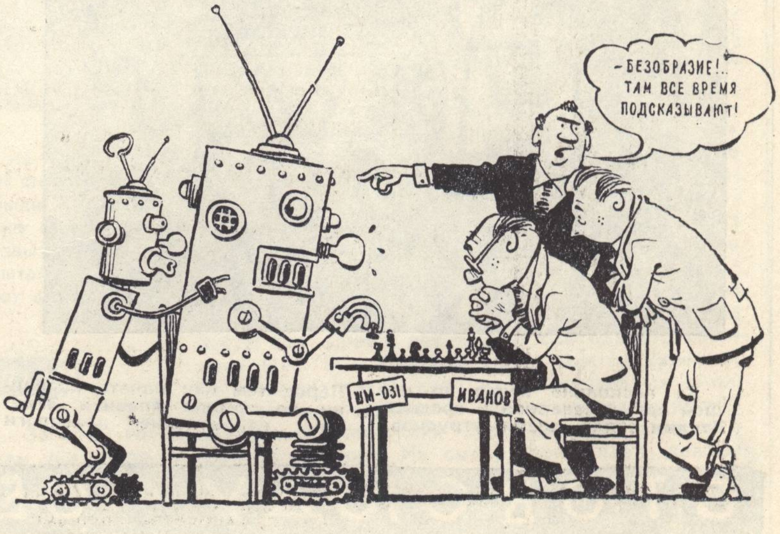

Обе эти задачи составил замечательный советский мастер шахматной композиции Л. Куббель.

Попробуйте и вы, ребята, составить трудную задачу с небольшим количеством фигур и пешек. Пусть вначале это будет не просто, но ведь недаром говорят, что «основа умения — усердие».

МАШИНА ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ

Вы, конечно, читали, ребята, о современных электронно-вычислительных машинах. Машины эти могут выполнять десятки и даже сотни тысяч операций в се-

кунду. Машины эти были созданы для различных сложных вычислений, но оказалось, что область их применения значительно шире. Сейчас «электронный мозг» помогает не только в решении важных научных и технических проблем. Электронные машины «научились» переводить тексты с различных языков, они умеют теперь даже сочинять стихи и играть в шахматы.

Для того, чтобы машина играла в шахматы, ее надо, как говорят специалисты, «программировать». Машина должна получить определенные указания и правила, которыми она будет руководствоваться в шахматной игре.

У нас сейчас уже есть такая электронно-счетная машина, которая овладевает теорией и практикой шахмат.

Руководит «шахматными тренировками» машины профессор М. Шура-Бура. Он сам шахматист первого разряда. Занимается «обучением» машины и кандидат в мастера, научный сотрудник В. Смилга.

«Я убежден,— говорит профессор М. Шура-Бура,— что в конце концов машина будет играть в шахматы не хуже человека».

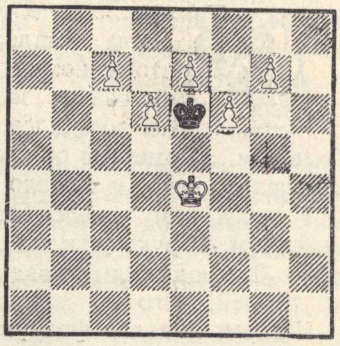
Подобное мнение высказывал и чемпион мира, доктор технических наук М. Ботвинник. Прославленный гроссмейстер писал, что в будущем соревнования по шахматам, возможно, будут устраиваться в двух группах — отдельно для людей и для электронно-вычислительных машин.

Интересно, чему уже «научили» электронно-вычислительную машину. Она при выборе ходов учитывает сравнительную ценность фигур, количество свободных полей для своих фигур и прежде всего для короля.

Машина следит за тем, чтобы все ее фигуры и пешки были защищены, учитывает возможности связки.

Конечно, всего этого еще мало, чтобы быть хорошим шахматистом. Самое сложное в шахматах — создавать комбинации. Машина знает, что ферзь сильнее коня, но ведь в шахматной борьбе иногда и конь побеждает ферзя! Сейчас машина только «начинающий любитель». Но постепенно задания машине будут усложняться, будет изучен опыт ее игры, и она начнет добиваться лучших результатов.

А сейчас, ребята, попробуйте решить задачу, которую машина решила за десять минут.

В этой позиции белые, начиная игру, дают мат в три хода черному королю.

Надеюсь, друзья, что вы не отстанете от хитрой машины.

Страничка коллекционера

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ СОВЕТСКИЕ МАРКИ?

РЕДАКЦИЯ ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ ЗНАНИЕ СОВЕТСКИХ ПОЧТОВЫХ МАРОК. Надо ответить на вопросы:

1. **Кем выпущены марки, помещенные на обложке журнала под номерами 11—14?**
2. **Чему посвящены остальные марки нашей таблицы? Что на них изображено?**
3. **В каком году выпущена каждая помещенная здесь марка?**
4. **Как ты узнал то, что сообщаешь на конкурс?**

Ответы в письменном виде направлять в адрес редакции с пометкой: на КОНКУРС «СТРАНИЧКИ КОЛЛЕКЦИОНЕРА».

В конкурсе могут участвовать все читатели журнала. Можно присылать и коллективные ответы.

Ответы должны быть ясными и краткими. Например:

«Марка № 6 посвящена международной филателистической выставке 1957 года в Москве. На марке — здание Библиотеки имени В. И. Ленина, в котором находилась выставка. Узнал, внимательно рассмотрев рисунок и надписи на марке».

Победители конкурса будут премированы марками.

Повести доброго волшебника и героического человека

Взрослый человек захотел стать снова маленьким, но так, чтобы помнить и знать все, что он сейчас знает. И чтоб никто не догадался, что он уже был большим... Помечтал об этом, вспомнил, что это невозможно, и тяжело вздохнул. Тогда...

Тогда к нему явился старичок — волшебный гном. В руке у гнома был фонарик:

— Ты меня вызвал вздохом тоски... Говори скорей, чего ты хочешь?..

И гном, помахав фонариком, вернул человеку детство.

Что это?.. Сказка?.. Выдумка?..

Нет, это правдивая повесть, повесть о детстве.

Но автор вспоминает детские годы так ярко и полно, что ему самому кажется, будто он снова стал маленьким.

Повесть так и называется: **«Когда я снова стану маленьким»**. Автор ее — польский писатель, учитель и врач **Януш Корчак.** От этой книги трудно оторваться: она и веселая, и грустная, и красивая, как музыка... Читая ее, иной из вас, ребята, возможно, подумает: «Вот ведь какими сокровищами я, оказывается, обладаю, а я и не замечал».

В каждой строчке повести (а повестей в книге три) чувствуется, что автор не только мудр и талантлив, он добр и бесконечно любит детей. И это правда: Януш Корчак придумывал для детей чудесные истории, лечил детей, учил их — он жил для детей.

И умер он также за детей, за сирот, которых лечил и учил: он пошел вместе с ними в фашистский лагерь Треблинку и погиб вместе с ними, хотя мог спастись... До последней минуты заботился он о своих сиротах, стараясь, чтобы они не поняли, какая страшная участь их ожидает.

Прочитайте эту книгу и все три предисловия к ней: каждое из них по-своему интересно. Два коротких написал сам Януш Корчак, третье — немного длинней — критик Вера Смирнова. Предисловие Смирновой объяснит вам, что означает гном и его фонарик, оно познакомит вас ближе с жизнью доброго волшебника, героического человека, написавшего эту книгу.

Ю. Нейман

ЗДРАВСТВУЙ, ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Мы, ученики 7-го «А», 7-го «Б», 7-го «В», прочитали повесть Анатолия Мошковского «Не погаснет, не замерзнет». Эта повесть произвела на нас большое впечатление.

Из нее мы узнали о судьбе Маринки.

Мы просим Анатолия Мошковского написать большую книгу о ней. Мы хотим узнать, как Маринка пойдет в первый класс, о ее первой учительнице, о друзьях и подругах. Нам интересна жизнь Марины в пионерской организации, а потом в комсомольской. Когда Марина окончит школу, она, наверно, как и ее мать, станет учительницей. А отец Марины останется верным ее матери и воспитает дочку сам.

У нас из-за этого был большой разговор.

Дорогой товарищ Мошковский, Вы знали такую девочку Марину в жизни или придумали сами такой рассказ? Если девочка есть, то жива ли она сейчас?

Школа № 7 имени С. М. Кирова, г. Балахна.

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Мне очень приятно, что вам понравилась моя маленькая повесть «Не погаснет, не замерзнет».

Эту повесть я задумал во время поездки на Север. Там мне довелось встретиться со многими интересными людьми: подводниками и летчиками, геологами и оленеводами и, уж конечно, с их ребятами, вашими сверстниками.

Я старался поглубже понять и во всех подробностях изучить их жизнь и после многомесячной поездки мог бы с фотографической точностью описать все, что видел и слышал. Наверно, и в таком описании было бы немало интересного, потому что жизнь за Полярным кругом необычна.

И все-таки я решил пойти по другому пути.

Я решил описать не все подряд, что видел и слышал, а наиболее важное, незабываемое, особенно поразившее меня. Вы спрашиваете, взята Маринка из жизни или выдумана мной. И да и нет. Я знал много ребят, очень похожих на Маринку, много взрослых, похожих на ее маму и папу, и слышал не одну историю, напоминавшую ту, о которой вы прочитали в повести.

Из всех знакомых мне людей я отобрал только трех, наиболее понравившихся мне, они стали главными героями повести. Но чтобы характеры их получились более яркими и жизненными, достоверными, я придал им отдельные черточки характеров других людей.

Точного адреса у Маринки нет, достать ее фотографию невозможно, но и считать ее целиком вымышленной тоже нельзя, потому что ее образ навеян сразу несколькими знакомыми мне девочками, и от каждой из них я взял те черточки, которые были нужны для замысла повести.

Не знаю, вернусь ли я к образу Маринки в других книгах, но, как и вы, уверен, что из нее вырастет хороший человек, честный, мужественный, верный в дружбе, нужный людям.

А. Мошковский

САДЫ И ПАРКИ

Сразу скажу: некоторым ребятам то, что они сейчас прочтут, может быть, даже вовсе не понравится... Но не будем забегать вперед.

«В средневековье садов было мало, выращенные растения очень ценились и строго охранялись. Были установлены определенные законы против тех, кто портил или уничтожал растения. Согласно закону 1187 года, испортившему привитое дерево, грозило прожигание пальцев ног. А в XIII веке в городе Аугсбурге виновного в порче чужого сада прибивали к позорному столбу, отсекали правую руку и осуждали на вечное изгнание».

Как видите, я оказался прав: кое-кто из наших читателей задним числом испугался за свои руки и ноги, а некоторые облегченно вздохнули: это было в средние века, когда людей и на кострах жгли. А теперь такого закона, чтоб людям руки рубить, нет. Такого закона нет, но ведь и другого закона, по которому разрешалось бы забираться в чужой сад, ломать деревья, топтать цветы, тоже нет. А между тем бывает, что ребята все же забираются, ломают, топчут и считают это чуть ли не подвигом. Но разве это подвиг?

Труд садовника всегда был тяжел, сложен и всегда ценился очень высоко.

В Голландии два-три века тому назад вооб-

ще не было более почетного занятия, чем садоводство. Многие редкие сорта цветов стоили баснословно дорого. Луковица тюльпана «Адмирал Лифкен» оценивалась в 20 000 гульденов. За луковицу «Вице-король» однажды было уплачено 24 четверти пшеницы, 48 четвертей ржи, 4 жирных быка, 8 свиней, 12 овец, 2 бочки вина, 4 бочки пива, 2 бочки масла, 4 пуда сыра, связка платья и серебряный кубок. А когда один садовник вывел черный тюльпан, то в Копенгагене по этому поводу было устроено грандиозное празднество, и принц Вильгельм Оранский на городской площади вручил садовнику награду — кожаный мешок со ста тысячами золотых гульденов — дань труду и редкому искусству цветовода.

Мы чтим имена гениальных писателей, композиторов, архитекторов и почти совсем не знаем имен гениальных строителей садов. А такие, оказывается, тоже были. И первый среди них — француз Ленотр, создатель прославленного Версальского парка под Парижем. Это был целый город с зелеными стенами. Здесь были залы, колоннады, лабиринты, театр, бассейны, каскады, фонтаны, статуи...

Но восхищения достоин не только Версальский парк, немало замечательных садов и парков и в других странах мира. В Китае есть сад, который занимает 200 квадратных километров. На его территории свободно могли бы разместиться четыре таких города, как Лондон. А в Японии можно увидеть комнатные сады, которые спокойно умещаются... на тарелочке: настолько микроскопичны ели, сосны и березки, растущие в этих садах.

И все же, может быть, интересней всего история наших садов: Летнего и Таврического в Ленинграде, парков Петродворца, Пушкина, Павловска под Ленинградом, садов Москвы и Подмосковья и других.

Обо всем этом можно прочесть в удивительной книге *Николая Михайловича Верзилина «По садам и паркам мира».*

Б. Дворсон

Смешная книжка

Вы любите смешные и веселые книжки?

Я тоже. Поэтому я с удовольствием читал новую повесть писателя **Аркадия Минчковского «Десять дней одни втроем»**, вышедшую недавно в Ленинграде. Читал и громко смеялся.

Рассказано в этой книжке о том, как брат и сестра, Валенка и Шурик, их верный пес Бум и сердитая кошка Курнава жили прошлым летом на даче. Жили в общем дружно, придумывали разные необыкновенные игры, ссорились и мирились, спорили с хитрыми соседскими девчонками Чиками, дразнили избалованного плаксу Люсика.

И вдруг случилась неожиданная неприятность. Маме пришлось уехать на десять дней в командировку, и вместо нее с ребятами остался хозяйничать папа. И тут оказалось, что папа — это совсем не то, что мама. Уж как они вдвоем помогали папе, а все получалось плохо! Керогаз не зажигался, суп выкипел, а гусь ни за что не хотел свариться. Пришлось питаться кое-как, всухомятку.

А дальше пошли совсем грустные дни. Кончились чистые рубашонки и штанишки, не осталось вымытой посуды, в доме настал полный ералаш.

И совсем бы пропасть всем троим, если бы, на счастье, не приехал старый папин товарищ, бывший моряк и даже водолаз дядя Саня. И тогда выяснилось, что если правильно подойти к делу, то можно прожить несколько дней и без мамы и даже научиться убирать комнаты и мыть посуду, готовить обед и стирать трусики. Настоящие моряки давно уже наловчились все для себя делать сами, не надеясь на мам и теть.

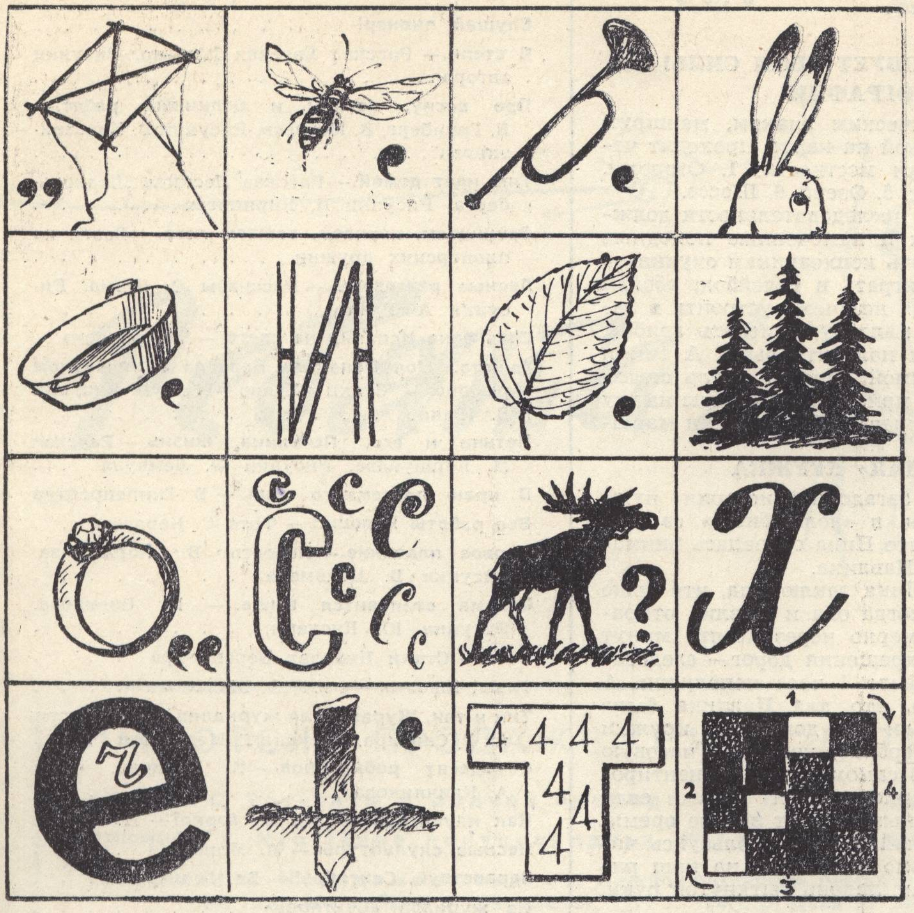
Это я рассказал только о самом главном. А вообще в этой книжке есть еще многое другое — уйма смешных приключений и историй. Одно перевоспитание балованного Люсика чего стоит!

Очень советую, кому станет скучно, прочесть эту книжку.

А. Дорохов

В ЧАСЫ ДОСУГА

РАССЫПАННЫЙ РЕБУС

Немало всяких ребусов приходилось решать нашим читателям, а вот с таким, как на этой странице, многие, вероятно, встречаются впервые. Все рисунки в нем перепутаны, стоят не на своих местах.

Дело за вами, ребята! Попробуйте навести здесь порядок. Для этого нужно только поискать ключ к решению головоломки. Кстати, спрятан он недалеко и занимает одну из шестнадцати клеток ребуса.

Кто овладеет ключом, тот без большого труда прочитает зашифрованную в этом ребусе загадку-шутку. Ну, и постарается, конечно, дать на нее ответ.

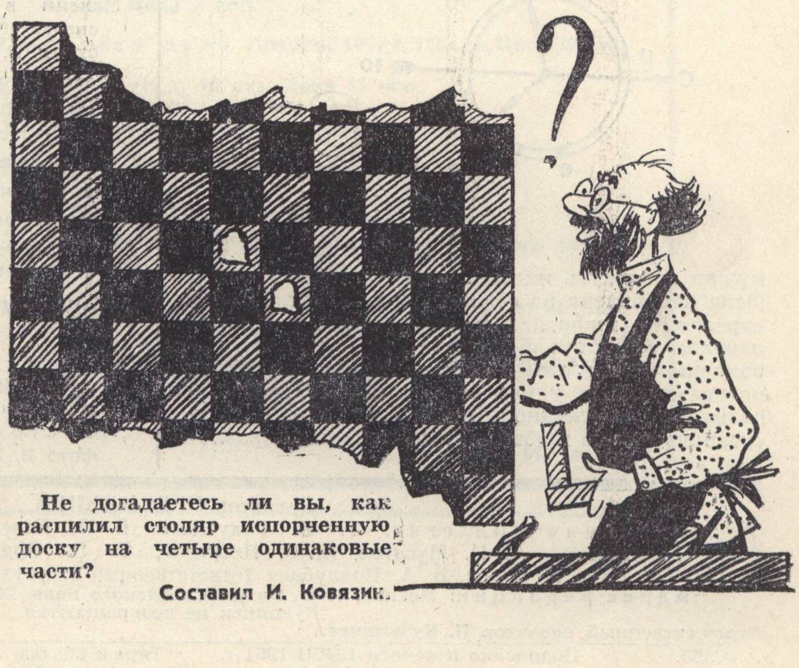
Составил В. Шестаков.

ДОГАДЛИВЫЙ СТОЛЯР

Столяру принесли испорченную доску от стоклеточных шашек, сделанную из очень ценной породы дерева. Доска была обломана с двух сторон и частично повреждена в середине, но так как неповрежденными оставались 64 клетки, то у заказчика возникла мысль: нельзя ли из этой испорченной стоклеточной доски сделать хорошую шахматную доску?

— Можно,— сказал столяр, внимательно осмотрев доску,— но для этого мне придется распилить ее на четыре части и заново склеить.

Так и было сделано. Столяр отлично справился с работой. Когда заказчик получил готовую шахматную доску, он не без удивления обнаружил, что все четыре части, из которых склеена была доска, оказались равными по количеству клеток и одинаковыми по форме.

Не догадаетесь ли вы, как распилил столяр испорченную доску на четыре одинаковые части?

Составил И. Ковязин.

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 6

ВСЕЗНАЙКА ПРОБУЕТ СВОИ СИЛЫ В ТОПОГРАФИИ

Судя по топографическим знакам, маршрут, проложенный Всезнайкой на карте, проходит через следующие участки местности: 1. Огороды. 2. Луг. 3. Болото. 4. Лес. 5. Озеро. 6. Шоссе.

Очевидно, в той же последовательности должны были чередоваться и намеченные походные дела: на огородах помочь колхозникам окучивать картошку; на лугу поиграть в волейбол; обойдя болото (забираться туда незачем), устроить в лесу привал, раскинуть палатку, поискать грибов; на озере искупаться и половить рыбу. А там и домой, в лагерь — прямой дорогой вдоль шоссе.

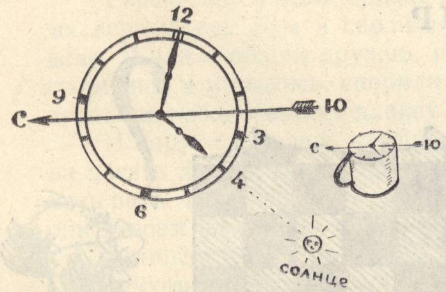
Большинство ребят, приславших ответы на эту задачу, именно так поправило Всезнайкин маршрут.

«ВОЛШЕБНАЯ» КРУЖКА

Объяснение «почти загадочной истории» нужно искать, конечно, не в «волшебных» свойствах кружки, а в том, что Нина оказалась внимательней и находчивей Павлика.

Из слов вожатого Нина заключила, что было без четверти четыре, когда она и Павлик отправились в лагерь. Примерно через десять минут ребята добрались до скрещения дорог — следовательно, в это время было 4 часа пополудни. А дальше произошло то, что для Павлика было полной неожиданностью: на донышке кружки Нина нарисовала циферблат, направив часовую стрелку на цифру 4. В самом деле, ориентироваться можно и по нарисованным часам, если они показывают в данный момент верное время!

Кто не знает, как найти север, пользуясь часами, пусть внимательно посмотрит на наш рисунок. Положив часы на ладонь вытянутой руки,

нужно повернуть их так, чтобы часовая стрелка была направлена на солнце. Дугу между часовой стрелкой и цифрой 1 на циферблате разделите пополам соломинкой или спичкой (или даже карандашом, как это, очевидно, и сделала Нина, поскольку часы у нее были довольно крупного размера). Мысленно продолжив полученную среднюю линию в обе стороны, найдем направление «север-юг».

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28, комната 11. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.
Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**
А 00288. Подписано к печати 13/VII 1961 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 1422. Заказ 1474.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ СОВЕТСКИЕ МАРКИ?

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14